

Ф.Т. ДЬЯЧЕНКО

# НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА





Ф. Т. ДЬЯЧЕНКО

# НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА

ЛЕНИЗДАТ • 1982

63.3(2)722

Д93

Литературная запись  
*Юрия Кринова*

Д  $\frac{0505030202-131}{M171(03)-82}$  71-82

© Лениздат, 1982

## 120-й ЗАПАСНОЙ

Я дважды прочел узкую бумажную полоску с лиловым штампом Норильского военкомата. И там, где были пробиты машинисткой точки, еще раз увидел вписанную четким, жирным почерком свою фамилию, срок явки на призывной пункт. Я стал новобранцем майского призыва тысяча девятьсот сорок второго года.

С сожалением расстался с мастерком штукатурки. В последний раз обошел дом, еще пахнувший известкой, свежей краской, с остатками строительного мусора. попрощался со своими друзьями — строителями. И через сутки стоял в толпе призывников на просторном дворе Норильского райвоенкомата с небольшой котомочкой в руке, в которой уместилось все мое богатство: пара белья и новая рубашка-«ковбойка».

Я жил в Норильске один, родные мои находились на Украине, к тому времени оккупированной врагом. Меня никто не провожал, никто не лил слез. Я слушал чужие прощальные слова и видел чужие глаза, в которых застыли и страх, и боль, и надежда... Тревожное, щемящее чувство парастало у меня в душе, к горлу подступил комок. И когда засвистел в последний раз паровоз и его сильный голос заглушил рыдания и крики, я понял, какое огромное человеческое горе плещется вокруг, и внутри

словно оборвалась какая-то питочка, связывающая меня с окружающим миром.

По узкоколейке мы добрались до Дудинки. Дальше нам предстояло длительное путешествие вверх по Енисею, только что освободившемуся от ледяного покрова.

На старом, выдавшем виды пароходе, кроме нас, постоянных пассажиров почти не было. Местные жители садились и сходили на ближайших пристанях. Правда, по таящим масштабам, это иной раз выражалось в сотнях километров. Мы быстро освоились со своей паровой жизнью, познакомились друг с другом. Я даже нашол своего земляка. Его я заметил еще на призывном пункте в Норильске. Им оказался коренастый, сероглазый молодой парень Иван Денисенко.

Он был немного выше меня ростом, со светлыми, почти такими же, как у меня, волосами, стриженными ежиком, круглым, чуть скуластым лицом, усыпанным золотистыми веспушками. Только нос у него был попрямее, чем у меня, да подбородок покругче.

Но не только внешне, даже и характерами мы были в чем-то схожи. Иван, так же как и я, был непоседлив, напорист, быстро сходил с людьми. В свои двадцать с небольшим лет он имел не одну профессию, был, что называется, мастером на все руки. В Норильске Денисенко работал парикмахером. И ребят, которым удалось в военкомате избежать стрижки наголо, Иван подстриг под «польку» уже на палубе парохода.

Денисенко любил пересыпать свою мягкую, певучую украинскую речь шутками, меткими словечками, в которых чувствовался знакомый мне с детства пародный юмор. Я заинтересовался, откуда Иван родом:

— Ты из каких мест, дружок?

— З Украины... — сказал Денисенко и уточнил: — З Полтавицины.

— Не брешешь? — обрадовался я.

— Та што ж мне брехать, ты ж за то грошей не дашь... Село Пустовитово слышал?

— Слышал! А мы — беляговские...

Оказалось, что мы жили в соседних районах. Это еще больше сблизило нас. И мы часто теперь вспоминали наши родные места, особенно когда на подходе к Красноярску после унылой тундры по-настоящему запахло весной.

Мне вспоминались Бетяги — тихое небольшое село недалеко от Хорола, старая вишня, которую посадил мой дед Тимофей. Ее раскидистые ветви укрывали почти всю нашу хату. А когда она цвела, то и хата становилась тоже нежно-розовой. И не такими старыми казались все в мелких трещинках оконные рамы и почерневшая от дождей и ветров соломенная крыша. И паша приземистая, пакрепко вросшая в землю хата в этом весенне-праздничном паряде становилась как бы выше.

Среди призывников нашелся еще один земляк — шахтер Никита Деревяненко. Он был родом с Харьковщины, лет на десять старше нас. Большие, узловатые руки Никиты покрывали черные крапички въевшейся в кожу угольной пыли. Он почти не выпускал изо рта толстенные самокрутки крепчайшего самосада. И голос его хрипел и скрипел, как старые ворота. Предметом гордости и забот Деревяненко были пышные, как у доброго запорожского казака, усы, порыжевшие от табака.

К концу мая наше путешествие завершилось в небольшом старинном сибирском городке. Раскинувшийся на холмах и пригорках, он, наверно, мало изменился со времен Ермака. Улицы, как весенние ручейки, разбегались во все стороны. Дома стояли добротные, из могучих, в три обхвата, сосен. Карпицы и паличники домов украшала, словно кружевами, затейливая резьба. Каждый двор был обнесен высоким забором и напоминал небольшую крепость. А вдоль заборов тянулись деревянные тротуары из двухдюймовых досок. Все сделано прочно и основательно.

В довоенные годы это был тихий провинциальный город. Сейчас в нем находилось много военных и эвакуированных. Здесь звучала разноязычная речь, встречались люди самых различных профессий. В городе и вблизи его размещались военные училища, резервные части, готовые пополнение для фронта.

120-й запасной стрелковый полк, в котором началась моя служба, стоял за городом. Палатки, землянки, дощатые сарайчики занимали огромную территорию на опушке соснового леса. А где сосна, там и песок. Малейший ветерок поднимал облака пыли.

Военный городок был похож на муравейник, в котором немудрено и затеряться. Всюду слышались команды, маршировали взводы, роты. Куда-то спешили командиры. Бойцы, стриженные под машинку — «нулевку», в выцветшем старом обмундировании, выданном нам в запасном полку, казались все одинаковыми. И в первые дни мы даже с трудом узнавали друг друга.

Обычно с нами занимались младшие командиры. Старших мы почти не видели. Я смутно помню командира батальона. Кажется, он имел звание капитана и носил на красных петлицах одну «шпалу». На его гимнастерке из тонкого сукна от резких движений тихопоько позванивали две медали. Говорили, что наш комбат отличился то ли под Вязьмой, то ли под Смоленском.

Больше запомнился мне политрук нашей роты, хотя фамилию его я, к сожалению, запомнил. Он был из Ленинграда. В первые дни войны ушел добровольцем на фронт. Получил тяжелое ранение, после которого заметно прихрамывал.

Политрук до войны был учителем. Он оказался на редкость обходительным и вежливым человеком. Мне политрук постоянно напоминал нашу учительницу из беляговской школы Анну Гавриловну Богомаз. Казалось, вот-вот услышу знакомое: «Дети, начнем урок!»

Всем солдатским премудростям нас обучал сержант



Ивап Мищенко, разбитной, хитрый парень с широкоскулым монгольским лицом.

В армию его призвали до войны. Он окончил полковую школу. Служил где-то в Белоруссии. Там и застала его война. По словам Мищенко, за первые недели войны он испытал всякое. Под Смоленском раненым попал в плен. Военнопленных держали в каком-то загоне, огороженном колючей проволокой. Постоянно мучила жажда.

Но пробыл Мищенко в плену недолго. Однажды их группу фашисты перегоняли в другой лагерь. По дороге колонна попала под бомбежку. Началась суматоха, паника. Воспользовавшись моментом, несколько красноармейцев, и среди них Мищенко, бросились в ближайшие кусты. Ползком, перебежками им удалось уйти от гитлеровцев и укрыться в лесу. Проплутав несколько дней по смоленским лесам, они вышли к своим.

В декабре сорок первого Мищенко вновь на фронте. В боях под Москвой командовал отделением в полковой разведке. Снова был ранен, на этот раз в ногу. Долго лежал в госпитале, но хромота все-таки осталась, и после выписки его назначили в паш запасной полк.

Характер у сержанта был вспыльчивый. Но мы терпеливо сносили его придирки, язвительные шутки. Мы даже гордились нашим сержантом перед другими новобранцами, у которых отделениями командовали не фронтовики.

Гонял нас Мищенко до седьмого пота. Особенно любил заставлять ползать по-пластунски. Помню, мы даже как-то подшутили над ним. Сержант куда-то отлучился, а когда вернулся, мы бросились на землю и поползли ему навстречу.

На занятиях, по его выражению, он создавал «тактическую обстановку». Показывая на какой-либо предмет, командовал:

— Атаковать пулемет! Вперед!

И мы ползли на этот «пулемет». Мищепко шел сзади. И если кто-то не очень прижимался к земле, он возвращал его на исходное положение и заставлял снова ползти, при этом приговаривая: «Прижимайся плотнее к земле, а то фашистская пуля прижмет...»

Особенно он придирался к Никите Деревяпенко. Он запомнил, как Никита однажды сказал ему при всех: «Ты, хлопец, у мамки титьку сосал, когда я уголек рубал...» С того дня и пошло. Чуть что, только и слышно было: «Это вам, Деревяпенко, не уголек рубать!»

Но еще тяжелее, чем ползание по-пластунски, были марш-броски с полной выкладкой.

Не реже раза в неделю нас срывал с нар крик дневальных:

— Тревога-а-а! В ружье!

В потемках мы спрыгивали на пол. Натыкаясь друг на друга, расхватывали обмундирование. Быстро пакручивали обмотки. Стоял шум, гам.

Вскоре землянка пуста. Мы выскакивали паружу. Глотнув свежего воздуха, бежали на плац — там нас поджидали командир роты и политрук. А иногда и сам командир батальона. Комроты отдавал «боевой приказ»:

— В районе сопки Круглая противником выброшен воздушный десант. Седьмой роте приказано уничтожить его...

Вариант с «десантом» повторялся почти каждый раз. Мы молча слушали ротного и мысленно чертыхались. Знали, что пять километров придется бежать, идти форсированным шагом, переползать по-пластунски и снова бежать. И основательно вымотавшись, «атаковать» фаерные мишени на пустынном стрельбище.

По росту я был левофланговым и на марше шел замыкающим. Впереди сто пятьдесят пар солдатских ног поднимали завесу пыли. На мою долю приходилось столько песка, что он не только хрустел на зубах, но и как наждаком драл все внутренности.

Первое время от таких марш-бросков у меня шли круги перед глазами. Бешено колотилось сердце и стучало в висках. Хотелось упасть и лежать. Но отставать было нельзя. Отстающие лишались отдыха. И по возвращении в лагерь их отправляли в наряд на кухню, где старый ворчливый повар Михеич заставлял чистить картошку так, чтобы не было ни одного «глазка», и кожуру снимать тонкими колечками.

...Больше всего мне полюбилась огневая подготовка, хотя поначалу управляться с винтовкой при моем росте оказалось нелегко. «Трехлипейка» старого образца была чуть выше меня.

Иван Денисенко подшучивал надо мной:

— Ты, Федор, требуй второго номера для своего ружья. Нехай дадут переносчика оружия малорослому солдатику!

Ухаживал я за своей винтовкой с большой охотой. Чистил до блеска. Из каждой щелочки выковыривал грязь, хотя времени на это уходило много. Ружейное масло с пылью забивало все уголки.

Как-то во время чистки оружия Мищенко долго смотрел, как я обламываю спичку за спичкой. Подозвал к себе.

— Сколько вы, товарищ Дьяченко, спичек извели напрасно, а простой вещи сделать не догадались. Смотрите!

Он развернул тряпицу, в которой аккуратно было уложено штук пять деревянных палочек. У одних концы были заострены, как карандаш, у других — напоминали лопаточки.

Мищенко взял заостренную палочку:

— Этой я чищу затвор... — он прошелся по пазу венчика. — А «лопаточкой» хорошо чистить магазинную коробку. Помните: грязь — первая причина отказа оружия. Откажет винтовка в бою, считай, что убит. Потому что ты безоружен перед врагом!

Вечером я папел дубовый брусочек и настрогал полный комплект палочек. Совет сержанта я запомнил накрепко. За всю солдатскую службу у меня не было случая, чтобы отказало в бою оружие. Винтовку я берег пуще глаза.

Чистили мы оружие после обеда. Мне нравились эти минуты. Нам разрешали снять пропотевшие гимнастерки и нательные рубашки. Обнаженные до пояса, мы устраивались возле столов, которые стояли под соснами. Здесь пахло смолой, маслом, щелочью. Слышались смех, шутки, старые солдатские анекдоты, вроде того: сколько весит «мулек», про винтовку, стреляющую из-за угла...

С интересом я изучал взаимодействие частей механизма винтовки. Как умно и просто они связаны друг с другом! Потянешь на себя круглую, отшлифованную солдатскими руками рукоятку затвора, и зуб отсечки-отражателя намертво схватит закраину патрона и тянет его из ствольной коробки. Еле слышимый щелчок! И пустой патрон вылетел. А спизу, ему на смену, готов очередной.

Боевых стрельб мы ожидали с петерпеннем. Но первыми на стрельбище вышли бойцы соседней роты. Как мы им завидовали! Они сразу выросли в наших глазах. Ведь это совсем не то, что стрелять из малокалиберки.

Но вот пришел и наш черед. Накануне стрельб старшина роты собрал целую бригаду плотников — готовить мишени. По заданию политрука ротный художник Лева Стрижевич рисовал какие-то плакаты, картинки. На мою долю выпала задача очистить от пыли прицельные станки. Словом, работы хватало на всех.

Накануне, по случаю стрельб, отбой нам сделали раньше. Роте было приказано выставить оцепление, подготовить рубежи, расставить мишени. А для этого мы должны были почти затемно прибыть на стрельбище.

Однако спать не хотелось. Да и не только мне одному. Слышу, рядом ворочается Деревяненко.

— Не спишь, Никита? — спрашиваю своего соседа.

— Нет.

— Послухай, может, скоро и на фронт отправят?

— А тебе что, хочется побыстрее к черту в пекло?

— Надоело ползать.

— Слушай, ты хоть стрелял па «гражданке»? — после недолгого молчания обращается ко мне Никита.

— Да у нас и ружья не было. — И я вспоминаю, как мы, беляговские мальчишки, завидовали нашему соседу Павлу, у которого отец имел берданку.

— Не дай бог, завтра мазану. Мищенко заест, — со вздохом говорит Никита.

— Не бойся! Не так страшен черт, как его малюют... Давай-ка лучше спать.

Натягиваю па голову тонкое, как рядно, одеяло и под монотонную воркотню Никиты засыпаю.

На рассвете нас будит сигнал горниста «подъем!». Моментально вскакиваю. Одеваюсь. Быстро накручиваю обмотки. Вдруг одна из них, как назло, выскальзывает из моих рук. Мищенко недовольным голосом делает замечание: «Дьяченко, мух ловите! Отделение задерживаете!»

Но вот я и в строю. Спешим в столовую. Наскоро проглотив жидкую пшеничную кашу, форсированным маршем идем на стрельбище.

Второй взвод уходит в оцепление, чтобы перекрыть дороги и тропки, по которым случайные люди могут попасть под огонь стреляющих.

Мы, по приказанию ротного командира, составляем винтовки в козлы, сбрасываем скатки шинелей и направляемся готовить исходные рубежи.

После короткого перекура командир назначает стреляющие смены. Показчики мишеней бегут занять свои места. Мы ждем сигнала.

На высокую мачту медленно ползет красный флаг. В чуть нагретом утренними лучами солнца воздухе звучит сигнал горниста: «По-па-ди... по-па-ди». Стрельбище притихло. Раздались первые хлопки выстрелов. И гам,

где черпели головки мишеней, поднялись вверх тонкие струйки пыли.

Через несколько минут прозвучал отбой. Отстрелявшие смены торопливо двинулись к мишеням.

Мы ждем своей очереди. Обсуждаем результаты стрельб предыдущей смены. Подходит политрук.

— Как, товарищ Дьяченко, думаете стрелять? — обрапается он ко мне.

Вопрос неожиданный. И я, не раздумывая, выпаливаю:

— Не меньше чем на «отлично»!

Ребята вокруг хохочут. Никто не ожидал от меня такой прыти. И политрук тоже улыбается:

— Похвальна ваша уверенность... Похвальна! В бою очень важно быть метким и уверенным стрелком.

Наш разговор прерывает команда: «Раздать патроны!» Доходит очередь и до меня. Сержант Мищенко насмешливо говорит:

— Получай, «спайпер»...

И я вдруг понимаю, что ведь зря похвастался. Промажу — ребята засмеют. Надо постараться.

Спокойно ложусь на влажную от росы землю. Поправляю ремень, плотнее прижимаюсь щекой к прикладу винтовки, мысленно повторяю, как учил меня сержант: «Совместите мушку с прорезью прицела, подведите мушку под обрез мишени». Задержав дыхание, плавно пажимаю на спусковой крючок.

От выстрела звенит в ушах. А рядом, справа и слева, один за другим стреляют товарищи. И меня охватывает какой-то азарт. Истезают остатки волнения. Делаю еще подряд два выстрела.

— Вста-ать! — раздается зычная команда. — К мишеням!

Идем быстро. Перепрыгиваю через канавы, старые окопчики, ямки. За ноги цепляется успевавшая вымахать верхка на два майская трава.

Вблизи мишени превращаются из черных в темно-зеленые. И мне кажется, что это вовсе не фанерные листы, а головы фашистских солдат. Я даже вижу их звериный, хищный оскал, как на плакате.

В центре мишени три дырки. Одна возле другой. Можно прикрыть медным пятак. «О, це кучность!» — удивленно и радостно смотрю на мишень.

— Красноармеец Дьяченко, докладываете! — слышу сзади голос командира взвода.

Круто поворачиваюсь. Но из головы вылетели все положенные для доклада слова. И я, мешая русскую и украинскую речь, говорю:

— Все три попал!

Командир пахмурился. По тут подошел политрук, и я избежал выговора.

— Снайперский выстрел, товарищ Дьяченко. Молодцом! Так и гитлеровцев бить надо! — похвалил политрук.

Подошел и Деревяненко. По взгляду понял — завидует.

— Как у тебя? — спрашиваю Никиту.

— Одна за «молоком» пошла, — огорченно отвечает Никита.

Первые стрельбы в роте оказались неудачными. Многие безбожно мазали. И комбат приказал вместо физзарядки проводить стрелковые трепажи. Сержант Мищенко назначил меня кем-то вроде инструктора. Я стал тренировать Никиту Деревяненко и еще одного красноармейца. Они были моими первыми учениками.

Служба в запасном полку состояла из стрельб, маршей, тактических занятий... И снова стрельбы, марши... Изучению уставов, политзанятиям у нас отводилось мало времени. Вся «словесность» проводилась в поле, на практике.

Разнообразие в нашу жизнь вносили «банные» дни. Подъем назначался на час раньше. Строем попарно мы шли в город. Он еще только начинал просыпаться. В утренней тишине гулко разносился топот тяжелых солдатских ботинок по булыжной мостовой.

После бани нас пельзя было узнать. Распаренные, румяные, мы шагали бодро и весело. Старшина роты подавал команду: «Дьяченко и Трофимов — запевай!» Мы вставали в середину строя и лихо начинали любимую «Катюшу». А бойцы с гиканьем, с присвистом подхватывали припев.

Тихий город немедля оживал. Хлопали калитки. На улицы выходили крепкие, полногрудые сибирячки со стайками шумных, шустрых ребятишек. Женщины с любопытством и какой-то затаенной грустью смотрели на нас. И лишь изредка кто-нибудь из них отпускал по нашему адресу такую шутку, что взрыв хохота заглушал даже песню. Но потом снова мы видели в женских глазах тоску и грусть.

И мне казалось, что ладные сибирячки хотели нас спросить: доколь же мы будем маршировать по улицам, почему мы не на фронте, не там, где их мужья, сыновья, отцы? Наша задорная красноармейская песня начинала звучать как-то глуше, тяжелее становился шаг. Мы невольно опускали глаза, словно были в чем-то виноваты.

Через месяц-полтора нас считали «стариками». Мы теперь не ходили на тех солдат-новобранцев, которые на все смотрели испуганными глазами и вздрагивали от каждой команды.

Нас меньше гоняли на строевой, реже посылали в наряды, в гарнизонный караул. Мы успевали по сигналу «подъем» одеться и умыться за несколько минут и вставать в строй заправленными по всем правилам, так что даже Мищепке не к чему было придраться. У нас появилась строевая выправка, четкость в движениях.

Правда, все это казалось нам просто ненужной «муш-



трой», и мы немало чертыхались по этому поводу. Помню, как на тактических занятиях наш взводный ногой разбрасывал «маскировку» стрелковой ячейки, если обнаруживал ее за два-три десятка метров. Тогда это казалось излишней придиркой. И я очень злился, когда однажды мне пришлось под палящим июньским солнцем отрывать новую ячейку вместо «обнаруженной». Зато с какой благодарностью вспоминал потом, в окопах под Ленинградом, эти солдатские уроки.

...Почти ежедневно на плацу выстраивались маршевые роты и батальоны. Бойцы стояли в новеньких гимнастерках, увешанные всей положенной амуницией. Солнечные блики играли на вороненых штыках. Возле строя сустились иптедапты, старшины, писаря. Они проверяли выкладку, подгопку обмундирования. Здесь же раскладывали пухлые папки со списками и ведомостями, в которых красноармейцы расписывались бесчисленное количество раз, порой толком не зная за что.

Потом появлялся оркестр. Шум прекращался. К строю петоропливой походкой шли командир полка и комиссар. Они поднимались на трибуну, обитую красным сатином. Начинался митинг. Затем роты перестраивались в походные колонны и, отбивая шаг, проходили мимо трибуны. Серое облако пыли поднималось над полковым плацем и катилось в сторону железнодорожного вокзала.

В июле дождалась своей очереди и мы. В последний раз прошли по тихим улицам к железнодорожному вокзалу.

## ЧЕРЕЗ ВСЮ РОССИЮ

Вторые сутки наш эшелон тащится на фронт. Вторые сутки теплушку мотает из стороны в сторону. И старый вагон, которому давно пора на покой, пищит и скрипит, словно жалуется на суматошную жизнь.

По каким-то железнодорожным законам нас часто задерживают на полустапках и разъездах. Вперед пропускают составы с техникой. Видать, она там нужнее. На платформах парусами раздуваются брезенты, под которыми видны орудия, танки, самоходки. И все новенькое, все не тронутое, не опаленное войной.

Обдав нас на прощание облаком пыли и песка, составы исчезают вдаль. И наш паровоз «ФД», рассерженно рывкнув гудком, продолжает тащить эшелон. Снова скрипит и поет старая теплушка.

Куда мы едем? Куда ведет нас бесконечная шеренга ссырых телеграфных столбов? Пытаемся узнать у политрука. Как старший по возрасту, разговор начинает Дервяненко. По политруку, то ли сам не знает, то ли еще по каким-нибудь соображениям, уклончиво отвечает:

— Не знаю, хлопцы. Фронт велик! Думаю, найдется место и для нас.

Дервяненко не удовлетворяется таким ответом. У него уже припасен следующий вопрос:

— А скажите, товарищ политрук, что там, под Воронежем, делается?

— Продолжаются ожесточенные бои...

— Так, может, и нас туда? — допытывается Никита.

— Всякое может быть... Командование знает, где мы всего нужнее... — И что-то утвердительно слышится в глосе политрука.

— Как же получается, — вслух размышляет Дервяненко. — От Москвы его погнали, а под Харьковом да Воронежем опять вперед пятками пошли?

— А что, думаешь, на войне и отступления не бывает? Вон в сорок первом как драчали... — перебивает Никиту сержант Мищенко.

— Так же снова треба начинаты, як и в ту годину? Що це за така стратегия? — Иван Денисенко садится на край пар и тоже вмешивается в разговор.

Перестук колес мешает слушать, и мы подвигаемся поближе. Начинается словесная перепалка.

— А тебе так и не говорят! — зная настырный характер Ивана, как от назойливой мухи пытается отбиться Мищенко.

— Та и не треба говорить. И дурному ясно — проморгали, пока германец силы збирав, — не сдается Ивац. Кто-то одобрительно кивает. Мищенко краснеет.

— Тебе, Денпсепко, только бы в Генеральном штабе сидеть. Вот ты бы развеял стратегию, — ядовито замечает сержант.

Но Иван словно и не слышит.

— А що — может, и пригодился бы там... — под дружный смех парирует он и примирительным тоном добавляет: — Вы не сердчайте, товарищ сержант.

Он снова ложится на пары. Смотрит в потолок вагона, от которого, как от сковородки, пышет жаром. И снова наступает тягостное, сонное молчание.

Солдатским сердцем угадываем: что-то с весны сорок второго года в механизме войны повернуло не в нашу пользу. И каждого волнует, как бы не пришлось начинать все сызнова. Далеко фашист забрался.

И хотя сводки Совинформбюро очень похожи одна на другую, с каждым днем все явственнее чувствуем надвигающуюся опасность.

Тревожные мысли лезут в голову. Думаю о доме, о том, что ждет меня на фронте. Может быть, и в самом деле едем на юг?

...Эшелон набирает скорость. Теплушка раскачивается из стороны в сторону. Скрипят доски, как на старом баркасе. Снаружи о вагон бьет какая-то железка. Свищом палываются веки. И кажется, будто не колеса вагона стучат, а пулеметы стрекочут бескопечными очередями: тук-тук... так-так... тук-тук... так-так...

Очнулся я от свежего ветерка, который ворвался в окошко теплушки и ласково лизнул потное лицо.

Кто-то закричал: «Закрывать окна, двери! Впереди мост». Пока я провозился с неподатливой щеколдой, замелькали ажурные фермы, окно так и осталось открытым. Мы прильнули к нему, чтобы посмотреть на величественную сибирскую реку Обь.

Словно чайки, скользили по ее зеркальной поверхности белые теплоходы. Буксирчик, казавшийся игрушечным, тянул длинный хвост барж. Поближе к берегу сплывали рыбацкие лодки.

Мост кончился, а я продолжал смотреть на могучую реку, пораженный ее величием.

— Что, Федор, залюбовался нашей красавицей? — обнял меня за плечи румяный сибиряк Воронков.

— Добрая, как Днепр! — не найдя другого сравнения, ответил я.

— Ха, загнул, братец! На тыщи три километров, а то и поболее, Обь длиннее Днепра! — Воронков с гордостью посмотрел на ребят: вот, мол, какая наша Обь!

— А в Сибири малым речушкам и делать нечего. Затеряются. Вон земли-то сколько! — поддержали его товарищи, которые, как и он, жили в Красноярске.

— Да разве одной землей живет человек. У нас на Урале все главное богатство есть. Железо, медь, уголь... А заводов сколько! Труб — как в вашей тайге сосен! — вступил в разговор сержант Мищенко.

И словно как от искорки костер, разгорелся спор. Каждый хвалил свои места. Дальневосточники хвастались рыбой, пушным зверем, сибиряки — таежными богатствами. Не удержался и Деревяпенко. Он полюбил суровый Норильск, который только еще начал пробуждаться к жизни, и теперь рассказывал товарищам, как богат этот далекий край.

Я молчал. И не потому, что нечего было сказать о привольной родной Украине. В ее недрах богатств тоже немало. Ее степи родят пшеницу не хуже сибирской. Ее реки так же полноводны и прекрасны. Но там

хозяйничает враг. И я не знал, не представлял себе, что делается на моей родине. Знал только одно — она ждет освобождения.

...Предгорья Урала обдали нас свежими ветрами. Поезд проходил меж скал, с грохотом пропосился по мостам, перекинутым через шумные реки. Кедровые сосны, разлапистые ели подступали к самой насыпи.

Мы подъезжали к Свердловску — сердцу Урала. Город начинался лесом заводских труб, нависшим над ними серым облаком дыма. Потом пошли дома: рубленые, каменные, обшитые тесом, оштукатуренные и просто бараки под толевыми крышами. Как крепостные стены, тянулись корпуса заводских цехов и огромных складов.

И вот наш состав застучал по стрелкам, как бы выбирая свободное место на станционных путях, сплошь забитых эшелонами с танками, орудиями, автомашинами. Из теплушек нам приветственно махали руками, что-то кричали такие же, как и мы, бойцы.

Наконец эшелон остановился. От вагона к вагону полетела команда: «Взять котелки, выходи строиться!» Пастроение поднялось. Ведь накануне мы только один раз получили горячую пищу и почти сутки «проехали» на сухом пайке.

Позвякивая котелками, идем в столовую продпункта. Огромное полутемное помещение, то ли бывший склад, то ли какой-то барак, сплошь заставлено столами. Пахнет сыростью, кислой капустой, паром. У раздаточных окошек выстраиваются очереди. Пожилая повариха щедро наливает в котелок щи из полусырой, кислейшей капусты, в крышку котелка одним махом половника ловко накладывает жидкую пшеничную кашу с мясом.

Получив порцию, спешим занять места. И дружно начинаем стучать ложками. Между столами прохаживается усатый старшина из местных продпунктовцев. Он смотрит за порядком и замечает: «Едоки вы, будь здоров! Как воевать будете?»

Кто-то отвечает: «Не сумлевайся, папаша. После таких щей враз в атаку побежим...» — «Бежите, бежите! В туалете два очка, так что только атакой и брать», — с ехидством отвечает старшина.

Быстро опоражниваем котелки. Звучит команда: «Выходи строиться!» И снова ныряем под составами, перешагиваем через пути, ищем в этом столпотворении вагонов свой эшелон.

Возле теплушек попадаем в окружение жепщи и детей. Большинство из них эвакуированные. Неизвестно как, но они точно узнавали о прибытии эшелонов и встречали их с надеждой: может быть, случай поможет пайти затерявшегося в водовороте войны родного человека.

...Медленно тянутся эшелонные будни. Проснешься утром — и будто бы всю ночь простояли, не двигались. Где мы? Куда приехали?

Вокруг те же леса, те же поля, те же соломенные крыши деревенских изб, те же разъезды и полустанки. И невольно думаешь: «Ну и Россия! Нет ей ни конца ни края!»

За Вологдой эшелон пошел быстрее. Звонче стучали колеса. Теперь уже все поговаривали, что едем на Ленинградский фронт. И было что-то тревожное и радостное от предстоящей встречи с городом, героическая оборона которого стала известна всей стране.

Тихвин, место нашей выгрузки, встретил нас не полетному хмурым небом. Моросил дождь. Бесчисленные воронки от снарядов и бомб были заполнены водой. На каждом шагу мы видели следы минувших боев: искореженное железо, скелеты обгоревших вагонов, разбитые стационарные здания. Откуда-то издали доносились глухие раскаты орудийного грома. Но самым удивительным было то, что никто не обращал внимания на соседство с войной. Все были заняты делом. По улицам, объезжая воронки и развалины, двигались автомашины, пили войска. Железнодорожники сигналили флажками, сцепляли

и расцепляли вагоны. Станция жила обычной, будничной жизнью. И через несколько минут нас тоже захлестнул этот будничный, трудовой ритм.

Мы быстро и споро разгружали эшелон. Носили доски, ящики. Складывали их аккуратными штабелями.

Ко мне подошел пожилой боец с землистым цветом лица.

— Закурить не пайдется, браток?

Я подал ему кисет. Он достал из нагрудного кармана сложенную гармошкой полоску газетной бумаги. Не спеша оторвал листик и вмиг скрутил тугую сигарку. Потом извлек из кармана бренок кремеш, фитилек и железку. Ловко высек искру. И прикурнул.

— Усмехаешься? — заметил он. — А по мне кресало лучше спичек. И в дождь, и в пургу — завсегда прикурить можно.

— Ну-ка, дай спробую, — попросил я у красноармейца кресало. Но сколько ни чиркал, толку не было. Искры летели в сторону.

— Я сразу приметил, что ты не фронтовик. Не умеешь «катушей» пользоваться, — сказал пожилой боец. — Откуда пригнали?

— Из Сибири...

— Видно! Ишь какой гладкий...

— А ты откуда? — поинтересовался я.

— Оттуда! — он махнул рукой в сторону леса. И добавил: — С Ленинградского... Под Урицком шарахнуло... Прогоспиталил месяца три. Теперь нестройной...

Он затынулся. Махорка понравилась ему. Боец от удовольствия зажмурил глаза.

— Ну ладно, браток! Спасибо за махру...

И, слегка припадая на левую ногу, он ушел.

Дождь перестал. Но рваные клочья туч продолжали висеть над нами. Вымокшие до нитки, мы шагали через город, в котором на каждом перекрестке, на каждой улице были видны следы войны.

Ночью наша команда вышла к большой воде.

— Море? — послышался настороженный шепот.

— Ладога! — ответил чей-то голос.

Перед нами в белесой, сумеречной июльской ночи растилалась сияющая гладь озера. Волны тихо плескались о прибрежные камни. У пирсов покачивались десятки катеров, плашкоутов, буксиров. На многих стояли зепитные пушечки и пулеметы.

— Маршевой роте строиться! — услышали мы голос нашего политрука. Цокая металлическими набойками, мы побежали к месту построения.

Через пару минут вся рота в сборе. Переключка. Политрук прохаживается вдоль строя. Кого-то ждет. Свежий ветерок с Ладоги забирается под гимнастерки и приятно холодит тело.

От пирса подошел моряк в черном бушлате, о чем-то поговорил с политруком. Потом повернулся в нашу сторону, поднял руку, требуя внимания.

— Видите, левее затоцувшей баржи катер — «морской охотник». Это и есть ваш корабль, на котором пойдем через Ладогу...

Мы посмотрели туда, где, покачиваясь на волне, чернел катер с единственным, еле мерцающим фонарем.

Затем моряк сильным, простуженным голосом объяснил нам правила погрузки, как вести себя при переходе, что делать в случае обстрела или бомбежки катера противником.

Денисенко не удержался и зашептал мне:

— Чье мое сердце, покормим сегодня рыбку. Тыщу верст прошел бы, чем плыть на такой посудине...

— А теперь, товарищи бойцы, — продолжал моряк, — на погрузку.

Длинной цепочкой рота потянулась к катеру. Размещались всюду, где только можно было присесть или прилечь, прижимаясь друг к другу, чтобы было теплее.



Я пристроился рядом с Деревяшечко, возле зенитного пулемета, установленного на небольшой железной башенке. Мимо прошел краснофлотец. Он посмотрел на нас, одобрительно улыбнулся:

— Как, пехота, не дрейфишь?

— По Енисею ходили, не дрейфили...

— Ну-ну! Понятно.

Матросы расчехлили зенитные пулеметы. Надели каски.

Глухо заработала машина. И ей в ответ задрожали, зазвенели какие-то железки. Катер качнулся, рванулся навстречу набежавшей волне и пошел вперед, разрезая железной грудью седые волны Ладоги. За кормой потянулся пенный след.

Вслед за нашим катером отчалил еще один, за ним другой... Вскоре целый караван кораблей направился туда, где ночное небо сливалось с озером.

Мы плыли, окутанные легкой дымкой и настороженной тишиной. Лишь слева от нас виднелись огненные сполохи, но небу шарили голубые лучи прожекторов, доносился неясный гул.

Два матроса-пулеметчика негромко переговаривались между собой. Я прислушался к их разговору. «Наши по каналу бьют...» — показал один из них на багряные вспышки, которые виднелись слева по курсу. «Да нет, он из Шлиссельбурга молотит, — возразил другой. — Не видишь, что ли?» — «Теперь вижу... Тяжелыми бьет!»

«Гляди, как бы «мессера» не появились!» — сказал матрос своему товарищу с бипоклем на ремешке и посмотрел на восток, где быстро таяла короткая летняя ночь.

Солнце уже почти взошло над озером, когда мы увидели узкую полоску земли с темнеющим лесом.

— Ну вот, пехота, скоро и на матушку-землю ступишь! — улыбнулся мне моряк.

Бойцы просыпались, потягивались, оправляли пинзель. Мы уже явственно различали прибрежные строения, деревья, людей. Катер сбавил ход.

Неожиданно я уловил далекий звенящий рокот самолетных моторов. Потом он слился в протяжный воющий свист.

— Обнаружили, распронатуды их... — зло выругался рядом со мной матрос.

На корабле раздались звонки боевой тревоги, команды: «Воздух, воздух!.. Самолеты противника слева!.. К орудиям!» И все пришло в движение. Матросы быстро и привычно занимали свои места.

Высоко над нами прошла пара фашистских самолетов. Они не спеша развернулись и направились к берегу. В лесу захопала зенитки. И все небо покрылось белыми облачками разрывов. Самолеты поднялись еще выше и стали кружить, словно ястребы, высматривая добычу.

На нашем катере матрос у зенитного пулемета с яростью нажал на гашетку. Пулемет затрясся мелкой дрожью: та... та... та... та...

Корабли устремились к берегу Немного не доходя до прибрежных камней, они резко останавливались. Бойцы прыгали в воду и бежали к лесу.

— Высаживайся! — раздалась команда.

Мы бросились на нос катера. И на какой-то миг остановились в нерешительности. До берега было не менее двадцати шагов.

— Смелее, пехота! Здесь воробью по колено, — ободряюще крикнул командир катера.

— Эх, мать... Пишлы, хлопцы! — Иван Девисенко, оказавшийся возле борта, поднял над головой винтовку и прыгнул в воду. За ним бросились остальные. Засверкали серебристые брызги. Мы быстро выскакивали на берег и, хлюпая мокрыми ботинками, бежали в лес. А за нашими спинами продолжали стучать зенитки, отгоняя от берега вражеские самолеты.

## ЗЕМЛЯ ЛЕНИНГРАДСКАЯ...

До войны мне не приходилось бывать в Ленинграде. Я знал о нем очень мало. В воображении рисовался огромный город. Весь из каменных домов. Один красивее другого...

От Финляндского вокзала мы шли пешим строем. Фронтной Ленинград поразил меня своим суровым обличьем. Я не заметил величия и красоты большого города. Я видел улицы, перегороженные баррикадами и рогатками из колючей проволоки, пирамиды железобетонных надолб и срытые доты на перекрестках, разбитые и обгоревшие коробки зданий.

На улицах окна первых этажей домов, витрины магазинов были заложены мешками с песком или замурованы кирпичом. Сперва мы не поняли, для чего это сделано, и на одном из привалов спросили проходившую мимо женщину. Она ответила, что ленинградцы приготовились на случай штурма города врагом драться с фашистами за каждую улицу и дом. Приглядевшись повнимательней к крошечным окошечкам, оставленным в кирпичной кладке, мы поняли, что это самые настоящие амбразуры.

Позже я узнал, что в июльские дни 1942 года обстановка на Ленинградском фронте была крайне напряженной. Гитлеровцы готовились к штурму города. Не исключалась возможность уличных боев.

По пути мы видели, что всюду, где только есть хоть клочок земли, свободной от камня и асфальта, — все вскопано под огороды. Грядки разделаны аккуратно, как в парниках. На них зелели лук, ботва картофеля, свеклы. На огородах копошились женщины, ребятки. Они пропалывали и поливали грядки, все делали любовно, с охотой.

К вечеру нас привели на окраину города. Здесь стояло несколько пятиэтажных домов. В одном из них нам

приказали располагаться на ночлег. Нашему отделению отвели большую комнату, оклеенную когда-то вишневыми с золотистым узором обоями. Уставшие, полуголодные, мы моментально улеглись на полу и уснули.

Утром узнали, что находимся в расположении армейских тылов, и отсюда нас направят на пополнение в полки. Пока же будут использовать на вспомогательных работах. Я попал в команду, которую нарядили на вещевой склад грузить на автомашинны имущество. За нами пришел пожилой лейтенант и повел нас на армейский склад.

Мы долго шли пустынными улицами. На мостовой кое-где пробивалась трава. Вокруг стояли дома с заколоченными окнами. Изредка нам попадались одинокие прохожие. Почти всю дорогу мы слышали радиосигналы: тук... тук... тук... Будто стучало чье-то огромное сердце.

Вдруг над нами раздался шелестящий, с подвыванием звук. Мы невольно сжались, пригнули головы. В глубине улицы, за домами раздался грохот и треск. Суровый голос по радио объявил: «Внимание! Район подвергается артиллерийскому обстрелу...» А через минуту снова — ш... ш... ш...

Мы растерянно столпились посередине дороги, потом бросились к стене дома, ища защиты. Некоторые догадались укрыться в ближайшем подъезде. Обстрел продолжался. Вначале я вроде понимал, откуда бьет противник, а теперь казалось, что стреляют со всех сторон.

Наш лейтенант тоже растерялся. Он прижимался к стене, словно хотел с ней слиться. Мелькнула мысль: «Неужели вот так глупо можно погибнуть? Даже не увидев, какой он, твой враг! Даже не сделав ни одного выстрела. Обидно!»

И вдруг, как сквозь сон, слышу спокойный жепский голос:

— Товарищи бойцы! Чего стоите? Марш в убежище.

Оглянулся — рядом девушка. С меня ростом, нос кнопкой. В глазах пасмешливый огонек.

Мы безропотно повиновались ей. Вошли в узкий каменный двор, похожий на колодец. Со всех сторон высокие стены. Вверху — кусочек бледного голубого неба.

— Сюда!

Осторожно спустились по полутемной лесенке в подвал. Кто-то открыл тяжелую, обшитую железом дверь. Повеяло сыростью и холодом.

В подвале уже находилось десятка три людей. Кто примостился на ящиках, кто — на скамейках.

Под потолком тусклым желтоватым светом горели две лампочки. И лица людей были бледные. Они негромко переговаривались, точно боялись кого-то разбудить. На нас поначалу никто не обратил внимания. Лишь старичок в темно-синем пиджаке, с обвислыми седыми усами, шутливо заметил:

— Молодец, Ниночка! Каких героев привела.

— Да ну, разве это герои! Прижались к стене и дрожат, словно заблудшие ягнята... — ответила девушка.

— Впервые на фронт попали? — обратился старик к Ивану Деписенко.

— Так точно, панаша! Угадали, — ответил Иван.

— А позвольте узнать, откуда прибыли, если не секрет? — допытывался он.

— Из Сибири...

— О, сибиряки!.. — обрадованно воскликнул старичок. — Блокаду, наверное, прорывать прибыли?

— Такие могут. Молодец к молодцу! — оглядывая нас, заметила женщина в стареньком клетчатом платке.

Люди заинтересовались. Подошли поближе. Стали наперебой нас расспрашивать.

— Как живут в Сибири? — простуженным, хриплым голосом отвечал Никита Деревяненко. — Работают, себя не жалеют и стар, и млад. Сеют пшеницу. Охотой и рыбалкой промышляют. В тайге зверя много. А те, кто в городах, к примеру в Омске аль в Красноярске, — все на заводах.

— Эвакуированных ленинградцев не приходилось встречать?

— Нет. Своих земляков, харьковчан, встречал. Сибирь ныпче, считай, пол-Россия собрала... Опа теперь главная кормилица и фронту подмогу шлет — танки, пушки, да вот нашего брата...

— Ну а с хлебом как? На урожай какие виды? — спросила какая-то жепщина.

— Нормально! В колхозах по трудодням, в городах рабочему человеку восемьсот граммов положено. Конечно, нехватки есть, но жить можно... Потерпим! Скорее бы супостата изгнать.

— Дяденька, — робким, еле слышным голосом заговорила девочка с большими грустными глазами. — А в Сибири хлеб едят кто сколько хочет? И утром, и вечером?

— Конечно, доченька, и утром, и вечером, — растерянно повторил Никита. Такого вопроса он не ожидал. — Погоди-ка! Угощу тебя сибирским хлебом.

Никита достал из вещмешка ломоть. Кто-то из ребят выложил сахар, потом положили еще ломоть. Так, незаметно, мы почти освободились от пайка, который получили утром, отправляясь на работу.

— Угощайтесь, граждане! — пригласил всех находившихся в бомбоубежище Дервяненко. Десятка два рук потянулось к продуктам. Брали осторожно, как-то даже стеснительно.

Я, кажется, впервые в жизни ощутил жизненную силу хлеба, его ценность. Этот минутный эпизод остался в памяти на всю жизнь. Я и теперь, много лет спустя, с благоговением отношусь к куску хлеба.

«Обстрел района продолжится...» — продребезжала черная тарелка на стене.

И минуты три-четыре спустя ухнул такой взрыв, что стены подвала вздрогнули. Под потолком закачались лампы. И тени запрыгали на стенах.

— Во дает... — прошептал Денисенко. Он посмотрел

на потолок, видимо прикидывая, насколько надежно перекрытие. Я подумал: «А что будет, если снаряд угодит в дом — прихлопнет нас, как в мышеловке». Стало не по себе. Захотелось выйти на волю. Оглянулся. А люди рядом спокойно сидят, как ни в чем не бывало.

Словоохотливый старичок продолжал разговаривать с Иваном Серым. Что-то рассказывал ему о Ленинграде. Девочка с темными глазами занималась своим делом. Она ловко вырезала из бумаги смешных человечков, раскрашивала их сине-красным карандашом и раскладывала на скамейке. Из-под ее рук появился уже целый хорювод.

Стало стыдно за свое малодушие. Вдруг люди подумают: «Струсил, испугался разрывов». Захотелось сделать такое, чтобы все видели, какой я есть боец. И я громко сказал своим:

— Ребята, а чего мы сидим? Пошли па задание...

— Ишь ты, какой герой нашелся! — насмешливо посмотрел па меня лейтенант. — Вот попадешь на передок, там и показывай свое геройство. А зазря голову подставлять нечего.

Неожиданно скрипуче зашела входная дверь. В подвал вошла бледная, как полотно, женщина с забиштованной рукой. На марле расплылись большие темные пятна. Раненая тихонько стонала.

Пострадавшую осторожно вела девушка с санитарной сумкой.

— Помогите! — попросила девушка.

К пей поспешило несколько человек. Они поддержали раненую, уложили ее на составленные в ряд скамейки. Кто-то из женщины снял с себя платок и положил его под голову раненой. Дали ей попить воды. Женщина успокоилась и впала в какое-то полубабытье.

— Где ж ее, бедную, так? — спросил Иван Деппсенко.

— На трамвайной остановке... А еще двоих наповал. Девочку и жепщину, — ответила девушка.

— Вот жисть! Дите-то в чем виновато? — Денисенко обвел взглядом людей, находившихся в убежище.

И людей словно прорвало. Они заговорили все сразу, перебивая друг друга. Не выбирая выражений, посылали проклятья фашистам. На лицах от возбуждения выступили красные пятна.

Старик, обращаясь к нам, гневно говорил:

— Видалл, сибиряки, что делает фашист?! Запомните, что такое блокада!

И я дал себе слово запомнить навсегда все увиденное на этой ленинградской улице.

Вскоре обстрел прекратился. Объявили отбой. Мы вышли из бомбоубежища. Яркое солнце ослепило глаза. За углом прошел, позвякивая, трамвай. Город продолжал жить. И радио снова продолжило выстукивать: тук... тук... тук...

## НАША РОТА

Наконец-то кончилось наше неопределенное бытие. Теперь я солдат 187-го стрелкового полка, который входит в состав 72-й стрелковой дивизии.

После боев под Урицком дивизию вывели во второй эшелон для пополнения. По-солдатски это именовалось «отдыхом». Можно было на ночь спать обмундирование, сапоги, по-человечески поспать, поесть, помыться.

Полки дивизии расположились в районе овощного комбината № 4 и Александровской фермы в уцелевших домах, бараках, а то и в землянках. Вокруг были пустыри, свалки, канавы, огороды, небольшие рожицы. Кое-где виднелись следы бывших окопов и траншей.

Нашей роте достался длинный пустой барак с выбитыми стеклами. В комнатах — тряпки, остатки соломы. Видно, и до нас здесь жили такие же, как мы, «постояльцы».



Совсем недавно мы с фронтовым другом побывали в тех местах. Долго ходили, хотели пайти наши бараки, но это была пустая затея. То ли они еще в войну сгорели, то ли нож бульдозера их снес. Вокруг — многоэтажные дома, магазины. От глухой окраины и следов не осталось. Из прежних названий только Александровская ферма сохранилось. Так теперь называется широкий проспект.

Из нашего пополнения в роту прибыло человек пятьдесят. Народ разный: и молодые, и уже в возрасте. Одни побывали на войне, знали, почем фунт лиха. А нам все еще придется испытать.

В одном взводе со мной были Иван Серый, Петр Холодный, Никита Деревяненко, Иван Денисенко, Леонтий Приходько. Мы все были рады, что снова оказались вместе.

— Поодиночке и прутик легко сломать, а связать в веник — не переломашь, — заметил по этому поводу мудрый Деревяненко.

Старшина Минеев, наш главный и самый строгий командир, приказал убрать помещение — вымести мусор и подраить полы. Я спросил, где взять ведра. Он ухмыльнулся и ответил:

— Ты солдат и должен сам проявлять инициативу...

Я понял, что надо идти искать ведра. С собой взял Ивана Серого — и пошли «проявлять инициативу». На наше счастье, ведро нашлось в каком-то пустом сарае. И еще подвернулся под руки старый бачок, ведра на два. Потом мы наломали прутьев и отдраили полы так, что даже старшина похвалил. Воздух в бараке стал свежий, как бывало в хате, когда мать приберется к празднику.

Отбой нам разрешили рано. Устраивались кто как может. Под голову вещмешок, под себя шинель, сверху тоже шинель.

Деревяненко рассказал нам по этому случаю старый солдатский анекдот:

«Дело было зимой. Шел солдат царской службы. Устал. Заглянул в избушку к бедной старушке.

- Пусти, бабушка, на ночлег!
- Да у меня постельки нет, солдатик!
- А она при мне!
- Где ж, сынок?
- А вот... — солдат показал на серую шинель.
- А чем же ты укроешься?
- Шинелью!
- Что ж под голову положишь?
- Тоже шинель...
- Сколько же у тебя шинелей?
- Одна, бабушка. Одна, да сукопная...»

Мы посмеялись. Но Иван Денисенко был не очень склонен к юмору. Спать на голом полу ему явно не хотелось. И он куда-то исчез. Вернулся часа через полтора.

- Идем! — позвал меня Иван.
- Куда?
- Идем. Потом побачишь...

Пробираемся по задворкам. Под ноги попадает всякая рухлядь. «Интересно, что придумал Иван? У него всегда какие-нибудь неожиданности», — думал я, толкая за неугомным другом.

— Видишь? — Иван толкнул ногой дверцу небольшого погребка. И я увидел на полу кучу упаковочной стружки. Мы набрали по целой охапке и вернулись в барак. Получились отличные постели.

Устроились мы с Иваном в самом углу барака. Напротив низенькое окно без стекла. Прохладный ветерок ласково гладит лицо. В окно видно, как где-то вспыхивают огненно-рыжие орудийные зарницы, и доносится неясный гул, похожий на длинные раскаты грома. Иногда слышна трескотня пулеметов.

Справа от нас расположились красноармейцы, которые вернулись с передовой под Урицком. От них еще пахло порохом, потом, землей. По их словам, почти неделю

полк вел ожесточенные бои. То продвигались вперед, то отходили под натиском противника. Потери большие. От всей роты осталось человек тридцать.

Они вспоминали подробности боев, горячо спорили.

— На месте командира я вперед бы двинул. Нечего на других оглядываться, — с жаром доказывал своим товарищам молодой боец.

— Это точно!.. Дошли бы до третьей траншеи, как нить дать, — поддержал его чей-то хриплый голос.

— А закреплять кем? Хозвзводом, что ли? Вояки... — вмешался в разговор пожилой красноармеец с медалью на старенькой гимнастерке.

— Нашли бы!

— А, бросьте!.. — пожилой досадливо махнул рукой, желая сказать тем самым, что спорить на этот счет бесполезно. Но бойцы, однако, не прекратили разговор. И мы, необстрелянные новобранцы, с интересом слушали их спор, похожий на то, как, бывало, спорили у нас в селе парни после драки, в которой не сумели победить, когда, казалось, победа была близка.

Мне захотелось поподробней представить себе настоящий бой, в котором побывали бойцы, и я решил поговорить с пожилым красноармейцем.

— Послухай, папаша, тебе не приходилось в штыки ходить? — обратился я к бойцу.

— В штыки? — усмехнулся он. — Да пока до штыка дело дойдет, тебя огнем насквозь исполосуют... Вот в ту войну ходил...

— Ежели стремительным броском, да всей ротой ворваться в его траншею, то и до штыка дело дойдет, — перебил наш разговор молодой красноармеец, любитель поспорить. — Мне довелось испытать такое...

— Где ж это? — насмешливо спросил пожилой.

— Под Колпином... Помню, шапки побросали, недели бескозырки... «Полундра!» — крикнул боцман, наш старшина, значит... И мы пошли.

— А шапки чего побросали? — удивился я.

— Так мы ж матросы. Правда, нашего брата в дивизии маловато осталось. Но дух еще есть... На нас все и держится... Во, видишь! — он распахнул гимнастерку. Под ней зарябил матросская тельняшка.

Мы познакомимся. Красноармейца звали Николаем Сидоренко. На флот он пошел за год до войны. Служил на Балтике. В первые дни войны их корабль потопили фашистские бомбардировщики. И вот почти год Сидоренко воюет на суше, был ранен.

Таких, как Сидоренко, в нашей дивизии было немало. Осенью сорок первого года они героически сражались за Ленинград в составе 7-й бригады морской пехоты. Потом бригада была переформирована в 72-ю стрелковую дивизию. Однако флотские традиции продолжали жить. Они проявлялись не только в необыкновенной храбрости и мужестве бойцов, но и в обиходе. Здесь, например, говорили не «землянка», а «кубрик», обыкновенную полевую кухню называли «камбузом»...

...Мы продолжали находиться во втором эшелоне. Близость передовой ощущалась постоянно. Через наши головы с воем летели на Ленинград вражеские снаряды. По утрам в воздухе назойливо кружила «рама» — самолет-разведчик противника. Иногда над нами вспыхивали короткие воздушные бои. Тогда все небо покрывалось облачками разрывов. И мы, затаив дыхание, следили, как дрались наши летчики с фашистскими стервятниками.

Но почам мы проводили инженерные работы на второй линии обороны. Устанавливали бронированные копаки, рыли траппей. Я часто думал — зачем? Неужели сюда, к деревянным домишкам, в которых в основном живут женщины и дети, занятые с утра до вечера на своих огородиках, может прийти враг? Как-то спросил об этом

старшину Минсева. Он был коммунистом, человеком грамотным.

Старшина ответил:

— Ты волка раненого видел?

— Нет...

— А я видел... Недобитый зверь становится как бешеный. Куда хочешь полезет. Так и фашисты. Смотри, как на юге рвутся вперед! Ничего не жалеют... И у нас, под Ленинградом, пахнет грозой!

— Думаешь, полезут?

— Полезут, если почуют, что мы слабы...

С окопов мы возвращались, когда начинало припекать солнце. После завтрака и короткого отдыха шли на тактические занятия. Они не были похожи на учения в запасном полку.

Занимались мы усердно. Не хотели отставать в ловкости и умении от «стариков». И когда комбат проводил двусторонние занятия, то есть одни наступали, а другие оборонялись, то между «противниками» дело доходило чуть ли не до настоящей драки.

Но не все удавалось постичь сразу. Помню, как огорчился командир взвода лейтенант Теплов, когда я в качестве наблюдателя докладывал ему обстановку на поле «боя».

Он определил ориентиры, за которыми я должен был вести наблюдение. Но я не мог взять в толк, почему кучу камней надо называть «ориентир номер один», а одиноко торчащую печную трубу — «ориентир номер два».

И когда наступал на нас «противник» — солдаты из другого отделения, я орал во всю мощь своих легких:

— Товарищ лейтенант, з трубы ползет фашист!

— Коло камешок бачу пулемот!

Лейтенант Теплов расстроенным голосом снова втолковывал мне:

— Не из-за трубы ползет противник, а в направлении ориентира номер два. Поймите, товарищ Дьяченко, труб

может быть много. А на поле боя некогда разглядывать, из-за какой именно появился враг...

Мне было искренне жаль старательного молодого лейтенанта. Ругал себя за непопятливость. И, желая его успокоить, отвечал:

— Так точно, товарищ лейтенант! Все понял...

Но по-настоящему точно и кратко докладывать я научился лишь спустя некоторое время.

Постоянно с нами на запятиях был командир роты старший лейтенант Иван Дмитриевич Никифоров. С первых дней мы полюбили нашего командира за боевой опыт, знание дела, распорядительность и заботу о бойцах. И внешность его — открытое русское лицо и широкая добрая улыбка — располагала к нему людей.

Старший лейтенант был из тех молодых командиров, которые выросли во время войны и всю воинскую науку постигали в жестоких схватках с врагом.

Боевое крещение Иван Никифоров получил осенью сорок первого года рядовым бойцом-разведчиком.

Задание было обычным: выйти в тыл противника, установить направление и характер движения его подразделений, захватить «языка».

Ночью Никифоров и его товарищи перенесли линию фронта. Кошачьим шагом пробирались разведчики к шоссе. Утром они вышли к дороге и залегли в кустах. Мимо, гремя по булыжнику, мчались бензовозы. Обдавая бойцов пылью и перегаром солярки, они скрывались за поворотом.

— Зачем фашистам столько горючего? — пропустив колонну, спрашивали себя разведчики.

Никифоров взялся уточнить. Вдвоем с товарищем они отправились в ту сторону, куда ушли машины.

Вернувшись к вечеру, они предложили командиру дерзкий и смелый план. В нескольких километрах находится вражеский аэродром. Со стороны леса можно неза-

метно подобраться к самолетам. Надо лишь бесшумно снять часового.

Свой замысел Никифоров и его товарищи осуществили блестяще. Им удалось подорвать самолет противника.

За храбрость и смекалку, воинское мастерство Никифорова назначили командиром взвода. Он сражался под Колпином. Всю блокадную зиму провел на передовой. В боях стал коммунистом. К весне принял роту. Говорили, что это была самая отсталая рота. И боевые задачи она выполняла хуже других, и потери несла немалые, и ротные землянки больше на норы походили, чем на солдатское жилье.

При Никифорове рота преобразилась. Как он это сделал — рассказывать долго, только нам бойцы других рот по-хорошему завидовали: «Вам повезло. С Никифоровым не пропадете!»

И вскоре мы поняли почему. Командир роты был требовательным и справедливым. Понапрасну не придирался, но и проступков не прощал. Помню, как-то на тактических занятиях, во время перекура, мои дружки Ивап Денисенко и Петр Холодный заметили в синеве неба коршуна. Птица парила, выбирая добычу.

— Федь, бачишь коршуна? — показал мне Денисенко.

— Бачу, а що?

— То если б фашистский аэроплан был, сбил бы?

— А чего ж, запросто...

— Да не трепли... С дробовика можно, а с винтовки нет, — подзадоривал Петр Холодный.

Я оглянулся: начальства никакого поблизости нет.

— Смотри.

Поставил прицел. Приложился. И, выбрав момент, когда коршун замер и на какой-то миг превратился в черную точку, я плавно потянул за спусковой крючок. В ушах звоном отдался выстрел.

— Сбил! Ей-богу, сбил!.. — восхищенно закричал Петр.

— Кто стрелял? — оборвал наши восторги сердитый бас старшего лейтенанта Никифорова.

Я приложил винтовку к ноге. Вытянулся. Смотрю на командира не мигая. «Ну, — думаю, — жди, Федор, пуговку на губу». Но старший лейтенант, осмотрев распластанного у моих ног коршуна, неожиданно сказал:

— Метко! Так у нас стрелял только Симанчук...

— Товарищ старший лейтенант, а кто такой Симанчук? Который раз слышим, а толком не знаем, — спросил командира Иван Денисенко.

— Симанчук — герой нашей дивизии! В полку да и во всей дивизии такого снайпера не сыщешь. Одним из первых на всем Ленинградском фронте открыл счет убитых им врагов. И всю блокаду, изо дня в день, на самом переднем крае — то в боевом охранении, то возле нейтральной полосы. За героизм орден Ленина имеет! И винтовку снайперскую пмешную ему сам товарищ Жданов, член Военного совета, вручил.

— А вы, часом, не знаете, из каких мест Симанчук? — спросил я, втайне надеясь, что, может быть, нашел земляка.

— С Украины... Черниговский...

Никифоров еще раз посмотрел на распластанную птицу. Нахмурился.

— Все же печего зря патроны тратить. На первый раз ограничусь замечанием. Понятно?

Старший лейтенант вынул пачку папирос. Закурил. И неторопливо пошел по своим делам, а мы продолжали тактические занятия. Вновь наступали, поднимались в атаку, кололи штыками незримого «противника». Меня не покидала мысль о Симанчуке. Мне хотелось стать таким же как он героем-снайпером, научиться метко разить врага. Может быть, это было тщеславие молодости.

Старший лейтенант не забыл об этом случае и од-



пакжды вызвал меня к себе. Словно угадав мои мысли, спросил:

— Стреляешь ты, Дьяченко, устойчиво, и глазомер у тебя хороший... Вот, решил тебе снайперскую винтовку вручить. Завтра на стрельбище пристреляем...

От радости у меня перехватило дыхание. Я взял винтовку, погладил ее, словно живое существо, поблагодарил командира.

Никифоров показал мне, как пользоваться оптическим прицелом. И я удивился, до чего же хороша эта трубка. Не трубка, а настоящее чудо. Цели видны как на ладони. Вот только поначалу не мог быстро устлавливать прицел, подкручивать барабанчики. Но ротный успокоил:

— Ничего, Дьяченко, не боги горшки обжигают. Ты парень старательный, со временем поймешь...

Старший лейтенант превращал нас, вчерашних колхозников, таежных охотников, шахтеров и строителей, в настоящих бойцов. Никифоров учил нас стрелять, колоть врага, заходить к нему в тыл, отражать его атаки. Но делал он это не один. Его помощником был политрук Трунов. Спокойный, рассудительный, много повидавший человек, политрук был душой роты. Мы никогда не видели его усталым, растерянным. Говорил он неторопливо, отчетливо. Каждое его слово западало в душу. Трунов, так же как и Никифоров, учил нас ненавидеть врага, любить Родину, быть мужественными и стойкими, вселял веру в победу, в наше оружие.

## **НА БОЕВОМ РУБЕЖЕ**

Дотошный Иван Денисенко, спозаранку побывавший у комбата по своим парикмахерским делам, сообщил новость: нас отправляют на передовую.

В этот день запятей не было.

По распоряжению штаба полка в роту снова произошло переформирование. Кажется, уже третье за неделю. Из роты забрали Никиту Дервяненко. Его отправили в тылы — ездовым. Большой любитель лошадей, Никита был на седьмом небе от счастья.

— Дервяненко будет теперь командиром пяд конским составом, — шутил по этому поводу Иван Деписенко.

Меня перевели в одно отделение с Петром Холодным. А Васю Авдеевко, прибывшего вместе с нами из Сибири, назначили помкомзвода в мипометную роту батальона.

Затем нас построили и повели получать в хоззведе батальона патроны, гранаты, ящики с НЗ. Здесь же старшины замещали старое обмундирование, сапоги, ботинки на все новое. Потом полученные ящики, мешки, коробки мы отнесли в роту, где наш старшина все это имущество распределил между нами.

По совету Сидоренко, я набил патронами не только подсумки, но и карманы, и несколько пачек положил за пазуху.

Наступили сумерки.

— Становись! — раздался зычный голос, сейчас же подхваченный ротными и взводными командирами.

И все пришло в движение. Затянутые ремнями, в полной амуниции, с оружием, бойцы торопливо занимали свои места в строю. В воздухе стоял гул, будто растревожили пчелиный улей. И вот все смолкло. На несколько минут установилась торжественная тишина. Потом откуда-то до нас донеслась команда:

— Шагом марш!

Потянулись пригородные поселки — Мурзинка, Рыбацкое, Усть-Славянка, Усть-Ижора. За поселками, ближе к передовой, начались овраги. Но и они оказались густо обжитыми. Всюду виднелись укрытия для машин, орудийные окопы. Одна к другой лепились землянки. Кос-где пробивались тонкие полоски электрического света — признак окошного комфорта.

По дороге нас обгоняли автомашины. Они неожиданно выныривали из темноты и, обдав пылью и бензиновым облаком, исчезали. И только по тарахтенью, раздававшемуся издали, можно было догадаться о направлении их движения.

Встречались колонны каких-то подразделений. Многие бойцы несли лопаты, кирки. Видимо, они шли на окопные работы.

Чем ближе к передовой, тем оживленней становились фронтовые дороги. Под покровом темноты на фронт доставлялось продовольствие, боеприпасы, оружие. На передовую прибывало пополнение.

Было еще совсем темно, когда мы подошли к окраине Колпина. Молчаливой громадой стоял Ижорский завод. Мы долго двигались вдоль его корпусов. И когда небо светлело от орудийных зарниц или от ракет, взлетающих где-то на передовой, можно было разглядеть продырявленные сварядами заводские трубы, разбитые цехи.

Затем мы вышли к неширокому каналу, разделяющему город на две части. Почти все дома вдоль его левого берега были деревянные. Но уцелевших осталось немного. Повсюду виднелись одни развалины да сиротливо торчащие на пожарищах печные трубы.

Немного поодаль от плотины нам разрешили привал. Прижавшись к остаткам каменной стены, мы курили в кулак и тихо переговаривались. Прислушивались к пулеметному стрекоту на передовой, к тому, как стонут и скрипят под порывами ветра изувеченные войной деревья в городском парке.

Лейтенанта Теплова вызвали к комроты. Через полчаса он вернулся.

— На передовую выдвигаемся повзводно. Проверьте, чтобы ничего не звякало, не брякало... У тебя, Курочкин, — обратился лейтенант к одному из бойцов, — всегда что-то гремит, как у старой брочки...

Бойцы засмеялись.

— Пошли!

Взвод тронулся цепочкой вдоль бывшей когда-то улицы. Теперь се пересекали траншеи, покрывали воронки. Затем началось поле. Под ногами зачавкала болотная хлябь. Взлетали ракеты, освещая землю мертвенно-бледным светом. Переkreщиваясь, чертили в воздухе пунктирные линии трассирующие пули.

Вжиг... Вжиг... — свистнуло над головой. Я пригнулся. Деписенко ехидно заметил:

— Ты чего, Федор, поклоны отбиваешь?

— Да не хочу, чтобы фашист новую пилотку раньше времени продырявил.

Около часа мы пролетляли по траншеям, ходам сообщений. И наконец добрались до своих позиций. Мы должны были сменить оборонявшийся здесь полк, изрядно поредевший в боях.

— Привет братцам-ленинградцам! — встретил нас в неглубокой траншее плечистый красноармеец. — Замена, значит.

— Как видишь...

— Ну что ж, хлопцы добрые... Не обстрелянные еще?

— Всякпе есть...

— Ну, пу, обстреляются... Войны тут на всех хватит.

— А здорово он поддаст?

— Бывает... Мы вот помалкиваем, и он помалкивает, — медленно, словно взвешивая каждое слово, отвечал нам красноармеец, продолжая вести наблюдение за противником.

Там, за серой лентой шоссе, слышался неясный шум. Изредка ветерок доносил чужую речь.

Подознали командир роты Никифоров, лейтенант Теплов и с ними какой-то незнакомый командир с двумя зелеными «кубиками» на петлицах. Он вытащил из полевой сумки карту, присел на корточки и осветил ее тонким лучиком электрофонарика.

— В створе с ориентиром помер один у него дзот... Левее дороги — землянка.

— Говоришь, двести пятидесятая пехотная дивизия стоит? — взглядываясь в темноту, спросил Никифоров.

— Ага... Позавчера наши «языка» взяли.

— Прошлой осенью здесь полк СС стоял. А мы оборону держали воп там! — Никифоров махнул рукой назад.

— Выходит, места известные? — спросил Никифорова незнакомый нам командир.

— По самое некуда!.. Почти до весны здесь жаркие бои за противотанковый ров шли...

Командир роты хотел еще что-то добавить, но, взглянув на часы, оборвал разговор. Он раскрыл карту и, обращаясь к Теплому, сказал:

— Оставляй первое отделение. Стык «дегтярем» прикрой!

— Есть, товарищ командир!

Лейтенант позвал мспя и Петра Холодного.

— Ваше место здесь, — он показал нам стрелковую ячейку шагах в двадцати от блиндажа. — Еще раз напоминаю: будьте внимательны, сюда может сунуться вражеская разведка.

Краспоармеец, которого мы сменили в стрелковой ячейке, дружески похлопал меня по плечу.

— Прощевайте, ребята! — Он закинул за плечо винтовку, взял вещмешок, обвел вокруг глазами — не забыл ли чего. — Свидимся под Берлином...

...Светало. Появились неясные очертания каких-то развалин, извилистые линии трапшей. Стихли шаги, разговоры. И мне показалось, что передовая обезлюдела. «А вдруг и в самом деле фашисты полезут. И на помощь никого не дозовешься?» По телу пробежали мурашки.

До ближайшего соседа — Ивана Серого — шагов тридцать, а до нашего неунывающего балагура Денисенко

и того больше. И, словно угадав мои мысли, Петр певесело шутит:

— Теперь до Деписеико, как до моего кума. Тилько по праздникам ходить будем...

— Ты смотри, чтобы оттуда кум не пришел, — кивнул я в сторону противника.

— А во, «жипка» для чего? — похлопал Петро по своей трехлинейке.

Мы договорились с ним дежурить по очереди. Петро полез отдыхать в «лисю пору» — небольшое укрытие в трашее, а я остался в стрелковой ячейке один. Приладил поудобнее винтовку, рядом с собой положил пачку патронов.

Теперь это мой пост. За него я отвечаю головой.

Я чуть приподнялся над бруствером и стал осматриваться. Раньше здесь был поселок. Стояли дома. Теперь одни развалины, поросшие травой. Вместо улиц — пустыри, изрытые снарядами и минами. Воронки, как маленькие прудки, заполнены дождевой водой. Всюду видны следы недавних боев. Развалившееся колесо — то ли от повозки, то ли от пушки, старые снарядные ящики, пустые банки, коробки.

Впереди враг. Нас разделяет разбитое снарядами асфальтовое шоссе — дорога на Москву. Представляю, как оно раньше гудело. Туда, сюда бежали машины. Теперь шоссе стало «нейтралкой», «ничейной» землей, боевым рубежом вроде пограничной полосы. По одну сторону — наша земля, по другую — завятая противником — «его» земля. И во мне закипает злость. Как это «его» земля? По какому такому праву? Ведь на этой земле и моя Полтавщина, и родная хата под старой вишней, которую посадил мой дед. Нет, врешь, гад! Врешь! Это моя земля! И мне хочется крикнуть так, чтобы слышали все: «Не бывать подлому фашисту на моей земле! Здесь я буду бить его и днем и ночью!»

Я долго и пристально смотрю вперед. Прямо передо

мною лысый бугор с черной глазницей. Его дзот. Мне кажется, что я вижу стальной зрачок — ствол пулемета. Сейчас он молчит. А ночью без конца сеял вокруг смерть.

Раза два заметил какое-то движение во вражеских траншеях. И снова никого. Молчит передовая.

Но вот в траншее показались два фашистских солдата. Они о чем-то разговаривали, бурно размахивая руками. Потом один из них вылез на бруствер и стал копать.

«Эх, была не была!» — Я спокойно прицелился, передохнул и плавно потянул спусковой крючок. Выстрел показался мне громом. Я только успел заметить, как фашист взмахнул руками.

Пи...и...у...у — бабахнуло перед самым носом. Посыпалась земля. Как шмели, зашели осколки. Я рухнул на дно траншеи. И почувствовал, что кто-то свалился на меня, больно ударив по шее. «Уж не фашист ли?» — мелькнуло в голове. Открыл глаза. Рядом лежит Петро. Когда он появился, я и не заметил.

Страхнув землю, я вылез из-под своего грузного друга.

— Живой, Петро?

Холодный носочел, сплюнул, потер бок рукой и пробурчал:

— Ты когда еще так палить будешь, предупреждай...

Он с огорчением смотрел на рассыпанный по траншее горох:

— Всю ИЗу через твою дурацкую стрельбу рассыпал...

— Подумаешь, твой горох! Ячейку здорово попортило нам...

Я осторожно приподнял голову над бруствером и от удивления даже присвистнул: «Ого! Фашист самую малость не угадал. Метра на полтора ошибся».

Вскоре появился командир роты. Лицо чисто выбритое. Белоснежный подворотничок. И только по усталым, покрасневшим глазам можно было догадаться, что по счалось нынче старшему лейтенанту.

— Что, хлопцы, сабантуй устроили? — спросил он. Мы переглянулись. И оба подумали: «Наверное, лучшим вздрючку».

— Маленько потревожили фашиста, — ответил я.

— Молодцы! Ну, а результат?..

— Чего?

— Результат, говорю, какой? Может, уничтожили живую силу? Или просто наугали? — допытывался ротный.

— Да ни, билыше сами наугались.

Старший лейтенант долго хохотал. И мы тоже смеялись так, будто все это было не вблизи вражеских траншей, а в мирной обстановке, будто не витала только что над нами смерть. Потом глаза ротного потемнели:

— Вы солдаты! Бояться печего. Врага надо бить наверняка... Один ведет огонь, другой наблюдает... Открыл огонь противник — уходи в запасную ячейку..

Никифоров говорил негромко, по каждое слово словно вбивал в голову. Затем лицо его снова стало добрым, он улыбнулся:

— Уразумели?

— Товарищ старший лейтенант! А хлопцы, которых мы сменяли, наказывали не стрелять, щоб себя не обнаружить. Так як же, чи можно, чи ни?

— Ерунда! Это в сорок первом боялись себя обнаруживать. А теперь сорок второй.. И мы уже не те стали.. Пусть они нас бояться. Но только огонь надо вести с умом... Наверняка!

— О це теперь ясно! Бить наверняка! — ответил я.

— Правильно понял задачу, Федор! — командир роты отечески похлопал меня по плечу. — А ячейку приведите в порядок.

...Вскоре мне все же удалось подстрелить фашиста. Помню, в тот день они вели себя особенно нахально. Ходили во весь рост. Орали. Потом занялись окопными ра-



ботамп. У них, видимо, так же как у нас, от разрывов снарядов и мин осыпались граншей. Потеряв надежду вернуть утраченные позиции, они решили теперь усовершенствовать то, что имели. Работали днем. Лопаты так и мелькали. Даже невозмутимый Петро Холодный и то заметил:

— Во, паразиты, роют как сумасшедшие...

Я выбрал место чуть поодаль от нашей стрелковой ячейки, в старом пулеметном окопе. Для маскировки наткал веток вереска. Как раз осенью его полным-полно растет на болотистых местах.

Время тянулось томительно медленно. Но вот из-за развалил какого-то кирпичного дома показались два солдата.

С нашей стороны, правее меня, раздался выстрел. Фашисты пригнулись и побежали. «Какой-то черт поторопился, теперь уйдут», — подумал я с досадой. Хотел было выстрелить вдогонку, но решил, что расстояние не позволит поразить цель.

Однако фашисты успокоились и снова пошли по снеша. Теперь они двигались прямо на меня. Я выстрелил. Один из них схватился за бок и рухнул на землю. Второй побежал и сыркнул в траншею.

Я тоже не стал мешкать. Не ожидая, когда противник откроет по мне огонь, быстро сменил позицию. И сделал это вовремя. Но тому месту, где я только что лежал, фашисты положили с десяток мин.

...Первые удачные выстрелы вселили в меня уверенность. Я понял, что могу без промаха уничтожать врага. Появился какой-то азарт боя. Но вместе с тем я все больше осознавал, что война — это тяжелый и опасный труд. В бою ничего нельзя делать на авось, надеяться на случайную случайность. Война требует от солдата умения, мастерства.

Число уничтоженных мною фашистов росло день ото дня. О моих успехах узнали товарищи — Иван Дешисен-

ко, Леоптий Приходько, заместитель политрука Николай Казаков. Они от души поздравили меня.

Иван Денисенко даже сочинил частушку:

Любит Федя на «охоту»  
Рапо утром выходить  
И из спайсерской винтовки  
По фашистам метко бить!

Каждую ночь нашу службу проверяли командиры. Короткие встречи снимали напряжение, чувство оторванности от товарищей. Особенно радовались мы, когда приходил политрук Трунов. Разговор с ним приносил душевное успокоение, поднимал настроение. Говорили о разном — и о делах на фронте, и о наших солдатских думах.

Однажды политрук пришел чем-то озабоченный и, видно, куда-то спешил.

— Есть у меня к вам деловой разговор, — Трунов присел на дно ячейки. — Обстановка не позволяет собрать всю роту вместе. Я решил поговорить с каждым, как бы по окошам провести собрание...

Политрук рассказал, что в соседней роте комсомольцы приняли решение в честь приближающегося праздника — 25-й годовщины Великого Октября начать предпраздничное боевое соревнование.

— Думаю, отставать нам негоже. Как, хлопцы, согласны? — Трунов посмотрел на нас, взглядом предлагая высказаться.

— Дело доброе, товарищ политрук! — я мысленно прикинул: «До праздника еще полтора месяца. Фашисты по переднему краю вовсе спуют, вчера вон четырех уложил... По паре в день — можно запросто». Свои думки я доложил Трунову.

— Хорошо, Дьяченко! Так и запишем твое обязательство: пметь на счету семьдесят уничтоженных гитлеровцев. Выполнишь — считай себя героем фронта.

После «окопного» собрания политрук Трунов зачастил к нам. Спрашивал, как идут дела, как выполняем обязательства. А однажды вызвал меня на командный пункт роты. Кроме Трунова в землянке был еще знакомый мне старший политрук.

— Так это и есть ваша ротная знаменитость? — спросил старший политрук у Трунова. — Молодец! Почитай-ка, товарищ Дьяченко, что о тебе в газете пишут.

Я взял газету, а от волнения буквы перед глазами прыгают. Читаю и чувствую, стало мне жарко. Да обо мне ли это? Вроде бы я ничего особенного не сделал. Еще раз прочел, а газету все равно возвращать не хочется. Старший политрук понял мое состояние:

— Оставь себе на память... Домой поплешь!

Не было у меня в сорок втором дома. Враг там был. Но откуда это было знать старшему политруку. Я промолчал. Поблагодарил за подарок и положил газету в карман. К великому моему огорчению вскоре она куда-то исчезла. Только после войны мне удалось пайти номер «Боевой красноармейской» от 30 сентября 1942 года. На первой странице напечатаны дорогие для меня строки: «Инициатор предоктябрьского соревнования в своем подразделении красноармеец Федор Дьяченко с каждым днем увеличивает свой истребительный счет. 26 сентября Дьяченко в течение дня подстрелил девять гансов. Вчера он выследил группу немцев, пробравшихся по траншею, и меткими выстрелами без единого промаха уложил шесть гитлеровцев.

— Если я за день не убью хоть одного фашиста, — говорит Дьяченко, — значит, я не выполнил своего долга перед Родиной.

За десять дней Федор Дьяченко уничтожил 32 гитлеровских бандита».

В предоктябрьском боевом соревновании участвовали сотни бойцов и командиров Ленинградского фронта. Каждый день рождал новых героев. Только на страницах

армейской газеты «Боевая красноармейская» в те дни появились фамилии снайперов А. Цербакова, М. Сарычева, А. Курицына, сапера А. Позпахарева, пулеметчика И. Маслова, связисток Т. Румянцевой и В. Ивановой.

Стали истребителями фашистов и многие мои товарищи — Н. Казаков, И. Дзюба, Н. Осипцев. Помню, приходит однажды ко мне наш ротный парикмахер Иван Денисенко.

— Товарищ Дьяченко, красноармеец Денисенко прибыл к вам помогать «стричь и брить» фашистов! — как обычно с шутки начал разговор Иван. — Понимаешь, Федь, — продолжал он, — копчится войпа, приседу домой — спросят: «Ну, как восвал, Иван? Какие такие подвиги совершил?» А что я отвечу им — героически брил на фронте головы и бороды? Да за меня ни одна дивчина замуж не пойдет. Так и останусь бобылем...

— Ладно, уговорил, — засмеялся я. — Есть у меня на примете огневая точка, попробуем ее упичтожить.

Перед стыком нашей и соседней рот у фашистов был установлен пулеметный дзот. Огневая точка, как видно, была хорошо пристреляна. Противник вел огонь из этого дзота только в определенном секторе. Не знаю, известно ли было фашистам, где стыковались роты, или это было случайным совпадением, но пройти здесь было невозможно ни днем ни ночью.

«Поохотиться» за этим дзотом я и предложил Ивану. Мы попробовали обнаружить амбразуру дзота днем, но из нашей затеи ничего не получилось. Она была хорошо замаскирована. Оставалось одно — засечь ее по вспышке ночью. Дождавшись темноты, мы стали вести наблюдение. Вражеский пулеметчик упорно молчал. У меня иссякло всякое терпение. И наконец пулеметчик не выдержал и дал короткую очередь. Нескольких вспышек было достаточно, чтобы установить колышки-ориентиры...

Развясалась утренняя дымка. Теперь в искусно зама-

скированном дзоте мы разглядели чуть чернеющую амбразуру.

— Федька, стреляй! — торопит меня Денисенко.

— Куда стрелять-то?

— Да в ту щелку...

Шепотом объясняя своему другу, что стрелять пока бесполезно. Возле амбразуры никого может и не быть. А себя обнаружим. Иван поморщился, но согласился.

Так мы прождали почти три часа. Пулеметный дзот не подавал никаких признаков жизни. Я уже подумывал о том, что фашисты уходят днем из этого дзота. Тогда до вечера мы пролежим впустую. Посмотрел на Ивана и невольно улыбнулся. Оп, бедняга, упорно боролся с желанием закурить. Глотал слюну, облизывал губы. Но запрет мой не нарушал. Мы были почти у «нейтралки».

И вот, видимо, гитлеровцы открыли заднюю дверь дзота. На свету в амбразуре четко вырисовалась голова в каске. Каждый мой мускул сжался, как пружина. Я выстрелил. Пулеметчик исчез. А через некоторое время, педально от дзота, из траншеи осторожно приподнялся солдат в голубой пилотке. Его сразила меткая пуля Ивана.

— Сматываемся! — подтолкнул я друга.

Перебежками бросились к своей траншее. Над нами засвистели пули. Но мы были уже в безопасности. И Денисенко, заложив пальцы в рот, по-разбойничьи свистнул:

— На-кось, хрицы, выкуси!..

Глаза Ивана азартно блестели. Он хохотал, радуясь своей первой удаче.

— Ты бачив, як я «отбрил»! Высший класс! Он и охнуть не успел.

— Ну, Иван, теперь ты бобылем не останешься... — напомнил я его слова.

— Так то только одного уничтожил... А я хочу, чтобы моя кохана была наконец дивчиной на всей Полтавщине... — хитро подмигнул мне Денисенко: знай, мол, это только первый фашист.

**ТОВАРИЩ  
КОРРЕСПОНДЕНТ**

С утра лил дождь. То моросил, то припускал, бросая на землю косые струи воды. В траншеях, в стрелковых ячейках воды по «уши». Мы вычерпываем ее банками, касками, но толку от этого мало. Не спасают нас и доски, камни, которые уложены под ноги в ячейках. Не помогают хитроумные колодцы, водостоки. Шинели, обувь — все давно отяжелело, пропитавшись водой.

Если от пуль и осколков можно спастись в блиндаже, то от потоков воды нигде не укроешься. Мы находимся в болотистой низине, и целые реки устремляются к нам.

Как-то Иван Деписенко, поглядывая на высоты, занятые противником, заметил:

— Не пойму, хлопцы, яка така у нас стратегия. Оп все на горе, а мы — в болотинах да в ярках...

С нетерпением жду смевы, чтобы хоть немного обсушиться. И вот слышу: чавкают сапоги.

В траншее показался Иван Серый. Он посмотрел на затянутое тучами небо и невесело пошутил:

— Иди, Федор, придави «комара». Войны сегодня не будет.

Я отправился в землянку. Перемотал сухие портянки, протер винтовку и стал искать местечко, где бы прилечь.

— Дьяченко, в штаб батальона, к командиру!.. — неожиданно раздался голос связного комбата.

— Чего это начальству понадобилось? — спрашиваю, а самого злость разбирает: не хочется по такой хлябти опять топать.

— Не знаю. Какой-то старший лейтенант пришел. Может, к нему? Я слышал, он про тебя спрашивал.

Блиндаж комбата Леонтьева находился от роты метрах в шестистах. Но для нас это уже «тыл». Можно хо-

дить во весь рост. Противником лощинка не просматривается.

У входа меня остановил часовой.

— Подожди, доложу. — Он скрылся за плащ-палаткой, замаскировав дверь.

— Заходи.

Землянку освещал бледный огонек коптилки в гильзо от пэтээровского патрона. Я пригляделся. Вижу, у столика сидит комбат. Рядом с ним незнакомый командир с тремя кубиками в петлицах.

— Вот это и есть наш Дьяченко, — представил меня комбат старшему лейтенанту.

— Георгиев, из газеты «Боевая красноармейская». — Старший лейтенант крепко пожал мне руку и улыбнулся широкой, добродушной улыбкой.

«Вот ты какой, В. Георгиев!» — вспомнил я подпись автора газетной заметки. И с любопытством посмотрел на живого, настоящего корреспондента. До этого я представлял себе газетчиков важными людьми, в очках, с большими блокнотами. А Георгиев выглядел так же, как и наши командиры. Разве что телогрэйка почище да ремни поновее.

Он достал из полевой сумки блокнот из рыжей бумаги. Положил на колени и стал расспрашивать, откуда я родом, где мать, отец. Но больше всего он хотел знать, как я упиштожаю врага.

— Расскажи, как ты выучился на спайпера... Может, какую школу кончал?

— Нет, никакой школы не кончал, — отвечаю ему, а сам думаю: окопы — вот моя школа.

Я стал рассказывать, как изучаю повадки врага, как выбираю позиции, сколько требуется хитрости, смелости в единоборстве с врагом. Говорю ему, а он ничего не пишет. Чиркнет два слова и опять спрашивает. И вдруг мне стало не по себе: «Что ж он в газету напишет? Наверное, не то говорю».

Георгиев заметил мое смущение и так спокойно, ласково сказал: «Продолжай, продолжай, Федя! Ты очень интересно рассказываешь».

Потом как-то само собой Василий Павлович стал рассказывать о себе. Он сын старого питерского рабочего. Мальчишкой участвовал в революции. Помнил бои семнадцатого года. После работал в типографии, сотрудничал в газетах. В первые дни войны ушел добровольцем на фронт. Воевал в артиллерийской батарее. А затем снова вернулся к любимому делу — стал корреспондентом армейской газеты.

Василий Павлович оказался необыкновенно душевным человеком. Он на редкость умел располагать к себе людей. И я почувствовал себя с ним необычайно легко и просто. Рассказывал ему о самых сокровенных мыслях, какие можно только доверять близким друзьям. Он умел внимательно слушать, деликатно вставлять свои замечания, вопросы.

Беседуя со мной, Георгиев неожиданно спросил:

— Федя, а что, если вместе выйдем на «охоту»? Я стрелок неплохой...

Сразу я не понял: то ли он всерьез говорит, то ли шутит? И в топ ему ответил:

— Можно, чего ж не сходить... Только рост у вас великоват, противник заметит.

— А ты его и снимешь... — И в его глазах заиграли хитрые огоньки.

В наш разговор вмешался комбат:

— Не советую, товарищ старший лейтенант, траншеи мелковаты. Всякое может быть... Противник за нашими снайперами тоже охотится. На прошлой неделе мы сразу двоих потеряли.

Я недовольно посмотрел на комбата и подумал: «Чего вмешался человек! Да мы всей ротой прикроем корреспондента. Ни один волосок не упадет с его головы».

— Знаете пословицу, товарищ комбат? — Георгиев на-



чипал сердиться. — «Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать». Нет, нет, не отговаривайте! Это решено!

Мы вышли из землянки. Сильный ветер с дождем хлестал в лицо. Стрельбы почти не было. Передовая молчала. Мы завернулись в плащ-палатки и бросились бегом до нашего взводного «кубрика».

Георгиеву пришлось согнуться в три погибели, чтобы вползти в нашу землянку. В воздухе, согретом солдатским дыханием, стоял крепкий запах пота. Под перекрытием чадил кусок телефонного кабеля.

— Здравствуйте, хлопцы!

— Здорово! Коль не шутишь... — ответил кто-то простуженным голосом.

Василий Павлович пробрался поближе к задней стенке. Присел на корточки. Закурил. Несколько минут в землянке стояла тишина. Ребята как бы приглядывались к незнакомому командиру.

— Товарищ старший лейтенант, мы слышали, что вы из газеты. Разрешите вопросик? — осторожно спросил Георгиева Иван Серый. — Что там под Сталинградом?

Василий Павлович чуть помедлил с ответом. Народ зашевелился, к нему придвинулся поближе.

— Трудно, братцы, на юге... Трудно. Тысячи гитлеровских бомб и снарядов ежедневно сыплются на Сталинград. Фашистские танки штурмуют его кварталы. Но противник продвигается уже не на километры, а на метры. Все его планы и сроки рухнули... Наши солдаты сказали: «За Волгой земли нет, отступать некуда!» И стоят насмерть.

— А мы сидим, как мыши в норах, — огорченно сказал Приходько.

— Неверно! Мы тоже помогаем Сталинграду.. Вой только под Синявнином перемололи более шестидесяти тысяч. А сколько врагов упичтожают спайперы-истребители! Вот у вас сколько на счету? — Георгиев обратился к Васильчуку, хмурому рыжеволосому парню.

Николай покраснел, опустил глаза и невятно буркнул:

— С этой «палки», что ли, стрелять!

— Говоришь, «палка»? Нет, брат, винтовка — отличное оружие...

— Конечно. Вон у Дьяченко — снайперская... С оптическим прицелом.

— Брось, не оправдывайся! — вмешался Иван Денисенко. — Коли есть охота, то и без оптики можно. Пршлый раз я с Федором из своей трехлинейки подбил фашиста.

— Да Васильчук в небо боится пальнуть. Кабы немец не засек! — кто-то, что называется, подлил масла в огонь.

— Контакт у него с ними полный... Они его не трогают, он — их. Словом, мир!

По лицу Васильчука было заметно, как волнуется парень. Он посматривал на нас исподлобья, и крутые желваки заходили у него на скулах.

— В том, что Васильчук не открыл счет, думаю, виноваты и вы, — выбрав момент, когда в землянке стало немного тише, сказал Василий Павлович. — Вот ты, Дьяченко, виноват!

— Я? Да при чем тут я! Хиба вин маленький. Що ж его за ручку поведу?.. — Слова Георгиева задели меня.

— Вы слышали о Феодосии Смолячкове? — продолжал Георгиев.

— Снайпер, из Сорок второй армии...

— Он самый! Ровно год назад Смолячков вышел на боевой рубеж. Первый выстрел принес ему удачу. И с того дня он начал выходить на передовую ежедневно. Он обратился через газету ко всем бойцам нашего фронта, чтобы лучшие стрелки открывали личные счета мести. И снайперские выстрелы загремели по всему переднему краю под Ленинградом. Сто двадцать пять фашистов уничтожил Смолячков! Кому-то это покажется и не так

много. Да дело не только в этом. Смолячков подал пример всем защитникам нашего города, как надо воевать. У него появились ученики во всех полках, во всех ротах.

— Вам не пришлось видеть того хлопца? — спросил Денисенко.

— К сожалению, не пришлось. Герой Советского Союза Феодосий Смолячков погиб пятнадцатого января сорок второго года. Только кому же из фронтовиков не известно это имя! Хотите расскажу?

— Конечно, товарищ старший лейтенант! Рады послушать про такого геройского парня... — ответил Георгиеву кто-то из бойцов.

— Правда, говорить я не мастак, так что не взыщите... Осенью сорок первого года остановили мы гитлеровцев под Ленинградом. Да и они поняли, что город им не взять. Решили задушить нас голодом, бомбежками и обстрелами.

Прогнать фашистов от Ленинграда сил не хватало. Мы встали в оборону, — покашливая, продолжал Василий Павлович, — и пошла такая молва: дескать, если фашиста не трогать, то и он стрелять поменьше будет, а коль так, значит, и потерь меньше. Словом, вести «тихую» войну. И получалось так, будто мы сами взяли помогать противнику сохранять его живую силу...

Ребята поплотнее сгрудились вокруг рассказчика, стало так тихо, что было слышно, как шумит осенний дождь.

Вдруг где-то рядом раздался пулеметный треск. Георгиев замолчал. Мы тревожно переглянулись...

— По местам! — скомаандовал лейтенант Теплов. — Денисенко, отдельную команду ждешь? Марш!..

— Бегу! Товарищ лейтенант, обождите трошки. Мы быстро успокоим фрицев, а вы доскажете... — выскакивая из землянки крикнул Иван.

Оказалось, на участке соседа отходили наши разведчики. Кто-то обнаружил себя. Вот противник и всполошился.

Через полчаса на передовой продолжалась обычная жизнь. Взлетали ракеты, чертили пунктиры пулеметные и автоматные очереди трассирующих пуль. Где-то одиноко ухало орудие. Оставив дежурные смепы, мы возвратились в землянку.

— Однако быстро вы «охладили» фашистов! — сказал Георгиев. — Чуег враг вашу силу. Это ему не сорок первый год! Тогда они ждали часа, когда ленинградцы выбросят белый флаг... Да, нам было трудно, очень трудно, хлопцы! Все на пределе: и хлеб, и сваряды, и патроны... А босвой дух был не сломлен, вера в победу не угасла. И в те тяжелейшие дни простые солдаты, такие же, как вы, Феодосий Смолячков, Владимир Пчелипцев, Григорий Симаичук, — первыми заставили врага дрожать от гнева солдатского, бояться пули снайперской. Они стали снайперамп-истребителями.

По их примеру последовали на снайперские рубежи десятки, сотни бойцов. И чем тяжелее становились блокадные дни, тем больше выходило солдат в снайперские засады, тем яростней били фашистов Смолячков и его ученики...

Ветер спаружи стих, а дождь продолжал нудно барабаить, и я незаметно для себя задремал. В полусне вижу, будто иду на передовую вместе с Феодосием. Траншея узкая. То одним плечом стукнусь о стенку, то другим. А Феодосий торопит: не отставай... И вдруг нам навстречу гитлеровец! Высочепный. В каске, шинель внакидку, полы от ветра развеваются. «Стреляй, Федор! Стреляй!..» — срывающимся голосом кричит Смолячков. Я тяну, тяпу спусковой крючок. Наконец почувствовал толчок в плечо, а выстрела не слышал, и фашист как шел, так и продолжает идти. Прямо на нас...

От испуга я очнулся. Наваждение исчезло. В полумраке ребята продолжали слушать Василия Павловича.

— «Снайпер» — слово английское. По-нашему, сверхметкий стрелок. Однако не думайте, что у Смоличкова

были особенные глаза. — Георгнев помолчал, оглядел нас. — Нет, такие же, как у всех. Только тонкостями меткого огня он владел чуть лучше, за трехлинейкой ухаживал чуть больше и снайперские хитрости — маскировку, использование местности — знал чуть лучше других. Таких, как он, называют мастерами.

Слушая Василия Павловича, я все еще не мог отделаться от привидевшегося. Прикрою глаза — и проклятый фашист снова передо мной. Может, это мне после вчерашней промашки чудится?

Вчера такое случилось, что и подумать стыдно. На рассвете я и лейтенант Теплов вышли на передовую. Лейтенант остался в траншее за мной наблюдать, а я выполз в свой окопчик, поближе к «нейтралке».

У противника тишина. Со второй траншеи даст одпуде очереди крупнокалиберный пулемет, да автоматчики постреляют. И снова тихо. Ни один фашист не болтается. Позже за второй траншеей, метрах в четырехстах от меня появились два солдата. В оптический прицел хорошо было видно: кадили какую-то тачку. Одного я уложил. Солдат схватился за живот и повалился, а второй упал и исчез, видимо, уполз в траншею.

Продолжаю наблюдать. Метр за метром осматриваю вражескую оборону. И вдруг что-то блеснуло. Стоп! Снова блеснуло. «Наблюдатель». — без промедления решил я. Присматриваюсь — вроде бы окуляры стереотрубы. Вот и каска показалась. «Бей!» — торчит меня внутренний голос. И я выстрелил... А минут через пять началось такое, что я лежал ли жив ли мертв. И из пулеметов, и из минометов фашисты начали молотить. Землю вокруг меня как плугом перепахали. Счастье спасло! Словом, клюнул я на их приманку, как глупый пескарь. Это я уже потом понял.

Вспомнив этот случай, я подумал: «Небось у Смолячкова таких глупых промашек не было! Жаль, рано погиб царепь, а то повстречаться бы, посоветоваться

с ним...» Хоть и схожи мы, как говорит Георгиев, — оба селяне, оба рабочие-строители, а Смолячков все же поумудрее, поопытнее. Как ни говори, до войны снайперскую школу в Ленинграде окончил.

И дал я себе слово научиться истреблять фашистов, как Смолячков. Всеми снайперскими премудростями овладеть. После того разговора с Георгиевым стал газеты читать, в которых чуть ли не каждый день полезные для солдата статьи печатали, лейтенанта Теплова и командира роты почаще расспросами стал дожимать... Ну а то, что сам полезное узнавал, — не тайн, ребятам рассказывал.

...Проговорили мы в эту пашу первую встречу за полночь. Василий Павлович без устали отвечал на вопросы, рассказывал о жизни в Ленинграде, о положении на других фронтах. Кое-что приходилось повторять, потому что подходили все новые и новые бойцы. И с лица его не сходило выражение удовлетворения, которое он испытывал от этих разговоров.

Георгиев, сильно уставший за день, уснул в нашей землянке. Ребята освободили ему место возле степки. Кто-то заботливо укрыл корреспондента шинелью. На рассвете я проснулся первым и осторожно тронул его за плечо.

— А, это ты, Федя? Идем... — откликнулся он.

Мы выбрались из землянки. Дождь перестал. Занимался белесый рассвет. Над землей поднималась легкая дымка утреннего тумана. Редкие винтовочные выстрелы, короткие пулеметные очереди будоражили тишину раннего утра.

Выбрав в трапшее удобное место, стали наблюдать. Вполголоса, это уже по привычке, рассказываю Василию Павловичу, как веду «охоту», где мои основные ячейки, а где запасные. Потом передаю ему винтовку.

— Федя! — воскликнул он через несколько минут. — Посмотри-ка!

Он вернул мне винтовку. В оптический прицел была ясно видна группа фашистов. Они несли какой-то длинный ящик. Мелькнула мысль: «Стрельнуть бы, пусть старший лейтенант своими глазами увидит, как бью врагов». Но вспомнил приказ комбата — зря не рисковать.

— Ты чего не стреляешь? — спросил Георгиев.

— Комбат запретил. Сказал, чтобы при вас поосторожней быть...

Георгиев помолчал, но, видно, ему тоже хотелось, чтобы я выстрелил. Договорились в следующий раз выбрать более удачное и безопасное место.

С этой встречи у меня завязалась дружба с Василием Павловичем. Он часто бывал в нашем полку. И я не помню случая, чтобы он не поинтересовался, как идут боевые дела у его «подопечных», снайперов нашей роты.

Не без его влияния я стал понимать, какое мы святое и пужное дело делаем, активно участвуя в истребительном движении. Георгиев искренне радовался каждому новому меткому стрелку-истребителю. В «Боевой красноармейской» было напечатано немало его очерков, заметок, в которых он рассказывал о своих друзьях — солдатах переднего края. Это были яркие, интересные корреспонденции. Они привлекали к себе внимание читателей, запоминались прежде всего правдой жизни. Георгиев умело показывал, каким тяжелым солдатским трудом достается победа. Он хорошо знал этот труд, потому что видел его собственными глазами.

## ШКОЛА В ОВЦЫНЕ

Однажды меня вызвал на командный пункт роты старший лейтенант Трунов. Он стал спрашивать, как идут дела. Но я почувствовал, что не за тем пригласил меня замполит. Иду, что же он скажет дальше.

— Завтра, товарищ Дьяченко, вам падлежит утром прибыть в штаб дивизии. Возьмите с собой оружие, вещмешок...

От неожиданности я растерялся и не знал сразу, что ответить. «Зачем я попалобился в штабе? Может, куда переводят?» — закрутились в голове мысли. Спросил Трупова.

— Не знаю, Федя... Приказано прибыть... и все. Ты солдат, выполняй приказ!

Ночь прошла в мучительных раздумьях. Не хотелось расставаться с ребятами. За короткий срок они стали для меня как родные. Но приказ есть приказ. Утром взял свое пехтрос имущество, попрощался с друзьями и отправился в путь.

Штаб и политотдел 72-й дивизии находились в печах и карьерах завода «Красный кирпичник», на северной окраине Колпина. Огромные сводчатые печи для обжига кирпича были похожи на залы. Они служили отличным укрытием. Их не пробивали даже снаряды среднего калибра. В штабе дивизии нас собралось человек семь-восемь. Мы узнали, что всех нас направляют на снайперские курсы.

Пока оформляли бумаги, к нам пришел начальник политотдела дивизии Небольсин. Среднего роста, коренастый. На лице добродушная улыбка. Говорил он не шеша, тихим голосом.

Начальник политотдела попросил каждого из нас доложить о своих боевых делах. Дошла очередь и до меня. Я встал.

— Не надо, Дьяченко. О тебе читал сегодня в «Боевой красноармейской». Ты, наверное, еще и не видал газеты?

— Нет, товарищ комиссар, — назвал я его еще по старому званию.

— На, почитай. — Он передал мне газету, в которой был напечатан очерк Георгиева. — Молодец, Дьяченко!



Ленинградцы спасибо тебе говорят за то, что ты так хорошо воюешь.

Мы много говорим о ненависти к врагу... — продолжал он. — Да, война никого не обходит стороной. Наша ненависть к фашизму законна и священна. Но мало говорить о ненависти... Мало! Ненависть должна быть активной. Уничтожь фашиста! Тогда все скажут: ты действительно ненавидишь врага, действительно любишь Родину. И народ такому солдату в пояс поклонится. Спасибо скажет... Поняли, зачем мы посылаем вас в снайперскую школу?.. Мастерами огня возвращайтесь!

...Снайперская школа 55-й армии находилась на правом берегу Невы. На попутной полуторке мы добрались до Усть-Ижоры. Дальше по понтонному мосту переправились через Неву в Овцыно. И очень удивились, когда увидели, что поселок, вытянутый вдоль берега, почти не пострадал от обстрелов и бомбежек, хотя до противника, что называется, было рукой подать. Сохранились дома, бараки, в которых жили рабочие совхоза. Работал даже местный клуб.

Найти снайперскую школу нам помогли всезнающие ребяташки. Они проводили нас прямо до самого штаба, который находился у моста в небольшом кирпичном домике.

Нас встретил дежурный по школе. Он прежде всего приказал нам привести себя в порядок: застегнуться, надеть ремни поверх ватников, почистить обувь. Откровенно сказать, все эти «штучки» казались нам тыловыми придирами. Но пришлось подчиниться.

Потом дежурный подал команду: «Становись!» — и пошел докладывать начальнику школы. Я ожидал увидеть пожилого, степенного командира. И очень удивился, когда перед нами появился молодой, щеголеватый старший лейтенант. Позже я узнал, что это был известный мастер стрелкового спорта СССР ленинградец Г. И. Гильбо.

...В начале сорок второго года для квалифицированной подготовки снайперов были созданы армейские снайперские школы в 42-й, 23-й и 55-й армиях, позже в 67-й армии и во фронтовой запасной стрелковой дивизии.

В 55-й армии начальником и ведущим преподавателем школы был назначен старший лейтенант Г. И. Гильбо, бывший студент Ленинградского института советской торговли имени Ф. Энгельса. Стрелковый спорт был его настоящей страстью. Он отдавал ему все свое время.

Ближайшими помощниками Гильбо были мастера стрелкового спорта лейтенант В. Ф. Трациков, работавший до войны в Ленинградской областной школе снайперов Осоавиахима, и воспитанник стрелкового клуба ленинградского «Дипамо» лейтенант Н. И. Миронов.

Друзья мне рассказывали, что до войны в Ленинграде больше уделялось внимания стрелковому спорту. Ленинградская школа снайперского искусства воспитала немало известных спортсменов. И когда было установлено звание «Заслуженный мастер спорта СССР», среди первых спортсменов-стрелков стали Д. В. Петушиц, А. И. Рыжов, П. Д. Долгобородов.

С началом войны большинство спортсменов-стрелков ушли на фронт. Они были хорошей оцорой командиров в подготовке снайперов-истребителей.

В снайперские школы или на сборы снайперов командиры полков направляли наиболее способных снайперов. В течение короткого времени они получали теоретические знания в области основ баллистики, тактики, материальной части. Много внимания уделялось практическим занятиям. Ежедневно проводилась огневая подготовка. Отрабатывалось инженерное дело. Учебное время было очень плотно насыщено занятиями в поле и в классах.

Конечно, главной «академией» для сверхметких стрелков был боевой рубеж. Только в бою по-настоящему оттачивается мастерство солдата. Но школа, выражаясь со-

временным языком, давала нам научные основы ведения одиночного огня из личного оружия.

Спайперская школа просуществовала примерно полтора года. За это время здесь были подготовлены многие выдающиеся снайперы Ленинградского фронта — Григорий Симанчук, Тэшабой Адилов, Иван Жидков, Григорий Бугаев. Бывший шофер Ижорского завода Иван Матюшев после окончания школы стал командиром истребительной роты.

...После того как было покончено с формальностями, связанными с зачислением нас курсантами школы, дежурный показал нашу казарму. Это был длинный и холодный барак. Но после «лисьих нор» он показался нам раем. Под потолком горели электрические лампочки. И хотя светили они тускло, но по сравнению с коптящим телефонным кабелем, который мы жгли для освещения землянок, они были как маленькие солнышки.

Рядом со мной — место ленинградца сержанта Александра Курицына. О нем я узнал, когда еще прибыл в полк. Он, можно сказать, ветеран дивизии. Балтийский матрос, воюет с начала войны. Во всем его облике угадывался человек сильной воли и характера.

Мы лежим рядом на парах, и я слышу его тяжелое дыхание. Курицын рассматривает потолок и скупно, негромко, как бы сам себе, рассказывает:

— В сорок первом осенью собирался на «гражданку»... Все Гитлер поломал... По его милости пятый год тельняшку не снимаю...

— А в море плавать тебе приходилось?

— Плавают рыбы, а моряки ходят, — снисходительно усмехаясь моему «сухопутному» языку, обрывает Курицын. — На тральщике ходил...

— Отвоишься — домой вернешься, — пытаюсь посочувствовать Александру.

— А дом где? Где мой дом, знаешь?..

— Нет...

— ...И я не знаю. Братанов фашистские бандиты прикончили...

Курицын сжимает свои огромные кулачищи. Немного погодя снова продолжает разговор:

— Был у нас политрук Потапов... Вместе в разведку ходили. Кабы не он — лежать мне не здесь, а в гдовских болотах... Сроду не видал такого политрука... И за него тоже рассчитаться должен. Понял?

Выговорившись, Курицын немного успокаивается и замолкает. Но ненадолго. Он достает из кармана кисет, сворачивает толстую самокрутку. Резко чиркает спичкой, и я вижу его побледневшее лицо.

— В казарме не курить! — раздастся голос дневального.

— Пошел ты... — Александр сует босые ноги в сапоги и вперевалочку уходит в холодные сени. Там он чем-то гремит, кашляет. Минут через десять Курицын возвращается.

— Я здесь долго не собираюсь торчать... Душа горит, если хоть ненадолго уйду с передовой.

На другой день мы отправляемся на стрельбище. Лейтенант объявляет условия контрольных стрельб. Мишень трудная. Расстояние — триста метров. Три патрона. Ребята слушают, пронычски улыбаются. Еще бы! Мы, спайперы, с передовой! У некоторых на гимнастерках боевые медали.

Выхожу на огневой рубеж. Изготавливаюсь. Непонятно, по почему-то волнуясь. Стараюсь взять себя в руки. Прицеливаюсь, и волнение куда-то исчезает. Плавню нажимаю на спусковой крючок. Еще выстрел, другой... Через несколько минут сообщают результат: в мишени три пробиты. Жду сигнала «отбой».

И пока лежу на сырой земле, вспоминаю 120-й запасной полк. Кажется, давным-давно это было. Вот так же лежал на учебном стрельбище и с трепетом ждал, что скажет ротный. А теперь сам стал бывалым солдатом.

Отстрелявшись, собираемся на «тыловом» рубеже. И сизое махорочное облако петоропливо плывет над нами. Подходит пачальник школы Гильбо. Он интересуется, как мы устроились, довольны ли питанием. Видно, неплохой человек, заботливый.

После отстрела к нам присоединяется Курицын. Гляжу — на нем лица нет.

— Ты чего?

— Мастера, язви их в душу... Пересчитал бы я им «шпангоуты»!

— Кого это ты так?

— Оружейников наших... Просил: пристреляйте... И на вот тебе, только одно попадание... Сколько же фашистов живыми отпустил? Патроны понапрасну тратил, — переживает неудачу Александр.

«Конфуз» получился не только у него одного. Плохо пристрелянное оружие оказалось бедой многих моих товарищей. И нашим инструкторам, прежде чем учить нас меткой стрельбе, пришлось заняться пристрелкой оружия. Мастер стрелкового спорта Тращик показывал сложную технику этого дела. И моя винтовка теперь стреляла отлично. Из пятидесяти очков выбиваю не меньше сорока пяти. Радуюсь и боюсь дышать на свою «снайперку».

Пристреляно оружие и у Курицына. Он тоже получает высшие оценки. Неудача на контрольных стрельбах его многому научила. Александр свою снайперскую винтовку никому не дает в руки. Да и для меня история с его винтовкой тоже урок. Я понял, как надо беречь оружие! Не зря же есть мудрая солдатская пословица: «Винтовка любит ласку, чистоту и смазку».

Кроме огневой подготовки и тактических занятий мы ежедневно занимались теорией стрелкового дела. Потел я в классе не меньше, чем на марш-бросках в запасном полку. Помню, как трудно было мне разобраться, что такое деривация. С грехом пополам зазубрил определение —

деривация есть отклонение пули вправо. Но зачем я должен это знать, никак не мог взять в толк. Вот, скажем, поправки на ветер или на температуру — это понятно. Без них не сделаешь меткого выстрела. А при чем здесь «деривация»? Оказалось, что при стрельбе на большие дистанции и она влияет на точность попадания пули в цель.

Очень интересно и понятно вел занятия Григорий Исаакович Гильбо. Он знал великое множество тайн снайперского ремесла. Помню, как рассказывал Гильбо об особенностях стрельбы зимой.

— Враг обнаружил нашего снайпера. Кто скажет почему?

— Маскировка плохая...

— Шевелился...

— Винтовка белой краской не окрашена...

Мы называли десятки причин. Но лейтенант только покачивал головой.

— Вы не сказали еще одну, на которую в горячке боя снайперы не обращают внимания... Облачко!

Какое облачко? На наших лицах застыло недоумение.

— Маленькое предательское облачко, которое появляется в сильные морозы над стволом винтовки, — спокойно продолжает Гильбо.

Оказывается, пороховые газы, остающиеся после выстрела, образуют на морозе облачко. Для опытного стрелка оно хорошо заметно. Чтобы избежать этого, надо прижимать ствол винтовки как можно ближе к земле. А после выстрела веточкой или рукой разглядить черные полосы, остающиеся на снегу.

Со мной рядом сидит молодой боец Джамбинов. В южном Казахстане он не знал сильных морозов. И под Ленинградом это его первая в жизни зима. Он тихо шепчет:

— Какой хитрый русский мороз... Теперь знать будем!

А лейтенант приготовил нам новую задачку:

— Дьяченко! Цель — голова фашисты. Расстояние — четыреста пятьдесят метров. Куда будето целиться?

Вспоминаю правило: надо поставить прицел 4 и целиться в лоб. Докладываю свое решение, но Гильбо перебивает меня. Он обращается к товарищам:

— Кто добьет фашиста?

Курицын поднимает руку, значит, я в чем-то ошибся.

— Целюсь в подбородок. Пуля пойдет на десять сантиметров выше и как раз продырявит арийский лоб, — спокойно отвечает Александр.

— Правильно! А вы, Дьяченко, послали пулю за «молоком». Видно, забыли про угол возвышения.

С досады сплевываю на пол. Мой сосед Джамбипов успокаивает:

— Ничего, Федя, еще другой фашист есть. Его бить будешь.

...Старший лейтенант Гильбо продолжает урок. И мы с огромным вниманием слушаем его. Каждое слово, каждая мысль старшего лейтенанта подкрепляются интересными примерами. Как я жалею, что не вел тогда никаких записей! Все воспринималось на слух. Однако некоторые его советы остались в памяти и по сей день. Думаю, их полезно знать и нынешним молодым воинам.

Как, скажем, правильно дышать при прицеливании в морозный день снайперу? Иному такой вопрос покажется пустяковым. Но в снайперской стрельбе мелочей нет. Прицеливаясь, снайпер должен выдыхать воздух вниз, иначе запотеет стекло окуляра.

Просто и мудро! Я на себе испытал это нехитрое правило. Забудешь и сразу же цель как в тумане, а противить оптику в бою некогда. И ты как бы обезоружен... Вот вам и мелочи!

Кроме боевой подготовки с нами проводили политические занятия, политинформации. Раза два приезжали лекторы из политотдела армии. Словом, повышались и наши военные знания, и политическая сознательность.

Гильбо и его помощники часто выезжали в полки. Вместе с истребителями выходили на передний край, изучали их опыт и ошибки. Вернувшись в школу, рассказывали нам, как действуют спайперы, среди которых было немало знакомых людей. Одних я знал по газетам, с другими встречался в дивизии, а вот историю Ивана Королева услышал впервые в школе.

## **ПАРЕНЬ С НЕВСКОЙ ЗАСТАВЫ**

Королеву исполнилось всего девятнадцать лет, когда он добровольцем ушел воевать. Был он из рабочей семьи. До войны жил на правом берегу Невы. Профессия у Ивана была самая мирная — повар. И когда он попал на фронт, то командир обрадовался:

— Повар! Это отлично. Будешь кашу варить. Харч па войне — первое дело для солдата.

Королев промолчал. Кашу так кашу. На первый раз и это можно делать. Только в душе своей он затаил другую думку — самому бить врагов, собственной рукой.

Свое дело Иван исполнял аккуратно. Кухня всегда в полном порядке. А какие вкусные борщи он умел варить! Бойцы почти всегда просили:

— Ваня, дай добавочки!

И Королев щедро подливал в котелки добавку. Он помнил слова командира: «Харч па войне — первое дело для солдата». А когда, бывало, каша подгорит или борщ остынет, Иван ходит хмурый и говорить ни с кем не хочет.

Но кашеварить ему пришлось недолго. Однажды, когда он приехал на передовую, чтобы раздать пищу, неподалеку от кухни разорвался снаряд. Взрывной волной парня отбросило как щепку. С тяжелой контузией его отправили в госпиталь. Почти месяц Иван пролежал в гос-



питале. Врачи опасались за его слух. Но ему повезло: слух почти полностью восстановился. И он снова вернулся на фронт. Только теперь ему совсем уже не хотелось быть поваром. Виной тому стал разведчик Голубцов.

О боевых делах этого коренастого, с быстрыми темными глазами хлопца в полку ходили легенды. Рассказывали, как он в тылу врага ухитрился пробраться в штаб и захватить документы, в другой раз — привести «языка».

Смелый, отчаянный Голубцов покорила Королева. Иван старался получше накормить друга. А когда выпадало время, приходил в землянку разведчиков послушать их рассказы.

Узнав о желании Ивана стать разведчиком, Голубцов посоветовал ему поговорить с командиром. На следующий день Королев пришел в штаб полка.

— В разведку просишься? — спросил командир.

— Так точно!

— Слабоват ты, Королев, — улыбнулся командир, оглядывая шуплую фигуру бойца.

— Зато я ловок. Смотрите!

Иван быстро повернулся к ординарцу командира, схватил его и каким-то невероятно хитрым приемом повалил на землю.

— Вот чертов сын! — ворчал ординарец, отряхивая пыль с гимнастерки. А рядом с ним хохотал командир.

— Да! Верно, ловок, ничего не скажешь. Так и быть, беру!

Через несколько дней Иван готовился к своей первой боевой операции. Голубцов объяснил ему «секреты» мастерства разведчиков. И вот наступила долгожданная ночь.

— Сегодня выходим...

Нейтральную зону прошли благополучно. До вражеской траншеи оставалось метров десять — пятнадцать. Разведчики приготовились к последнему броску. Но кто-то в эти секунды себя обпаружил. Поиск сорвался.

Взлетела вражеская ракета. Фашисты открыли бешеный огонь. Свинцовый ливень прижал бойцов к земле. Разведчики кое-как добрались до воронки и плюхнулись в раскисшую от дождей торфяную жижу. Холод пронизывал до костей, казалось, стынет кровь. Прижимаясь друг к другу, бойцы пролежали до утра... Потом еще ночь. И только на следующую ночь они сумели выбраться из своей ледяной ванны.

Королев сильно простудился. Снова попал в госпиталь. Несколько дней метался в жару, бредил — думали, парню конец пришел. Но молодой организм справился с болезнью, и Иван вернулся на передовую. В штабе полка ему предложили пойти в школу снайперов. Он согласился.

Время учебы в снайперской школе промелькнуло незаметно. Королев оказался способным курсантом. Он отлично освоил свое оружие, тактику снайпера, умел почти безошибочно определять расстояние до цели. Наконец наступил день, когда Иван снова вернулся в родной полк.

«Первый день на боевом рубеже. Он остался в памяти так же, как остается в памяти и твой первый день в школе. Потому что это тоже шаг в твоей жизни», — говорил своим друзьям Иван Королев.

Место для снайперского окопчика Королев выбирал долго и тщательно. Он часами наблюдал за передним краем гитлеровцев. И когда убедился, что именно здесь выгодней всего устроить свою позицию, сказал об этом своему папарнику. Егоров согласился. Они взялись за подготовку основных и запасных позиций.

Первый же день на огневом рубеже принес им успех. Затемно снайперы заняли свои места. Стали ждать рассвета. Королев, не спускавший глаз с вражеской траншеи, заметил какое-то движение. Появилась каска. Рядом — вторая. На бруствер вылезли два фашистских солдата. В руке у одного ведро, у другого — сумка. Они огляделись и направились в сторону поселка.

Королев знаком показал товарищу: «Видишь?» Егоров так же знаком ответил: «Вижу».

Как было условлено, первым выстрелил Егоров. Фашист завертелся волчком и упал назад в траншею. Его приятель хотел было ему помочь, но, испугавшись, бросился наутек, петлял, как заяц.

Прогредел еще один выстрел. Он оказался неудачным для Егорова. Гитлеровец сумел скрыться.

Теперь подошла очередь стрелять Королеву. На тропинке, что вела к передовой, продвигалась группа солдат противника. Расстояние было метров шестьсот. Снайпер не спеша выбрал цель и стал ждать, пока враг приблизится, затем он спокойно нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Один из гитлеровцев замертво повалился в снег.

— Смотри, смотри! — закричал Егоров.

Фашисты стали разбегаться в разные стороны. Королев быстро изготовился. Выстрел! Еще один фашист упал как подкошенный.

Иван взглянул на товарища: «Видал, как надо бить!»

Он ласково посмотрел на свою трехлинейку — обыкновенную русскую винтовку — и нежно ее погладил.

Мастерство Королева росло с каждым днем. Простой ленинградский парень, в мирное время повар, стал профессиональным солдатом. Каждый день был для него новой ступенькой боевого мастерства. Он учился стрелять еще более метко, быть еще более хитрым, стойким и решительным.

Как-то у противника появилась новая огневая точка. Фашистский пулеметчик буквально не давал нашим и шага сделать по траншее. Командир вызвал Королева:

— Надо уничтожить этого гада!

— Сделаем, товарищ командир, — ответил Иван.

Прежде всего надо выследить врага. Найти его уязвимое место. Иван решил обмануть фашиста. До полуночи он возился в землянке, сооружая из старой шинельки чу-

чело. А перед рассветом пришел к своим друзьям в стрелковый взвод.

— Ребята, поманите фашиста на этот «червячок», а я тем временем постараюсь выследить, откуда он ведет огонь, — объяснил Королев задачу.

На зорьке, когда еще над землей стелилась дымка тумана, из нашей траншеи поднялся «солдат». Фашист обрадовался и дал длинную очередь. Королеву достаточно было нескольких мгновений, чтобы засесть огневую точку врага. И первым же выстрелом он заставил замолчать противника. Задание командира было выполнено.

Иван Королев крепко подружился с пулеметчиком Жамбековым. Жамбеков плохо понимал по-русски. Он родился и вырос в казахском ауле. Вместе с отцом пас овец. Раньше это были отары бая Ахтамберова. Сколько овец было в тех отарах, Жамбеков не знал — тысяча, а может быть, десять тысяч. Знал Ахтамберов. И когда отец Жамбекова приходил за расчетом, оказывалось, что получать ему нечего. Бай говорил: «Дорогой мой, пять барашков подсчитался в стаде. Это ты мне должен, а не я. Но ты бедный. Платить не можешь. Отработай пять барашков».

Спорить было бесполезно. Ахтамберов всегда был прав. И так, за кусок черствой лепешки, Жамбековы продолжали пастись байских овец.

Большевики помогли казахам установить Советскую власть. Жамбековы стали колхозными пастухами. И каждую осень получали столько хлеба и мяса, что семья была обеспечена с лихвой, излишки они вносили на постройку в ауле школы и клуба. Словом, наступили удивительные времена. На глазах менялась жизнь, менялись люди. И вдруг грянула война. Жамбеков-младший ушел на фронт. Он стал солдатом, защитником Родины. И теперь у него была одна забота: как можно быстрее очистить землю от фашистской пачисти.

...Как-то раз, придя на передний край, Королев заметил, что его друг чем-то расстроен.

— Что случилось, Жамбеков?

— Понимаешь, Иван! Фашист пулемет поставил, житья не даст... Мой пулемет, гад, испортил. — Жамбеков показал пробойну в кожане «максима». — Такой хороший пулемет сломал...

— Починят твой пулемет. Хорошо, что голову тебе не продырявил. Показывай, где фашист спрятался.

Вражеский пулеметчик оказался у старой землянки. Броневой щит был еле заметен в траве. Но Королев знал уже сотни признаков, по которым можно было обнаружить врага. Сломанную веточку, жухлую траву, бугорок внезапно появившейся земли — все примечал острый глаз снайпера.

Иван разглядел, как в щели бронезащита мелькает каска гитлеровца. Он дождался удобного момента и открыл огонь бронебойными патронами. Фашист не успел сделать ни одного выстрела в ответ. Назавтра Жамбеков, хитро улыбаясь, говорил:

— Понимаешь, Королев, пронал фашист. Молчит, но стреляет...

Иван Королев хорошо изучил повадки врага. Он не боялся вступать с ним в поединки. И фашисты почуяли в советском снайпере опасного противника.

Однажды гитлеровцам удалось засечь позицию Королева. Иван находился там вместе с политруком Марковым. Фашисты не пожалели мина. Больше двух часов бушевала огненная метель. Земля была словно вывернута наизнанку. Королев и Марков лишь чудом остались живы. Иван запомнил этот урок. Он говорил: «Полежишь часок-другой под таким обстрелом — поповоле станешь умнее и хитрее».

Став снайпером, Королев делился своим опытом с товарищами. Он часто думал: «Что может сделать в такой войне один, пусть даже очень меткий, умелый и храбрый

воин? Уничтожить роту-другую?.. А сколько их, этих фашистских рот!»

И Иван, не жалея сил, лилая себя короткого солдатского отдыха, обучал других бойцов снайперскому делу.

Осенью Королев побывал в Ленинграде. Он долго ходил по опустевшим улицам родной Невской заставы. С болью смотрел на раны, которые враг нанес его любимому городу. Он старался запомнить бледные, истощенные лица ленинградцев, разбитые дома, старался ничего не забыть, чтобы там, на передовой, за все сполна расчитаться с непавпстным врагом.

Тогда же произошла встреча Ивана с ленинградскими рабочими. Они расспрашивали его, как он воюет, за какие подвиги получил орден Красного Знамени. И когда узнали, что Королев уничтожил несколько десятков фашистов, то удивились:

— Как же это ты один сумел уничтожить столько гитлеровцев?

— Разве много? Я думаю — мало, — отвечал Иван Королев.

И вскоре о новых боевых делах снайпера-ленинградца узнал весь фронт.

## **СНОВА НА ПЕРЕДОВОЙ**

Незаметно пролетело время в снайперской школе. Наступила пора возвращаться в полк. Василий Павлович Георгиев, узнав о том, что мы должны разъезжаться по своим частям, пригласил меня заехать в редакцию «Боевой красноармейской». Она находилась в поселке Рыбацком.

Как сейчас помню большой деревянный дом возле шоссе. В каждой комнате много людей. Кто пишет за столом, кто — примостившись кое-как и положив блокнот

на колени. Стоит шум. Густым облаком висит табачный дым. Слышится дробный стук пишущих машинок.

Затем по скрипящей лестнице мы поднялись на второй этаж и вошли в светлую комнату.

— Наш «кубрик», — обвел вокруг рукой Георгиев.

В комнате было чисто. Койки заправлены. На вешалке рядом — шинели, противогазы...

— А вот и начальник нашего отдела газеты батальонный комиссар Бойцов! — воскликнул Георгиев, когда в комнату вошел коренастый командир с двумя шпалами в петлицах.

Я вытянулся, отдал честь, чуть отошел в сторону. Батальонный комиссар что-то стал говорить Георгиеву, отдал ему какую-то бумагу. Василий Павлович сунул ее в карман и вышел.

— Садитесь, товарищ Дьяченко. Расскажите о себе, о своих делах...

Бойцов подробно расспрашивал меня, как я уничтожаю фашистов. Его интересовали мельчайшие подробности снайперской охоты: и как я изучаю противника, и как питаюсь, и кто со мной ходит в паре...

— Ко мне есть вопросы? — спросил батальонный комиссар, когда наша беседа подходила к концу.

— Кому это столько писем? — мое внимание давно уже привлекал стол в углу комнаты с горкой красноармейских «треугольничков».

Бойцов улыбнулся:

— Нам... Наши главные корреспонденты пишут, также же, как ты, бойцы. Хочешь, и ты напиши...

Желание у меня такое было. На страницах газеты под заметками я не раз встречал знакомые фамилии. На прошлой неделе заметку Саши Курицына видел.

— Вот тебе бумага, карандаш. Напиши, чему ты научился в снайперской школе, — посоветовал мне Бойцов.

Пока я писал заметку, в комнату вошел хмурый лейтенант невысокого роста. Он что-то озабоченно искал.

— Познакомься, Володя! — сказал ему Бойцов. — Это Федор Дьяченко.

Лейтенант, как мне показалось, равнодушно сунул руку, назвался так тихо, что я еле расслышал:

— Лейтенант Иванов...

Продолжая что-то искать, он походил по комнате и вышел. Так я больше и не услышал от него ни одного слова.

— Кто это такой смурый? — спросил я Бойцова.

— Иван Муха. Читал, паверное, его сатирически стихи?

— Як же! Мой дружок Иван Денисенко из тех стишков такую самодеятельность устраивает!

Через некоторое время лейтенант Иванов вернулся.

— Федору Дьяченко от бойца Ивана Мухи па память.

Он вручил мне отпечатанное па машинке стихотворение, посмотрел па меня добрыми, чистыми глазами и чуть-чуть улыбнулся.

Все это произошло так быстро, что я и поблагодарить не успел. Но короткое фронтовое стихотворение берегу и по сей день.

Разя бандитов наловал,  
Ты мстишь за кровь и за рунны,  
Грозою ты для немцев стал,  
Сын нашей братской Украины!

Пусть червь могильный гадов ест!  
Дьяченко ставит крестик новый,  
И немцы ставят новый крест —  
Березовый или сосновый.

Спустя много лет после войны мне довелось встретиться с С. М. Бойцовым. Несмотря на болезнь, он остался прежним — живым и интересным собеседником. Его память сохранила события тех далеких лет так, будто это было вчера. Мы вспоминали нашу родную «Боевую красноармейскую»: он — как один из ее руководителей,



а я — как солдат, в жизни которого армейская газета оставила немалый след.

...К вечеру на попутной полуторке я добрался до Колпина. Близость переднего края ощущалась во всем. Явственно слышались пулеметные очереди за Ижорой, за 3-й Колпинской колонией взлетали ракеты. Но в городе было спокойно. Я вышел на окраину и дальше по знакомой траншее, которая начиналась от бывшей радиостанции, отправился на передовую. Вокруг перенахапная снарядами и минами земля. Под каждым бугорком — земляпки, густая сеть трапшей.

Старший лейтенант Пикифоров искренне обрадовался, когда я доложил ему о прибытии. В последних боях рота сильно поредела.

Внимательно выслушав меня, командир роты сказал:  
— Иди отдыхать. Утро вечера мудренее. Завтра подумаем, где тебе лучше позицию выбрать.

Наша землянка метрах в ста от командирской. Почти на самом фланге роты. Ход сообщения узкий, еле разойтись двоим.

— Федька! — чуть не лбами стукнулись мы с Иваном Денисенко. — Явился. Дывысь, який ты сирванный став, який важный!

— Погоди, не тарабань, Иван! — перебиваю я своего друга. — Лучше расскажи, какие у нас новости.

— Новостей богато. Позавчерась сабантуй устроили. У его первой трапшес побувалы... Здоровенного гада приволокли. Волосы, как у бабы отрасли. Все гутарил: «Гитлер капут...»

— А еще? — чувствую, Иван что-то недоговаривает.

— Ивана Серого в санбат отправили. Взводный новый — лейтенант Сараев.

— А Тецлов?

— В той разведке его сильно зацепило. Вынести вынесли, а жив — не знаю...

Внутри у меня словно что-то оборвалось, и к горлу подступил комок. Жаль Теплова. Молодой, жизнерадостный. Толковый командир.

Он был моим первым наставником. Помню, как лейтенант терпеливо учил ориентироваться на местности, замечать все уловки врага. Придет, бывало, и спрашивает: «Покажи, Дьяченко, что нового заметил у противника?» Отвечаю: «Нового ничего нет».

Он хмурится и говорит: «Шлохо смотришь. Вой у того ивнячка свежая земля. Раньше не было, значит какие-то работы ведутся. Для снайпера — это цель». И верно, наблюдаешь и обязательно фашиста уничтожишь.

Однажды Теплов заговорил со мной о вступлении в комсомол. И у меня такая мечта была, да только думал, что мало еще сделал, чтобы меня в комсомол приняли. Вот Вася Авдеенко — грамотный, помкомвзвода. Или Николай Казаков — замполитрука. А я что? Погожу еще. Так и Теплову ответил: «Воюю, товарищ лейтенант, я не хуже других, а для комсомола — грамоты маловато!» А он улыбнулся и говорит: «Твоя грамотность сейчас вот этим пером проверяется, — и показал мне на штык винтовки. — Воюешь хорошо — не спорю, но станешь комсомольцем — еще злее, еще лучше будешь воевать!»

Комсомольское бюро собралось в землянке командира роты. Николай Казаков зачитал мое заявление и обратился к присутствующим:

— Вопросы к Дьяченко есть?

— Расскажи обязанности члена ВЛКСМ. Знаешь их? — спросил меня старший сержант Авдеенко.

— Знаю! — ответил я, и вдруг все пужные слова из головы вылетели. Смотрю на Казакова, на лейтенанта Теплова, на Васю Авдеенко. Ребята кивают, дескать, сме-

лес, Федор, не робей, говори... А мне как будто кляп в рот засадили. Молчу!

— Яки обязанности? Хвашистов бить!..— неожиданно прорывает меня. — И в хвист, и в гриву, як говорит наш командир товарищ Никифоров.

— Молодец, Федя! Правильно! — ребята грохнули таким хохотом, что песок по стенам землянки зашуршал.

— Тихо, товарищи, тихо! Правильно сказал Федор, — успокаивал бойцов Казаков.

Из землянки я вышел взмокший и злой на свою растерянность. Ведь столько раз читал об этих обязанностях, а вот ответить не смог...

— Приняли? — хлопнул меня по плечу Иван Денисенко. — А про чо спрашивали? Про политику аль биографию?

— Будешь вступать — узнаешь! — вспыхнул я, продолжая злиться. А где-то уже подступала другая, гордая мысль: «Я — член Ленинского комсомола!»

К большой моей радости позже я узнал, что Теплов остался жив и даже вернулся в дивизию. Но как-то так получилось, что встретиться мне с ним не удалось. Он служил в штабном подразделении дивизии и в нашем батальоне появлялся редко.

...Наша землянка, как мне показалось, стала уютней и теплее. Из гильзы от «сороканижки» ребята сделали отличный светильник. Стены обшили досками. И в углу маленький лежачок умудрились устроить.

В тот вечер мы долго разговаривали. Я рассказывал ребятам о своих новых друзьях, с которыми познакомился в снайперской школе, о том, чему нас там учили. Больше всего хлопцев заинтересовало, как мы пристреливали оружие. И Приходько тут же первый попросил пристрелять его винтовку.

— А что, плохо бьет? — спрашиваю Леонтия.

— За неделю только троих спял...

— А может, не винтовка виновата, а ты сам? Врага падо искать.

— Правильно, Федор! — поддержал меня Николай Казаков. — Помпшишь, как мы выследили фашистского снайпера?

Как не помнить! Матерый был волк. Недели три безнаказанно орудовал. Но мы поймали его «на крючок» простой папирской. Дело было так.

Вышли мы па «охоту», привычно осматриваем каждый бугорок, каждую кочку. Не появилось ли чего нового. Есть! Вот на бруствере вражеского окна выросли кустики. Ну и «садовники»! Даю сигнал Казакову. Он закурил цигарку и стал пускать над бруствером дымок, одновременно чуть высовывая на палке каску. «Кустики» зашевелились. Гитлеровец решил, что русский бесечно увлекся курением, и выстрелил по каске. А я только этого и ждал. С первого же выстрела уничтожил фашистского снайпера.

Наш разговор постепенно затих. И я не заметил, как уснул. Проснулся от страшного грохота. Кто-то крикнул:

— В ружье! Выходи!

Новый взрыв раздался тоже где-то рядом. Со звоном полетели на пол котелки, кружки. Я выскочил в траншею. Меня схватил за руку Приходько и с силой потянул к земле:

— Куда тебя несет, садись!

Над головой с визгом пролетали снаряды и мины. И разрывались где-то за нашей траншеей. Потом разрывы стали еще ближе. Пас засыпало песком, комьями земли.

— Это он за нашу разведку в отместку дает.

— Решил па зорьке расквитаться...

Минуты через три противник повторил огневой па-лет. Снова над нашими головами с воем летят мины и снаряды, визжат осколки. Затем пачинают стрекотать пу-

мететы и автоматы... Похоже, фашисты что-то затевают... Бойцы, перегovarиваясь, занимают места в стрелковых ячейках.

Где ползком, где перебежками я добрался до командира взвода.

— Молодец! Вовремя поспел. Видишь пулеметчика?— Лейтенант показал в сторону старого колодца.

— Вижу! У брвна...

— Постарайся снять его.

«Надо зайти правее», — решаю я. Но как это сделать? Придется вылезти за бруствер, к самой проволоке.

Силуноул от злости и нополз. Чуть не посом роу землю. Смерзшиеся комья земли в кровь раздирают руки. Тысячу раз пожалел, что в суматохе не надел рукавицы.

Всередине приметил воронку. Добраться бы до нее. Вжиг... вжиг... — засвистели над головой пули. «Неужели, сволочи, обнаружили?» Чувствую, как холодок пошел по спине.

Лежу, не двигаюсь. Фашисты успокоились. Видимо, решили, что со мной разделались. В три прыжка достигаю спасительной воронки. Теперь я хорошо вижу пулеметчика. Он постреливает не спеша, выбирая цели.

— Ну, гад, сейчас тебе будет капут, — шепчу я. Осторожно поднимаю винтовку па край воронки. Довлю на «печек» прицела голову фашиста. Привычный толчок в плечо после выстрела. С гитлеровским пулеметчиком покончено.

Теперь прикидываю, как быстрее вернуться назад. Пули, словно шмели, так и выются над головой. Прикрываясь за кочками, от воронки к воронке добираюсь до нашей траншеи.

— Молодец, Дьяченко! — встретил меня командир взвода.— Здорово снял фашиста! Как это ты сумел к нему подобраться?

— Ростком Федька мал, где хочешь пролезет, — раздался чей-то голос.

— Да дело не в росте. У него поболее злости, — метко ответил Денисенко.

— Что верно, то верно, — подтвердил командир взвода.

Постепенно огневая дуэль стала затихать. И через час-полтора шла уже обычная ружейно-пулеметная перестрелка. В стрелковых ячейках остались только дежурные. Остальные красноармейцы стали приводить в порядок разбитые участки траншей.

— Старшина пришел... Завтрак! — распеслось по окнам.

Позвякивая котелками, солдаты потянулись к землянке. Здесь возле термосов уже всюю хозяйничал старшина роты Николай Соколов, недавно назначенный вместо Мицсева.

Хозяйственный и заботливый Соколов целыми днями курсировал между ротой и тылами полка. Что-то «пробивал», что-то «выколачивал» у интендантов. Завтрак и обед мы получали всегда вовремя, старшина не признавал никаких обстрелов, бомбежек. В то время на передовой питании было двухразовое, а он ухитрялся еще ночью чайку поднести.

— Дьяченко, получай хлеб на отделеппе! — увидел меня Соколов и передал свежие буханки.

Ребята уже ждали меня. Сегодня подошла моя очередь быть «указчиком». Осенью сорок второго года солдатское питание на переднем крае обеспечивалось полностью по существовавшим нормам довольствия. Однако блокадные традиции дележки хлебных пайков у бойцов сохранились. Делалось это так: мы разрезали буханку на куски. Потом один из нас вставал спиной к разложенным на газете ломтям, а другой показывал пальцем на хлеб. Отвернувшийся должен был назвать фамилию того, кому его следует дать. Так каждый без всякой обиды получал свою порцию.

Я и Приходько быстро выполнили свои обязанности:

раздали хлеб и отправились за горячим — пшеничным супом. Но позавтракать нам не удалось. Земля вновь ахнула и тяжело затряслась от разрывов. С потолка землянки посыпался песок.

— Що вип сегодня, як скажений... От бешеный псе, поисты не дав, — проклиная фашистов, выскочил за мной в траншею Леонтий Приходько.

— Снайперов к командиру роты! — передали нам приказание.

Мы бросились бегом по ходу сообщения на ротный наблюдательный пункт. Здесь уже находились старший лейтенант Никифоров и командир минометчиков старший лейтенант Щукиц, который неотрывно смотрел в перископ.

— Ну что? — с тревогой в голосе спросил Щукина комроты.

— Какое-то движение по траншеям.

— Наверное, полезут... Не зря же столько огня дали.

— Похоже на то...

Зазуммерил телефон.

— Товарищ старший лейтенант, вас командир полка спрашивает. — Телефонист передал трубку Никифорову.

— Ясно, товарищ полк первый! Встретим!.. «Огурцы» есть... — Командир роты, обращаясь к Щукину, сказал: — Майор приказал быть готовыми отразить атаку!

Старший лейтенант уточнил задачи минометчикам, а затем обратился к нам:

— Хлопцы, быстро во второй взвод. Будете помогать Наталичу.

— Есть помогать второму взводу!

Поначалу я не понял, зачем командиру роты понадобилось посылать всех снайперов в один взвод. Но раздумывать было некогда, обстановка складывалась напряженная. Противник мог в любое время начать атаку. И Никифоров решил усилить фланг роты огнем снайперов.

Командир взвода лейтенант Наталич быстро распределил нас по стрелковым ячейкам. Я оказался рядом с молоденьким красноармейцем Славой Голубевым. Щеки его еще покрыты юношеским пушком. Он прибыл к нам недавно и почти не обстрелял.

Замечаю, парень нервничает, хотя и виду не подает. Руки вцепились в шейку приклада, аж пальцы побелели. Первое, в чем ему помочь, — прийти в себя.

Не тороясь скручиваю козью ножку и спрашиваю:

— Сирнички есть?

— Какие еще сирнички? — хмурится Голубев.

— Ну, спички...

— Нашел время раскуривать...

— А ты, хлопец, не горячись. Покурим — и за работу...

— Держи! — уже несколько спокойнее говорит он и подает мне коробок.

Я прикурил, и сизый дымок струйкой поплыл вверх.

— А ты из каких краев?

— Ленинградец. Да чего ты привязался! — Он снова хмурит брови.

— Ой какой сердитый! А еще ленинградец. Ну, показывай, какие цели засек! — повысив голос, обращаюсь к нему.

— У разбитой березки дзот его, — отвечает Голубев.

— Вижу...

— Правее автоматчик...

— Гарно, хлопец, гарно!

Мне понравилось, как Слава обстоятельно ведет наблюдение, знает, что творится перед ним. Я подумал: такого парня и в снайперскую пару взять неплохо бы. Забегая вперед, скажу: так оно и было потом. Слава Голубев стал одним из лучших моих учеников.

Новый артиллерийско-минометный налет прервал наш разговор. Чуть правее противно завыл «ишак» — так бой-



ды окрестили шестиствольный миномет противника, звук залпа которого напоминал ослиный крик.

— Слава, занимай запасную ячейку! — только и успел сказать я своему панарнику.

Из траншеи противника выскочили фашисты в серо-зеленых шипелях и бросились вперед. Видно было — они нацелились на наш первый взвод. Но дружный огонь бойцов охладил их пыл. Я разглядел в оптику, как из окопа поднялся офицер в фуражке с высокой тульей. Он что-то кричал, размахивая пистолетом. Выстрелив вверх, стал вылезать из укрытия. Тут его и припечатала моя пуля.

— Здорово ты его уложил! — крикнул мне из своей ячейки Слава.

— Не зевай, друже! — перебил я своего товарища, заметив, как на помощь офицеру выскочил здоровенный солдат.

В душе я пожалел, что в магазинной коробке моей винтовки не осталось патронов. И подумал: вряд ли Голубев успеет сделать прицельный выстрел. Но Слава не растерялся. Он спокойно выстрелил, и фашистский солдат растянулся рядом со своим офицером.

Фашисты вновь открыли беглый огонь из автоматов, рассчитывая под их трескотню продвигнуться вперед. Но теперь они попали под фланкирующий огонь нашего «максима». Пулеметчик Николай Бажанов оказался мастером своего дела. Он стрелял длинными очередями, и я невольно подумал: «Наверное, от пулемета у него сейчас идет пар, как из самовара».

Увлечшись боем, мы не заметили, как несколько солдат противника преодолели «пейгралку» и, укрываясь за надолбами, стали простреливать наш ход сообщения.

— Славка! Бей их грапатами!

Голубев пробежал по траншее, чтобы быть поближе к «нейтралке», изловчился и метнул в фашистов одну гранату за другой. С помощью «карманной артиллерии»

нам удалось выкурить гитлеровцев из-за укрытия и всех до одного уложить метким ружейным огнем.

Если перед фронтом нашей роты вражеские автоматчики дальше нейтральной полосы не продвинулись, то на участке третьей роты они сумели завязать трапезный бой. И нашему первому взводу пришлось помогать соседу. Оттуда потянулись раненые. Санитары работали всю. Только и слышалось: «Потерпи, браток! Потерпи немного...»

Фашисты, понеся потери и не добившись никаких результатов, отошли на свои позиции. Мы собрались в землянке усталые и измученные. Немного отдохнув, заводим разговор о минувшем бое.

Слава Голубев рассказывает, как ему удалось перехитрить вражеского автоматчика.

— Выполз он на шоссе и сразу нырк за бетонную надолбу, ну мне его и не видать. — Голубев обводит нас своими серыми глазами, в которых поблескивает озорной огонек. — А фашист давай чесать из своего автомата, только пыль идет. Что делать? Я пригнулся пониже и добежал до старого дзота — знаете где? — привстал и швырнул лимонку... Потом еще одну. Пусть поймет, что его заметили... И верно, понял! Решил в другое место переползти... А мне только того и надо... Раз, два и готово!

— Рисковый ты парень, — заметил командир отделения.

— Риск — благородное дело, товарищ сержант, — ответил Голубев.

## СНАЙПЕРСКИЙ ДУЭТ

О том, как воюет минометчик Кочубей, в нашем полку знали все. Находились даже такие, которые умудрились отличать его залпы от залпов других минометчиков. Заслышав, как через наши головы с воем перелегают мины

и дружно рвутся в расположение противника, бойцы, улыбаясь, говорили:

— Мыкола Кочубей бьет!

Мне очень хотелось познакомиться с ним поближе. И вот выдался день, когда младший лейтенант Кочубей сам пришел ко мне.

Мы поздоровались. Его приход меня удивил. Снайперское гнездо рядом с боевым охранением. Что ему понадобилось?

— Ты не возражаешь, если я возле тебя пришвартуюсь? — не обращая внимания на выражение моего лица, спросил он.

— Будь гостем...

Младший лейтенант втиснулся ко мне в гнездо. Он был чуть ли не в половину выше меня. И мой окоп оказался ему не по росту.

— Да, маловат «кубрик»! — критически разглядывая укрытие, проговорил он.

— Мне хорошо, а гостевать сюда никто не ходит.

— Что же так? Может, хозяин неприветлив? — улыбаясь, проговорил Кочубей.

Речь его была мягкая и плавная, какая может быть только у того, кто вырос на Украине. И я, не раздумывая, спросил:

— Слухай, а ты звидкиля?

— З Полтавщины, Лубенского району... — ответил Кочубей.

Я не поверил своим ушам.

— Так ты же мой сосед!

— Выходит, так, — рассмеялся Кочубей.

Мы начали говорить обо всем, о чем говорят в таких случаях. Затем Николай передал мне распоряжение командира роты помочь минометчикам уточнить цели на переднем крае.

Сразу я как-то не сообразил, что задумал Кочубей. Он охотно растолковал свой замысел. Поскольку противник

почти не высовывается из своих окон, его надо оттуда выбивать. Минометчики будут обстреливать закрытые цели, а снайперы — довершать дело. Для начала мы наметили блиндаж во второй траншее. Фашисты уходили в него обычно на день. Блиндаж был хорошо замаскированной. Да и ход сообщения, ведущий к нему, тоже был почти не заметен. Лишь справа виднелся небольшой «усик», который, видимо, вел в тупичок. Вот здесь можно и подловить фашистов.

Я и Казаков затемно заняли свои позиции. Терпеливо ждем. Утренний морозец пробирает до самых костей. Хорошо бы поразмяться, по единственному, что можем себе позволить, — это пошевелить пальцами, чтобы не заочесели руки.

Когда стало совсем светло, противник почти прекратил стрельбу. Теперь фашисты начнут отходить во вторую траншею на отдых. На «передке» останутся лишь дежурные пулеметчики, автоматчики, наблюдатели.

— Расчет! Ориентир — пять... Дальность — четыреста... — командует по телефону Николай Кочубей. Его наблюдательный пункт неподалеку от нас, и мы слышим голос командира минометного взвода.

Над нашими головами с воем и свистом пролетают мины. Чувствую, как напряглись мышцы.

— Хорошо!.. Молодцы! — подбадривает своих ребят Кочубей.

Я на минуту представляю себе, как работают сейчас кочубеевские хлопцы возле своих «самоваров». Саша Чиж, которого и за фамилию, и за маленький рост все зовут Чижиком, хлопчет у угломера. Он наводчик, настоящий снайпер минометного огня. Заряжает Егор Ушаков. С виду его движения кажутся медлительными, но на самом деле он успевает дать такую очередь, что похоже, будто бьет «катуша». Первые же мины накрыли блиндаж.

— Левее — десять!.. — снова звучит команда.

И словно чья-то рука точно сажает на вражескую траншею мину за миной. Я с восхищением гляжу, как траншея превращается в цепь воронок, соединенных короткими ходами. Нет, не зря минометчиков Кочубей называют снайперами.

Как и предполагал командир роты, фашисты бросились спасаться в ход сообщения. Теперь началась наша работа. В оптический прицел мне хорошо видны их каски. Спокойно произвожу выстрел.

Рядом ведет огонь Казаков.

— Не торопись! — кричу ему.

Пулеметная трескотня, грохот разрывов маскируют наши выстрелы. Спешить не надо.

С правого фланга еще кто-то начал вести снайперский огонь. «Молодец! — отмечаю про себя. — Правильно решил воспользоваться переполохом у фашистов».

У вражеских солдат не выдерживают нервы. Они выскакивают из траншей и разбегаются кто куда. По их настигают меткие пули снайперов.

Примерно через час даю сигнал Казакову отходить. По ходу сообщения добираемся до наблюдательного пункта роты. Здесь нас поджидают Никифоров и Кочубей. По улыбке старшего лейтенанта догадываюсь, что он доволен нами.

— Здорово!.. Хорошо дали «прикурить» фашистам. Давайте ваши книжки! — говорит Никифоров.

Мы вытаскиваем из карманов гимнастерок снайперские книжки, в которых ведутся личные счета истребленных врагов. В мою командир роты записывает четырех, а Казакову — трех.

Кочубей разглядывает мою снайперскую книжку и восхищенно прищелкивает языком:

— Семьдесят два фашиста на тот свет отправил!.. Целую роту! Ай да земляк!.. Это за сколько же дней?

— За месяц!

— Давай-ка, друже, вместе врагов бить... — Николай протянул мне руку. — Пу! Завяжем морским узлом...

Вечером я пришел к Николаю Кочубею в гости. Землянка у минометчиков просторная, не то что у нас. Возле двери устроена из досок маленький столик, аккуратно застланный газетой. Рядом полочка с телефоном. В углу топчан. Но главное достоинство этого жилья — печка, искусно сложенная из кирпичей. От нее в землянке тепло и уютно.

— Вася! — обратился Кочубей к своему помкомвзвода. — Пошукай, что есть на «камбузе».

На столе появились кружки, банка консервов «второй фронт» — так мы называли тушенку, которую получали от союзников. Кочубей достал обшитую сукном трофейную флягу. В кружках забулькала жидкость.

— Бери! — Николай показал глазами на кружку. Мы чокнулись и выпили. Кочубей задумался. — Так, говоришь, злости против фашистов накопили... У каждого из нас ее немало. Большой счет к гадам имеем. Сколько парней потеряли, да каких парней.

Николай разлил остатки спирта по кружкам:

— Ты знаешь, какой у нас на подводной лодке боцман был? — Он положил руки на стол. Взглянул на них и словно что-то вспомнил. — Кулаком гвозди забивал! А как любили его все... С виду суровый, а душа, как у ребенка. Матроса обидеть — ни за что... Погиб наш боцман в сорок первом. В разведке... Попал в лапы к фашистам...

Да, много наших полегло... Много! — продолжал мой друг. — Считаю, теперь почти и не встретишь никого в тельняшке. А ведь целая бригада была! Молодых, бесстрашных, как орлы!

Он еще долго рассказывал о своих боевых друзьях. О том, как они сражались с врагом в сорок первом, как добывали боевую славу нашей дивизии. И у меня росло чувство неоплаченного долга перед этими неведомыми мат-

росами, солдатами, которые щедро полили своей кровью ту землю, на которой мы деремся сейчас.

— А ну покажи свою «снайперку», — попросил винтовку Николай.

Я снял чехол с оптического прицела и передал ему оружие. Он внимательно рассматривал прицельный механизм. Покрутил маховички поправок. Потом прицелился.

— Да, хороша штука... — Кочубей бережно поставил винтовку в угол землянки.

— Миномет, конечно, мощное оружие — артиллерия! — Николай закурил, выпустил струйку дыма и продолжал: — Но все же из винтовки бить фашиста сподручней... Видишь его поганую рожу! Так, Федор?

— Это точно! В оптику видно даже, в какого фашиста целишься — в рыжего или конопатого, — ответил я.

— А ненависти нам не занимать, — посуровел голос Николая. — Вот и Шолохов об этом же пишет.

Кочубей порылся в своей полевой сумке, вытащил тоненькую, изрядно потрепанную и потому подклеенную полосками бумаги книжечку.

— Послушай: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». Правильные слова он написал!

Кочубей подал мне книжечку:

— Ты почитай внимательно! «Наука ненависти» называется... Я бы на месте замполита приказал каждому солдату наизусть эту книжечку выучить, а как усвоил — практически проверить на огневом рубеже.

Вот что, Федор, — продолжал Кочубей, — хочу я с тобой не только минометами взаимодействовать. Это дело решенное! Хочу собственной рукой гадов бить, чтобы самому видеть, как они падают от моей пули!.. За родного батьку, за нашу землю рассчитаться... Примешь меня?

— Приму, Мыкола! С великой радостью приму!

Тщательно готовился Николай к своему первому выходу на позиции. В полковой мастерской ему удалось получить винтовку с оптическим прицелом. Потом мы вместе ее пристреляли.

Вышли рано утром, когда небо только-только пачинало светлеть. Пахло сыростью, и воздух был пропитан влагой. Я подумал: «Быть оттепели». И не ошибся. После октябрьских заморозков и первого снежка наступило потепление. Земля будто вновь оттаяла. С низин потянуло таким густым туманом, что через полчаса телогрейки хоть выжимай. Из ячейки, которая находилась в первой траншее, дальше двух шагов ничего не видно. И я уже стал подумывать о возвращении назад. Только Николай не такой человек, чтобы отступить от задуманного. Держим совет. Как быть? Самое верное дело — добраться до боевого охранения — ближе к противнику. Там, возле шоссе, у меня был отрыт снайперский окопчик. Теперь как раз пригодился бы.

На наше счастье, появился старший лейтенант Никифоров. Я вздрогнул от неожиданности, когда услышал за своей спиной знакомый басок лейтенанта.

— Ну что, друзья, кукуем? — обратился он к нам. — Ишь как все вокруг заволочло, будто дымовой завесой...

— Похуже! Откуда беда придет — и не заметишь, — ответил Николай.

— Я тоже об этом подумываю... Приказал усилить наблюдение. — Командир роты закурил, посмотрел вперед. В тумане желтыми пятнами вспыхивали ракеты. Справа от нас слышались редкие ружейные выстрелы.

— Боевое охранение меня беспокоит... Ребята молодые... — продолжал Никифоров.

— Товарищ командир, разрешите, мы сходим посмотрим, что те хлопцы делают, а прояснится, так и построим, — предложил я.

Николай поддержал меня:

— Верно, старшой, соглашайся!.. Проверим хлопцев...



— Ладно, уговорили! Только я сами глядите в оба. Никифоров сообщил нам пароль, и мы отиравились. От первой траншеи до боевого охранения было метров сто пятьдесят. Но в светлое время не пройти. Противник пристрелял здесь каждую кочку. И бойцы называли эту узкую заболоченную полосу земли «долиной смерти». Даже ночью приходилось чуть не па четвереньках ползти по придорожной канаве, а местами и по-пластунски под самым носом у фашистов — они были по другую сторону шоссе. И все же, пока не развеялся туман, мы решили проскочить.

От воронки к воронке, пригибаясь, пробираемся вперед. Затем ползем, стараясь не набить земли в ствол винтовки. С той стороны слышна чужая речь. Фашисты тоже не дремлют. Время от времени они простреливают шоссе. Вдруг над нами вжикнули пули. Еще и еще. Неужели заметили? Плотно прижавшись к земле, боимся пошевеливаться. Нет, кажется, шальные пролетели. Впрочем, какая разница — получить шальную или прицельную? На прошлой неделе Петр Холодный от шальной погиб.

Проползаем последние метры и чуть не сваливаемся в неглубокий окоп нашего боевого охранения.

— Стой, кто идет! — слышится пегромкий окрик.

И прямо перед нами вырастает красноармеец. В руках у него автомат. Он очень удивлен нашим появлением.

— Фу, черти, испугали! — облегченно вздыхает боец.

— А ты чего уши развесил? — обозлился Николай, удивленный беспечностью часового.

— Ладно, ладно, не ори! Моли бога, что я в тебя диск не разрядил. — Солдат продолжает держать автомат на изготовку.

— Опусти, дура, автомат, — вмешиваюсь я. — Покажи лучше, где взводный.

— Бери малость правее, там его окоп...

Но командир взвода, услышав шум, сам поспешил к нам. Мы передали приказание ротного — усилить па-

блюдение — и заодно уточнили обстановку. После этого отправились в свою снайперскую ячейку. Она оказалась почти в полном порядке. Вдвоем в ячейке тесновато. Я чувствую горячее дыхание Кочубей, вполголоса рассказываю ему, где проходит первая траншея противника, какие у меня примечены ориентиры, какое расстояние до них. Николай слушает внимательно, а сам не спускает глаз с вражеских окопов.

— Смотри! — шепчет Кочубей.

За второй траншеей противника показались два силуэта. В оптический прицел их можно было хорошо рассмотреть. Оба в нижних рубашках. У одного из них в руке чайник, а на плече полотенце, у другого — какая-то коробка или сумка.

— Мыкола, що они роблють?

— Думаю, господин офицер свою рожу умывать будет.

— А як це ты узнав, что вип охвирец?

— Да смотри сам! Видишь, штаны на подтяжках... Сапоги с высокими халявками.

Офицер, ничего не подозревая, стал умываться. Дешчик тоненькой струйкой поливал из чайника воду. Я внимательно смотрел в окуляр прицела и шепотом передавал свои наблюдения Кочубею:

— Приготовься! Я снимаю холуя, ты не зевай и бей по охвирцу!

Кочубей в знак согласия кивнул головой.

Прогредел мой выстрел. Дешчик, выронив чайник, упал как подкошенный. Воспользовавшись замешательством офицера, почти сразу же за мной выстрелил Кочубей. Меткая пуля моего друга сразила фашиста наповал. Удача для первого раза редкая! На позиции мы находились до вечера. Но противник стал осторожен, и из окопов никто больше не показывался.

С наступлением темноты мы вернулись в боевое охранение. Здесь разговорились с молодыми бойцами. Они,

оказывается, видели нашу работу. Один из них, веснушчатый паренек, сказал нам:

— Приду из боевого охранения — тоже начну на передовую выходить. У меня и значок «Ворошиловского стрелка» есть.

Кочубей дружески похлопал его по плечу:

— Правильно, хлопец, мыслишь! Если враг не сдаётся, его уничтожают... Семьсот лет назад был такой русский князь Александр Невский. Он еще тогда всем врагам заказывал: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Забыли наследники тевтонских рыцарей эти мудрые слова. Вот мы теперь их и должны фашистам напомнить.

Мы попрощались с ребятами и отправились в свою роту. По дороге я спросил Николая:

— Слушай, а что ж ты мне раньше никогда об Александре Невском не рассказывал?

— А что тебя так заинтересовало?

— Здорово он показал тем захватчикам!

— Да разве он один!.. Наш народ не раз давал врагам предметные уроки. Но не всегда эти уроки шли впрок... Вот нам и надо бить фашистов так, чтобы и другим «охотникам» было неповадно разбойничать на чужой земле...

Мой земляк коммунист Николай Кочубей сыграл немалую роль в моей солдатской жизни. Мы часто говорили с ним о том, как жили до войны, думали о будущем. Оно виделось нам светлым и прекрасным. Нам одинаково увлекали книги. Мне нравились стихи Пушкина, чудесные поэтические повести Гоголя. Но больше всего я любил читать Тараса Григорьевича Шевченко, и не только потому, что это был великий украинский поэт, многие строчки его стихов были созвучны моим собственным мыслям и чувствам.

Кочубей как-то в одном из разбитых колпинских домов нашел сборник стихов Шевченко в русском переводе.

Это для нас было праздником. Мы читали их вслух. «Кобзарь», «Завещание» и другие стихи в солдатских окнах звучали как-то особенно задумчиво.

Газеты прочитывали целиком — от передовой до последней заметки. А статьи М. Шолохова, П. Тихонова, И. Эренбурга часто вырезали и читали по нескольку раз. Читал обычно вслух Кочубей, и сразу же начиналось обсуждение. Николай терпеливо разъяснял мне непонятное.

Вот так, то книгу, то газету предложит мне почитать, и стало в голове у меня вроде как светлее. Конечно, я и раньше газеты читал, и на политзанятиях с интересом политрука слушал, только многого еще не понимал. А спросить лишний раз стеснялся: то ли гордость мешала, то ли еще что... Словом, видеть я стал как бы по-дальше своего окна. И в моем сознании родилась и окрепла мысль стать членом партии, таким, как наш командир роты старший лейтенант Никифоров, политрук Трунов, мой друг Кочубей...

Одну из партийных рекомендаций мне дал Николай. Помню, он вручил мне листок, аккуратно исписанный чернилами, и крепко пожал руку:

— Получай, друже, теперь на всю жизнь в одном строю будем!

В канун годовщины Октября меня приняли кандидатом в члены партии. Для меня это был двойной праздник, ведь я рождения семнадцатого года — ровесник Советской власти.

## **СЛЕТ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ**

По всем признакам было видно, что зима вот-вот установится. В ямках и воронках снег — хотя и тонким слоем, но улегся плотно. Земля теперь и днем почти не оттаивает. Так и звенит от солдатских сапог. И в траншеях шаги слышны издали. Интенданты о нас позаботились,

выдаля ватные брюки, телогрейки, меховые рукавицы. Почти половина бойцов получила добротные полушубки. Я в этом одеянии стал похож на кавун. В узком окошечке и не повернуться. Зато никакой мороз не страшен.

По-иному выглядят вояки из «голубой» дивизии. Фюрер, видать, не балует их вниманием. В оптику мне хорошо видно, как они одеты. На серо-зеленые шинели наброшены одеяла, головы по-бабьи повязаны платками. Из-за наших пуль и холодов они почти и не высовываются из своих землянок. И нам приходится взаимодействовать с минометчиками Кочубея, чтобы выкуривать фашистов из их нор.

Счет истребленных врагов и у меня, и у моих учеников — Кочубея, Казакова, Денисенко, Голубева, Приходько, Серого — продолжает расти. И я все чаще поглядываю на номер, который выбит на ствольной коробке моей винтовки, — 220.

Когда мне вручали ее, загадал про себя — не успокоюсь, пока столько же гитлеровцев не отправлю на тот свет. Похоже, думка моя осуществится. Надо быть только еще хитрее и осторожнее. Бить врага, как любит повторять Никифоров, наверняка.

Однажды вчером взводный предупредил меня: утром я должен быть у командира полка.

На КП полка явился спозаранку. Терпеливо жду, пока меня позовут. Ожидая, познакомился с солдатом из комдантского взвода.

— Так ты и есть известный снайпер Дьяченко?! — удивленными глазами посмотрел на меня пожилой боец.

— Я! Только никакой я не известный, а как все...

— Ну как же! В газетах пишут, сколько урону фашистам причинил. Вроде Симапчука... Тот тоже ростом был неказист, а воевал будь здоров!

— Дьяченко! Здесь? — окликнул меня адьютант командира полка.

— Здесь! — вскочил я и вытянулся.

— Заходи!

В землянке командира пахло цветочным одеколоном. В маленькой железной печурке весело потрескивали дрова. Майор А. Попов сидел возле небольшого столика, сколоченного из старых спарядных ящичков. Он, видимо, только что побрился, и на его лице и крупной шишковатой голове отсвечивала розовая кожа.

— Завтра в армию поедешь, на слет истребителей... Вместо Симанчука полк представлять будешь. Если придется говорить — не тушуйся.

Я стоял словно оглушенный, не зная, что и ответить. Выступить!.. Моментаально представил себе наш сельский клуб, набитый до отказа народом, и на сцене приезжего из Полтавы докладчика. Не помню, о чем он говорил, но меня удивило, как его все слушали. Нет, не сумею я так..

— Все понятно, Дьяченко?

— Понятно! — ответил я и направился к выходу.

— Поймай! — майор окинул меня с головы до ног взглядом, взял листок бумаги, что-то быстро написал. — Зайди в тылы, пусть тебя приоденут почище.

...Поселок Рыбацкое, где проходил слет, напоминал небольшой оживленный городок. Во все стороны снуют машины, по тротуарам ходят люди, работают магазинчики. Но гражданского населения почти не видно. Большинство домов занято военнослужащими. Возле домов стоят повозки, автомашины, фургоны.

Наш слет проходил в школе. Большое кирпичное здание стояло недалеко от берега Певы. В подвале дома находился политотдел армии, а на втором этаже — армейский клуб.

В большом светлом зале школы собралось много народу. Первые скамейки занимали старшие командиры. У большинства в петлицах зеленые, красные прямоугольнички — шпалы. Наш брат рядовые и сержанты старались занять места подальше от начальства.

Я стоял рядом с Курицыным и прицеливался, где бы найти укромный уголок. Вдруг кто-то сзади тронул меня за плечо:

— А ну, Федор, проходи вперед!

От неожиданности я вздрогнул и обернулся. Рядом стоял старший лейтенант Георгиев. На его лице, как всегда, была приветливая улыбка. Он провел меня в первые ряды. Посадил возле голубоглазой симпатичной девушки.

— Познакомьтесь, Наташа! Это паш Дьяченко!

Девушка подала руку. Улыбнулась. У нее были удивительно приятная улыбка, ровные зубы и на щеках ямочки.

Моя знакомая, оказывается, тоже снайпер. Она ленинградка. До войны работала на фабрике. В блокаду похоронила своих близких, чудом выжила сама. С начала сорок второго года на фронте. Имеет личный счет.

Заметив, с каким любопытством я разглядываю на ее гимнастерке медаль «За отвагу», Наташа сказала:

— Что ты так интересуешься медалью, будто не видел никогда? А может, думаешь, что только парни могут быть истребителями? Нет, дорогой, уничтожать фашистов — дело всех, кто умет держать винтовку в руках. Правильно я думаю?

В знак согласия я пожал ей руку.

Наташа Тимкина рассказывала мне, как ленинградцы жили в первую блокадную зиму. Я уже от многих слышал о тех тяжелых испытаниях, которые выпали на долю ленинградцев, но полностью представить всю картину блокадного города у меня не хватало воображения.

В зале стало тихо. На сцену поднялся генерал. Он занял место за столом президиума. За ним последовало еще несколько старших командиров. Одного из них я узнал. Это был член Военного совета армии. Он приезжал к нам в снайперскую школу. Рядом сидел молодой человек, одетый в гимнастерку, но без петлиц и знаков различия.

Я спросил соседку:

— Кто такой, не знаешь?

— Секретарь Ленинградского обкома комсомола Иванов.

Член Военного совета постучал карандашом по графину, по, наверное, больше для порядка — в зале и без того было тихо. И объявил, что доклад сделает командующий 55-й армией генерал Свиридов.

Генерал пригладил рукой стриженные ежиком волосы, вышел к трибуне и начал говорить. Голос у него был важный и строгий. Его слушали внимательно, особенно когда он рассказывал о положении под Сталинградом. Хотя грозные события были далеко от нас, мы с волнением и тревогой следили за битвой на Волге.

Почти два месяца озверелые фашистские орды штурмовали город. Два месяца героические защитники Сталинграда перемалывали гитлеровские полки. Было ясно, что там в эти дни решается судьба России, что вот-вот под Сталинградом начнется разгром гитлеровских полчищ. И мы мысленно были вместе с героями Сталинградской битвы, здесь, под Ленинградом, снайперскими выстрелами и ударами по врагу старались им помочь. Каждому была понятна простая истина: фашист, убитый под Ленинградом, не будет воевать на Волге.

Затем генерал подвел итоги летних боев на Ленинградском фронте, в результате которых мы нанесли поражение гитлеровцам и заставили их отказаться от мысли взять Ленинград штурмом. Командующий сообщил цифры потерь в живой силе и технике противника под Ленинградом. И я прикинул в уме: а сколько солдат и офицеров подсчитался Гитлер от пуль хлопцев, которые сидят в этом зале? Вот генерал назвал фамилии истребителей фашистов — Адилова, Казакова, Глушкова, Королева, Курицына, Васильева... А сколько фамилий еще не назвал командарм? Да откуда ему и знать всех стрелков, артиллеристов, танкистов, истребляющих фашистскую пе-



чисть? Небось про Сашу Голубева, Ивана Денисенко, Николая Кочубея и не слыхал.

Поправилось мне, как говорил командующий о снайперской хитрости, о взаимодействии стрелков с минометчиками и артиллеристами. Жаль, что рядом пет Кочубея, вот порадовался бы, ведь мы сами додумались до того, о чем теперь говорит генерал.

Потом на сцену стали подниматься снайперы. Выступили Щербаков, Бугаев, Ильин, Сарычев. Ребята рассказывали о боевых делах. И я заметил, как генерал и начальники, сидевшие рядом с ним, записывали, что говорили простые солдаты.

И вдруг слышу, как член Военного совета объявляет:

— Слово имеет снайпер семьдесят второй дивизии Дьяченко!

Я оглянулся направо, налево, словно искал глазами второго Дьяченко. Наташа легонько подтолкнула:

— Иди, тебя!..

Я встал. Словно на чужих ногах дошел до сцены. Посмотрел в зал. И вдруг заметил у стены Георгиева. Он кивал головой: «Давай, Федор, не тушуйся, расскажи, как воюешь сам, как воюют твои товарищи!»

Вижу, Наташа улыбается: «Не робей, солдат!»

Член Военного совета мягко так, спокойно говорит:

— Слушаем вас, Дьяченко. Расскажите, как стали снайпером.

И в самом деле, как? Почему я, мирный сельский парень, стал истребителем фашистов? Собрался с духом и, забыв про бумажку, которую мне сунул в карман предусмотрительный замполит, начал говорить.

Мне вспомнился один эпизод. Мы шли на передовую. На старых огородах увидел женщину с девочкой. Они искали оставшуюся картошку. Откуда ни возьмись, снаряд... Бах! Мы упали на землю. А когда поднялись, смотрим: где была женщина — воропка дымится... Я бросился к девочке, прижал ее хрупкое тельце к себе и шеп-

чу: «Не плачь, маленькая, я сам убью того зверя, что лишил тебя мамки!..» А что я, солдат, мог еще сказать ребенку, как мог еще успокоить?

В зале стояла тишина. И мне почудилось, будто мой голос услышала та девочка, будто я ответил и на ее вопрос: «Как ты, Федор Дьяченко, стал истребителем фашистов?»

Говорю, а во рту все суше и суше. Язык почти не ворочается. Надо копать.

— Товарищи, я не ленинградец, я по-настоящему еще и город не видел, но прошу считать меня ленинградцем! Обещаю драться за Ленинград, пока есть силы держать в руках винтовку!

И вдруг в зале все захолопало. Я посмотрел на президиум. Подумал, может, чего не так сказал. Секретарь обкома комсомола улыбается и говорит:

— С удовольствием, Федор Трофимович, примем вас в семью ленинградцев!

Не знал я, конечно, что сказанные тогда слова Всеволода Иванова, с которым я потом не раз встречался, сбудутся и мне выпадет счастье называть себя ленинградцем!

Вспотевший, взволнованный, я вернулся на свое место. Наташа ласково улыбнулась и пожала мне руку:

— Ты лучше всех выступал, Федор!

...В Рыбацком я познакомился со многими снайперами-истребителями. Запомнил молодого парня с решительными чертами лица — Александра Щербакова.

Сержант Щербаков лично уничтожил более сотни фашистов и считался одним из лучших снайперов.

На слете мое внимание привлек рослый старший сержант. Смуглое лицо, узкий разрез глаз, черные как смоль волосы. На его гимнастерке поблескивал золотом и красной эмалью орден Ленина.

Я спросил своего соседа:

— Не знаешь того, с ордепом?

— Это знаменитый Тэшабой Адилов из сорок третьей дивизии...

И случилось так, что за обедом я оказался с Тэшабой Адиловым за одним столиком. Мы разговорились. Я узнал, что Адилов учится на курсах младших лейтенантов.

— Знаешь, учиться хорошо. Надо! Но без виптовки скучно! — улыбаясь, говорил он.

Тэшабой рассказал, что он родом из Узбекистана. Там у него мать, сестра, младшие братья. Они работают в колхозе.

— До армии я учил маленьких ребятшек, первый класс. Теперь бы учил шестой класс. Колхоз строил большую школу. Наш колхоз богатый. Много хлопка, много барашков, много виноградников.

Тэшабой Адилова в армию призвали еще до войны. Он служил в Прибалтике, потом на Карельском перешейке, где его и застала война. Там же Тэшабой получил и боевое крещение.

О Тэшабое, так же как и о Симанчуке, среди солдат ходили целые легенды. Говорили, например, что однажды в разведке Адилов бесшумно снял отделение гитлеровцев. Но мне захотелось узнать от самого Тэшабая, как он воюет.

Адилов скромно, без хвастовства рассказал, как осенью сорок первого года воевал на Невском «пяточке».

— Солдат должен быть хитрый. Когда хитрый, всегда победит!

Он припомнил, как маленькая горстка наших бойцов, и он в их числе, почти сутки удерживала захваченный рубеж. Несколько раз фашисты пытались сбросить их в Неву. Атака следовала за атакой. К вечеру людей осталось совсем немного. А надо было продержаться еще ночь. И Тэшабой решил перехитрить врага. С помощью

легкораненых он собрал оружие и боеприпасы и расставил уцелевших бойцов по траншее.

Сам лег у пулемета на левом фланге, другого бойца направил на правый, ко второму «максиму».

Под покровом глухой осенней почвы гитлеровцы рещили взять храбрецов живыми.

— Понимаешь, как я их заметил, сам не знаю... Ночь черная, как в Фергане. Слышу, ползут, шакалы... Дал очередь! Потом гранатами... Команду кричу «огонь!». Мой друг из «максима» стал бить, а кто мог, из автоматов, из винтовок стреляет. Я побежал по траншее, из «дегтяря» стреляю... Вай, вай! Такой сабантуй устроили!..

Так они воевали всю ночь. Под утро, под прикрытием сильного артиллерийского огня, к ним переправилось подразделение морской пехоты. Краснофлотцы страшно удивились, узнав, что этот рубеж целую ночь удерживали, по существу, два человека.

Потом мы разговаривали о наших спайперских делах. И здесь Тэшабой Адилев руководствовался мудрым правилом: солдат должен быть хитрым. Но солдатскую хитрость Тэшабой Адилев понимал довольно широко. Это прежде всего находчивость, инициатива, ловкость, смелость.

Он рассказывал, как однажды его засекли гитлеровские спайперы.

— Три фашиста, а я один. Понимаешь? Целый день лежал. Снег подо мной растаял — водой стал. Потом два фашиста спали, один не спал — меня караулил. Я тоже не спал. Думал: «Хапа тебе, Тэшабой. Замерзнешь!»

Трое суток длилось это на редкость тяжелое испытание. До сих пор не могу представить себе, как Адилев сумел его выдержать. Ведь он не мог даже поднять головы, не мог стрелять. Малейшее движение сейчас же вызывало огонь противника. Стоило протянуть руку к сумке, где лежали хлеб и колбаса, — рядом шелкала пуля.

— Такая сволочь, еле ушел ночью бегом!

Потом Тэшабой рассчитался с фашистами. Он сумел выследить тех снайперов и уничтожить. Правда, ему понадобилось почти полторы недели. Но дело не в этом. Победил все же советский солдат.

Вот так, не раз заглядывая смерти в глаза, восстал один из известнейших снайперов Ленинградского фронта коммунист Тэшабой Адиллов.

В июне сорок второго года старший сержант Адиллов был награжден орденом Ленина. Затем его направили на учебу. Расставаясь с родной 43-й дивизией, он передал верную трехлинейку № 1413 своему лучшему ученику Зенату Нигматулину. За короткое время Зенат уничтожил из адилловской винтовки сорок семь фашистов и был награжден медалью «За боевые заслуги».

Позже, когда Адиллов окончил курсы младших лейтенантов, его назначили командиром взвода в школу снайперов. Теперь Тэшабой учил меткой стрельбе, снайперскому искусству других бойцов. И нередко практические занятия со своими учениками он проводил на передовой, показывая, как надо уничтожать врагов.

Больше мне не довелось встречаться с Адилловым. Знаю, что после войны он вернулся в свой Узбекистан. У него большая и дружная семья. И сам Тэшабой полон сил и энергии. Он занимается любимым делом — учительствует в родном кишлаке.

Все, что я слышал на слете: и слова командующего, и выступления снайперов, и разговоры с моими новыми друзьями — крепко запало мне в душу. Я понял, какое это огромное и святое дело — истреблять врагов, как же велик народный гнев, коль столько солдат по своей охоте идут на риск, презирая опасность.

Вечером я вернулся на передовую. Рассказал командиру роты Никифорову о слете в Рыбацком.

Старший лейтенант, выслушав меня, спросил:

— Так, говоришь, в других полках уже есть целые роты истребителей?

— Есть, товарищ старший лейтенант... В сорок третьей дивизии, в пятьдесят шестой...

— Слышишь, комиссар? — обратился Никифоров к замполиту. — А мы чем хуже? Сколько у нас сейчас в роте истребителей?.. Двадцать три! А почему не все?

— Давайте об этом поговорим с бойцами... Объявим боевое соревнование, — предложил тот.

На другой день возле командирской землянки на красноармейское собрание собрались представители взводов и отделений. Командир роты предоставил мне слово. Я, как мог, рассказал все, что слышал на слете снайперов. Потом выступали ребята. Говорили скупно. Известно, какие из нас ораторы! Но зато говорили в самую точку, по существу.

Помню, поднялся боец Кукушкин. По возрасту он многим из нас в отцы годился. Мы так и звали его уважительно — папашей. Говорил он хриплым от постоянной простуды голосом. И часто заходилась таким кашлем, что лицо его наливалось кровью и из глаз по лицу текли слезы.

Откашлявшись, отдышавшись, Кукушкин смущенно объяснял нам:

— Это от табачка все... Нет теперь настоящего, доверенного «Беломора» фабрики Урицкого... Курум черт-то что...

Но мы-то знали, что кашель у Кукушкина не от табака. Легкие не в порядке, а в медсанбат никакой силой не прогнать. «У меня, — говорил он, — длинный разговор с фашистами, копчу его, когда до ихнего Берлина дойду!»

Причины на «длинный разговор» с гитлеровцами у Кукушкина, этого добродушного, застенчивого человека, были более чем основательные. Зимой, не выдержав лишения блокады, погибла его семья — жена и два сына.

Но не только личное горе родило у Кукушкина такую ненависть к врагу. Не мог он, старый питерский рабочий, простить фашистам варварские обстрелы и бомбежки Ле-

нияграда, который был для него, одипокого теперь человека, не просто городом, а большим родным домом.

Да разве у одного Кукушкина был собственный счет к фашистам! Воп и Иван Денисенко тоже остался одинешенек на белом свете... И Сергей Рыбченко, и Леонтий Приходько, и Слава Голубев говорили о своей ненависти к гитлеровцам. И решение наше было похоже на клятву: каждому солдату открыть личный счет мести!

Старшему лейтенанту Никифорову удалось пополюнить количество спайперских виптовок в роте и организовать спайперскую группу. В нее вошли И. Денисенко, С. Голубев, И. Мякинин, И. Зайцев, П. Казаков. Меня назначили старшим группы.

Числились мы в роте, но нам часто ставил задачи по уничтожению огневых точек противника, его снайперов, наблюдателей и других особо важных целей и командир батальона. Кроме истребления врагов, на нас еще возлагались обязанности помогать готовить метких стрелков, и все мы имели своих учеников-истребителей. Мы с Казаковым взяли шефство над молодыми бойцами Дапиловым, Макаровым, Ведерниковым и Демидовым. С ними занимались днем или вечером, когда было свободное время. А его оставалось все меньше и меньше. Дни становились короче, и хотелось каждый час светлого времени использовать для снайперской охоты.

Я чаще действовал в паре со Славой Голубевым. К нему привык, как к родному брату.

Излюбленным нашим местом для «охоты» стала старая немецкая трапезня. Она проходила почти перед самой «нейтралкой». Добираться туда было непросто. Выпавший снег демаскировал каждый новый след. Но если достичь траншеи затемно, то из нее можно было почти безопасно вести огонь. А главное, метров на пятьсот — семьсот хорошо просматривалась вся глубина обороны противника. Цели были как на ладони. Правда, огонь по таким целям требовал большой подготовки и снаровки.

Необходимо было учитывать и температуру воздуха, и движение ветра, и перемещению цели. Поэтому каждый выход на передовую мы старались использовать и для своего совершенствования.

Заявив с Голубевым ячейку, я чуть приподнимаюсь из окопа и говорю ему:

— Видишь землянку фашистов?

— Вижу, — отвечает Слава.

— Какое до нее расстояние? Какую падо взять поправку на ветер?

— Расстояние триста метров, — решает задачу мой ученик. — Ветер боковой, песильный. Поправку беру на полфигуры.

— Правильно! А теперь представь ту же цель на расстоянии восемьсот метров. Какая будет поправка на деривацию?

Слава по-детски морщит лоб. Хитро улыбается и сам спрашивает:

— А откуда дует ветер?

— Определи!

Он снимает рукавицу, слюнявит палец и докладывает:

— Справа. Поправка на деривацию — минус четверть деления!

— Подумай! — замечаю я ошибку Голубева.

— Минус одна треть деления! — Теперь Слава и сам доволен найденным решением.

Голубев был не только моим учеником, но и учителем. Любопытный, грамотный, он часто мне рассказывал о Ленинграде, о книгах, которые читал. Иногда Голубев приносил из полита части полка брошюрки, и мы зачитывали их, что называется, до дыр.

Я не переставал удивляться начитанности моего друга, и его вопросы нередко ставили меня в тупик. Помню, как-то он спросил меня:

— Федя, ты знаешь, кто первым потребовал вести прицельный огонь?



— Суворов...

— Не угадал! Петр Первый. Послушай, что он писал: «Стрелять как возможно скоро, однако ж с добрую прицелкою, дабы действительно были выстрелы, а не гром один».

— Откуда ты вычитал такое?

— В газете «Правда» интересная статейка про русскую винтовку напечатана... Буду «Боевой листок» выпускать, обязательно напишу, как Петр Первый наказывал стрелять русскому солдату.

Слава Голубев не только снайпер, но и редактор нашего «Боевого листка». Его «листок» читали с таким же интересом, как и настоящую газету. Часто в нем бывали заметки о проштрафившихся, нерадивых бойцах. Ребята говорили: «Славка ведет спайперский огонь по разгильдяям!» Действительно, заметки были острые, едкие, попадать в «Боевой листок» пиному не хотелось.

## НАШ КОМИССАР

На всю жизнь я сохранил в своей памяти образ политрука роты Трунова. И даже когда в октябре 1942 года был упразднен институт комиссаров и политруков, и наш Трунов стал заместителем командира роты, и звание у него стало командирское: «старший лейтенант», мы по привычке продолжали называть его «товарищ политрук».

Мы одинаково уважали и командира роты Никифорова, и Трунова. Но с замполитом все же говорить было проще: и пошутить с ним можно, и песню завести, а главное — ему можно было доверить самые сокровенные мысли...

Не скажу, чтобы Трунов был каким-то особенным. Роста среднего. Ходил в обыкновенной френтовой шинельке с подпальниками. На ногах «кирзачи» такие же, как у помкомвзвода Авдеевко. И по летам мы с ним, пожалуй,

одногодки. Но он умел быть и строгим начальником, и добрым другом. Начнет «стружку снимать» — так аж пот тебя прошибает и сам себе становишься пепавиственным, а если похвалит, то гордость в тебе такая разгорается, будто храбрее и бойца нет, и хочется что-то сделать такое, чтобы снова политрук тебя заметил и доброе слово сказал. Было оно для нас большой наградой.

Многое мы знали о нашем политруке. Ведь, когда день да почь в одном окопе, под пулями, то человек как бы насквозь просвечивается — весь его характер виден. Одного мы не знали, — когда замполит отдыхает. Дня не проходило, чтобы он в землянках не побывал, с каждым из нас не поговорил. Придет в землянку или в ячейку и спросит: «Как воюем, давно ли письма получали, нет ли жалоб насчет питания?» Потом достанет газету и про все новости прочтет или расскажет. Не считал за труд побеседовать с двумя, а то и с одним человеком. В обороне бойцы передко неделями из огневых точек не выходили. Особенно он понимал тех солдат, которые не ждали писем из родных мест. И когда другие товарищи читали весточки от матерей или жен или просто от знакомых девушек, то на душе становилось до того муторно, что и передать трудно. Вроде ты безродный.

Иногда я думал: воюешь ты, Федор, неплохо, уважаемым человеком стал, сам командир полка майор Попов при встрече руку пожимает. А кончится война? Где твоя хата, где маты, сестры, братья? Кому ты нужен? Что ж, снова на стройку в Норильск ехать?

Умом, конечно, понимаю: буду жив-здоров — и хата, и дело любимое найдется. Но для души...

И вот однажды подходит ко мне старший сержант Казаков:

— Тапцуй, Федя! Тебе письмо...

— Быть того не может! Неоткуда мне получать письма! — Я даже разозлился на товарища. Думаю: разыгрывает меня. Только шутки в таком деле я не любил.

— Да нет же, чудак-человек, тебе письмо!

Взял конверт. И верно: «Федору Трофимовичу Дьяченко». Вроде мне, но почерк незнакомый. Даже страшновато открывать конверт. Распечатал и вынул листок в клеточку, видать, из ученической тетрадки. Буковки крупные и ровные, читать легко. Вот что было написано в том письме:

«Федя, мне написал твой друг, что ты уже истребил 59 фашистов. Я рассказала об этом девочкам. Они очень тебя благодарят и просили передать по большому привету от них. Федя, я горячо прошу тебя и твоих товарищей поскорее разбить кровожадного врага, который начал на нашу Родину...

Идем вас всех только с победой. Валя».

Вышу прочел адрес: город Ташкент, улица Самаркандская, дом № 3, В. Подьячева.

Я знал, что город Ташкент находится далеко в Средней Азии. Но вот как там про меня стало известно? Откуда незнакомая Валя узнала, что есть на свете Федор Дьяченко? Кто сообщил ей мой адрес?

Прочитал я письмо товарищам. Решили ответить всем взводом. Может быть, наш ответ и не был таким душевным, как хотелось бы девушкам, но мы делились с ними своими солдатскими думами. Привожу письмо почти дословно: «Дорогие Валя и твои подруги! Письмо ваше нам прочитал Федор Дьяченко. Мы хотим выразить вам красноармейское спасибо, что не забывали нас. Обещаем, что, пока сердце бьется в груди, пока руки могут держать винтовку, мы будем искать, находить и уничтожать врага. Разве может успокоиться душа советского бойца, когда враги терзают его родную страну, мучают отцов и матерей, насплюют любимых девушек? Мы клянемся: бить врага еще лучше, бить днем и ночью, до полного изгнания с нашей земли».

Долго шли письма из блокадного Ленинграда в солнечный Ташкент и обратно. Но теперь я стал каждый

депь ждать весточки. И тоже, как многие бойцы, спрашивал старшину, когда он приносит пищу:

— А там мне письмишка нет?

С Валей Подьячсвой я переписывался почти всю войну. Она рассказывала в письмах о своей жизни: работе, подругах, какие смотрит кинофильмы, что читает. Сообщала, как трудятся депь и ночь в советском тылу люди, чтобы фронт ни в чем не испытывал нужды. Прислала свою фотокарточку. И мне казалось, что если встречу ее на улице, так сразу же узнаю, настолько знакомым стало мне ее лицо. Забегая вперед, скажу: после войны Валя приезжала в Ленинград. Мы с ней встретились. Она оказалась такой же, как на фотографии. С большим волнением вспоминали военные годы. Я благодарил ее за теплые и сердечные письма «незнакомому» бойцу на фронт, которые для меня в то время так много значили.

Узнал я и кто был «моим другом», который первым написал Вале обо мне. Этот секрет раскрыл Иван Денисенко. Однажды он спросил меня:

— Ты знаешь, от кого Валептина узнала про тебя?

— Ни, не ведаю!

— От нашего замиолита...

— Не брещи!

— Правда. Я сам слышал, как ротный ему говорил: «Что-то наш Федя все понурим ходит. Небось по родной Полтавщине скучает?» Замполит Трунов ответил: «Есть у меня адресок, вот и попрошу девушку написать бойцу».

Не знали мы тогда, что замполит, никогда не забывавший позаботиться о солдатской «душе», сам не получал писем почти с начала войны. Его семья тоже находилась в оккупации.

...Нелегко было вести политработу в осенние дни сорок второго года. Придет замполит в землянку, карту школьную расстелет. Он всегда ее с собой посыл для большей паглядности. Достанет газету и читает:

— «...наши войска вели бои с противником в районе

Сталинграда и северо-восточнее Туапсе. Наши войска оставили город Нальчик...» Вот здесь, значит, фашист,— и обведет на карте карандашиком.

Мы смотрели, и душа холодела. Далеко, подлец, забрался. До самой Волги дошел, за Кавказ битва идет.

До войны мне пришлось бывать в тех краях. Понимаю, тянет Гитлер лапу к нефти. Нефть — это полетят самолеты, пойдут танки, автомашины, еще сильнее закрутится колесо войны. Цеплохо фашисты придумали. Нас пашей же нефтью бить!

Вот так смотрим на карту и раскидываем мозгами: как и что. И тревожно на сердце становится.

Замолит не торопится говорить. Словно ждет, чтобы сказанное нам до самых печенок дошло. Чтобы каждый понял, какая опасность нависла.

Кое-кто из ребят начинает высказываться.

— Думаю, что в Кавказских горах и малыми силами воевать можно. Поставил, к примеру, на скалу пулеметик и дуй...— оторвав взгляд от карты, степенно говорит пулеметчик Бажапов.

— Конечно! — с ехидцей подначивает Приходько.— А он тебе под зад с другой высоты дунет.

— Братцы, а чего союзнички помалкивают? Чего ждут? — заводится Иван Денисенко.

— Будто не знаешь? Да они испокон веков на чужом горбу в рай ехали...

— А я так полагаю, скоро остановят фашиста. Встанет им костью поперек горла матушка Волга,— окая повологодски, неожиданно вступает в разговор наш молчун, немного глуховатый после контузии Михаил Федоров.

И начинается такой спор, будто пменно здесь, в никому не ведомой роте, на крохотном участке огромного фронта судьба России решается.

Трунов слушает, не перебивает. Ждет, пока выговорятся ребята. Потом прокашляется, пабьет свою обкурен-

ную трубочку и начинает будто сам с собой разговаривать:

— Недавно я побывал в Ленинграде. Другой, другой, скажу вам, стал город. Подтянут п суров, как солдат. Совсем не тот, что год назад... Познакомился я с одним пареньком. В райкоме партии встретились. Так, неприемный паренек, вроде нашего Славы Голубева. Молоденький. А узнал я про его дела — ахнул! Вместо 83 рядных стаканов он за смену вытачивает по 296 штук! Считайте, три с половиной нормы. Так работают в блокадном Ленинграде! В городе, про который Геббельс неустанно орет, что, дескать, Петербург — город мертвых.

Мы слушаем, думаем о том, как работают, не жалея себя, люди в нашем тылу. И я вспоминаю Валины письма, в которых она просто и бесхитростно пишет о трудовом героизме своих друзей.

Умел Трунов и почитать нам. Казалось бы, чего проще — взял газету и шпатель. Между прочим, так некоторые и поступали. Ах, нет! Политрук такое в газетах находил, что слушаешь и думаешь: «Да то ж, вроде, про нас написано!» И мысли всякие появляются, и разговор сам собой о наших делах заводится.

Помню, однажды пришел к нам Трунов и спрашивает, как живете, то да се... А в глазах хитринка, что-то таит старший лейтенант.

— Послушайте, новую статью Эренбурга хочу вам почитать, — достает из полевой сумки «Босую красноармейскую», расправляет. — Статья называется «Идет наша зима»...

Мы сдвигаемся поплотнее. Голос у Трунова тихий, спокойный, да и не любил он, когда без внимания его слушают.

Илья Эренбург писал, что падвигается вторая военная зима. Боятся ее фашисты. Боятся не столько русского мороза, сколько ударов Красной Армии. Прошлой зимой их разгромили под Москвой. Такая же участь ждет

захватчиков и под Сталинградом. За неделю нашего наступления одних пленных более 60 тысяч взяли.

Лютует фашист: грабит, насилует, вешает, жжет на Украине, в Белоруссии, под Ленинградом, на Дону. Эренбург такие факты приводит, что стынет кровь в жилах. К мести за нашу поруганную землю, за кровь наших людей зовет писатель.

Трунов читает внятно, не торопясь. И вдруг я даже похолодел... «Хорошо бьет колбасников Федор Дьяченко. У него в сердце священный огонь ненависти, и пулю он шлет фрицу прямо от сердца».

И растерянно смотрю на ребят. Нет, не могу поверить своим ушам. Такой знаменитый писатель и узнал обо мне!

— Товарищ политрук, откуда Эренбург узнал за Федьку? — перебивает Трунова Иван Денисенко. — Мы в окопах никакого писателя, кроме старшего лейтенанта из газеты, не бачили...

— О героических делах бойца, как круги по воде от камушка, молва далеко расходит! — ласково улыбувшись, отвечает старший лейтенант.

Трунов продолжает читать, а я все еще не могу справиться со своим волнением. «Как же теперь ты должен воевать, Федор, ведь вся страна о тебе узнала?» — спрашиваю себя. И будто не Трунов, а сам писатель мне говорит: «Бейте врага еще сильнее! Час расплаты близок! Идет наша зима, друзья!»

— Это верно! Зимние они не то, что летние, — говорит Николай Бажанов, и в глазах его появляется озорной огонек. — Против русского солдата и русского мороза фашисты — слабаки!

Николай вновь с явным удовольствием рассказывает, как они прошлой зимой гнали гитлеровских вояк под Москвой. И мы, хотя слушаем рассказы Бажанова не первый раз, не перебиваем его. Участвовать в большом наступлении, освободить города и села от захватчиков, гнать фашистов от Ленинграда — пока лишь наша мечта.

Но солдатским глазом примечаем, солдатским сердцем чуем — скоро погоним фашистов и мы! Трунов укреплял нашу веру в победу.

Уважали мы нашего ротного политработника за находчивость и смелость. Он всегда находился там, где всего труднее, всего опаснее. И каждый хотел быть с ним рядом. Молва среди бойцов такая ходила — дескать, рядом с комиссаром пуля не берет. Вот и старались в бою быть рядом с замполитом. А может, и его берегли от пули. Помню, как-то мы проводили разведку боем — где перебежками, где ползком вышли к проволоке. Еще миг — и во вражеской траншее. Но тут фашисты накрыли нас из минометов. Те, кто бывал в подобных переделках, — устремились вперед. А несколько человек назад было подались.

Замполит к ним:

— Стой! За мной, ребята! — И повернул их.

Потом начался бой в траншее. Хуже этого, кажется, ничего нет. Отовсюду жди пулю. Не зевай! Не трусь! Только смелостью да решительностью и можно выбить врага.

Замполит снова впереди. Одет в телогрейку, шапка, как у всех. Не отличить от солдата. И воюет, как все. Только голос его громче, чем у других.

— Поддай, ребята! Не дрейфь, орлы!

...В конце ноября сорок второго года Трунова из нашей роты перевели в другое подразделение. Никифоров несколько дней ходил туча тучей. Почти три месяца они в одной землянке жили, из одного котелка ели. И по всему было видно: крепко наш командир любил своего комиссара.

Потом разные у нас замполиты были. Но мы долго не могли забыть Трунова, которого иначе, как «наш комиссар», никто и не называл.

Когда вышла в свет книга Л. И. Брежнева «Малая земля», я прочитал такие строки:



«Чем измерить, как оценить деятельность политического руководителя на фронте? Снайпер истребил десяток гитлеровцев — честь ему и слава. Рота отбила атаку, отстояла рубеж — честь и слава командру роты и ее бойцам. Дивизия взломала оборону врага, освободила населенный пункт — имя командира отмечается в приказе Верховного Главнокомандующего. Но велика и заслуга политработника, который идейно вооружал бойцов, укреплял в них великое чувство любви к Родине, вселял веру в свои силы, вдохновлял на подвиг.

Настоящий политработник в армии — это тот человек, вокруг которого группируются люди, он доподлинно знает их настроения, пужды, надежды, мечты, он ведет их на самопожертвованье, на подвиг».

Наш Трунов был одним из таких политработников. К сожалению, я не знаю его дальнейшей судьбы. Хочется верить, что он жив и по-прежнему находится в рядах активных бойцов партизан.

## **РОТА ВЕДЕТ ОГОНЬ**

Пастушила зима. Снег прикрыл многие прежние ориентиры. Вокруг стало бело и однообразно. Выйдешь утром из землянки — все одинаково, лишь кое-где чернеют свежие воронки да стелется дымок из блиндажей. И начинаешь медленно, не спеша «прощупывать» глазами каждый метр земли. Осмотришь «нейтралку», затем первую траншею, вторую...

Как-то я заметил — среди занорошенных развалин блеснуло стеклышко. Подумал — наблюдатель. А быть может, снайпер? Попробовал спровоцировать его на выстрел: поднял шапку, но в ответ ни звука. Что же это могло быть? Откуда взялось стеклышко? Почему оно блестит только в первой половине дня? Словом, сплошная загадка.

Доложил командиру роты. Старший лейтенант заинтересовался и решил понаблюдать вместе со мной.

— Пожалуй, ты прав, Дьяченко. Похоже что это стереотруба наблюдателя.

Четыре дня я и Денисенко высматривали это таинственное стеклышко. И вот выдалось ясное утро. Мы снова заняли позицию. Легкий морозец подщипывает щеки. От солнечных лучей снег стал пепло-голубым. И воздух удивительно легкий, не надышишься.

Терпеливо наблюдаем за «исуловимым» стеклышком. Пока ничего не видно. Я начинаю подумывать: «А вдруг и нет никакого наблюдателя?» Солнце медленно поднимается над нами. Косые лучи почти не греют. И вот среди развалин заиграло, заблестело, как алмаз, таинственное стеклышко. Теперь нам ясно — это стереотруба! Фашистский наблюдатель не учел, что в определенное время косые лучи солнца не задерживаются специальным козырьком и демаскируют его.

Раздался выстрел Денисенко. Мне в бинокль хорошо видно, как свалилась стереотруба. Из траншеи к убитому наблюдателю пополз солдат. Он осторожно приподнял его, что-то стал искать рядом. Теперь прогремел мой выстрел, и еще одним фашистом стало меньше.

Вечером мы приплыли к командиру роты и доложили ему, что вражеский наблюдатель уничтожен.

Совершенствование в меткой стрельбе требовало постоянной тренировки. А где на передовой будешь тренироваться? И все же мы находили эти возможности. В полку были организованы недельные снайперские курсы. В роте мы тоже устроили стрельбище. Недалеко от землянки из земли вертикально торчала железная балка. Расстояние до нее было метров триста. Не помню, кто первый предложил превратить ее в «мишень», но мысль понравилась. И мы взяли за правило, прежде чем идти на позицию, пострелять по «мишени».

Стрельба по балке помогала нам уточнять и установ-

ки прицела для тех патронов, которыми мы пользовались. Дело в том, что на меткость стрельбы на большие дистанции существенное влияние оказывали баллистические качества патронов — вес пороха, его влажность, вес пули, ее калибровка и т. д. Нельзя было не учитывать, что каждая партия патронов, как правило, отличалась от другой партии.

Казалось бы, все это мелочи, но именно в таких мелочах и таился «секрет» успешной стрельбы. Напомню, что советские стрелки, применяя отладку винтовки и подбор патронов, добивались уменьшения рассеивания пуль по сравнению с табличными данными более чем в три раза.

Одним из условий боевого соревнования было непрерывное совершенствование обороны роты в инженерном отношении. Никифоров постоянно требовал укреплять огневые точки, степки траншей, расчищать ходы сообщений от снега, восстанавливать разбитые участки. В этом проявлялась забота командира о сохранении наших жизней. И действительно, несмотря на то что рота вела активную оборону и ее истребители уничтожили более трехсот фашистов, потерь в роте почти не было.

Как-то Никифоров побывал в соседней роте. Ему здорово понравилась стрелковая ячейка, которую оборудовал красноармеец Панферов. Наш ротный устроил для командиров отделений экскурсию к соседям.

— Посмотрите, поучитесь, и чтобы у нас не хуже было! — приказал старший лейтенант.

Мы разыскали Панферова, попросили показать, какую-то такую «крепость» он соорудил.

— Ничего особенного, ребята. Сделал как положено да еще немного своей смекалки добавил... Сколько просидим в обороне — неизвестно, вот и благоустроился, — польщенный вниманием, ответил Панферов.

Действительно, ячейка устроена на совесть. Выдвинутая немного вперед траншей, она позволяла прикры-

вать огнем широкий сектор впереди лежащей местности, а при необходимости простреливать и вдоль траншеи.

Позаботился Наиферов и о прочности своего сооружения. Стежки ячейки обшиты хворостом, бойница сделана из полуторадюймовых досок в виде раструба, а сверху накат положен, чтобы стрелок был защищен не только от пуль, но и от осколков. Предусмотрены и разные удобства: пол выстлан обрезками досок, чтобы в мокрую погоду было не так сыро, а в мороз не холодно. Полочки, ниши разные отрыты для патронов, гранат, и котелок есть где поставить. Словом, в такой «крепости» воевать можно не день, не два...

«Неужели, — думаю, — мы не сделаем себе такую ячейку? Задача в том, где взять доски и бревна». Поговорил с Денисенко. Иван что-то вспомнил, позвал Голубева:

— Будут, Федько, и доски и бревна!

— Где?

— Возле «нейтралки». Старая помещькая землянка...

Предложение разобрать разбитую землянку мне понравилось. Решили, не откладывая дела в долгий ящик, провести «операцию» ночью. План простой — Денисенко выползет к землянке, а я и Голубев прикроем его огнем, если потребуется.

Повачалу все шло хорошо. Первую партию досок приволокли без всяких происшествий. Теперь Иван осмелел и забыл о всякой предосторожности. Он стал выламывать доски с таким треском, будто медведь через тайгу шел. И конечно, вражеские солдаты переполошились. Но всему переднему краю заметались разноцветные пунктиры трассирующих пуль. В темном небе повисли «фонари». К нашему счастью, все обошлось благополучно. Если не считать, что осколком продырявило повый полушубок Ивана.

Досок и бревен мы все же натаскали порядочно, хватило на то, чтобы сделать отличную ячейку, да еще осталось для нашей печурки.

«Операция» с досками разожгла аппетиты. И вот однажды произошел такой случай. Командир взвода лейтенант Сараев приказал нам выбрать остатки бревен в разбитом немецком блиндаже возле шоссе. Мы сходили туда раз, другой и обнаружили, что от блиндажа к противнику идет трапсия. Не знаю уж, как Денисенко ухитрился узнать, но он поклялся, что трапсия ведет к фашистскому продовольственному складу и кухне.

— А что, хлопцы, не пополнить ли наш ИЗ гитлеровским провиантом? — предложил он, поглядывая на нас лукавыми глазами. — Лишим десятком буханок хлеба, колбаской... Ну и, конечно, шпэпс, — Иван сделал выразительный жест, — лишние иметь...

Предложение казалось заманчивым.

Рассказали лейтенанту Сараеву. Командир взвода колебался. С одной стороны, ему тоже хотелось иметь для взвода кое-какой ИЗ, но, с другой стороны, он пощипывал, какие могут быть неприятности, если что-либо случится.

— Надо бы командиру роты доложить... — не очень уверенно сказал он.

— Да зачем? — ответил Иван. — Ротный не разрешит, доложит в полк, и плакат наш «трофей». А дело верное! Не сумлевайтесь...

Все же нам удалось уговорить лейтенанта.

Выбрали ночь потемнее и вчетвером отирались за «трофеем». Ползли осторожно, плотно прижимаясь к земле. Подобрались к кювету. Здесь отлежались немного. Тихо. Изредка какой-нибудь солдат даст очередь из автомата, и слова тишина. Выползли на шоссе. Снега на нем почти нет, весь ветром сдуло.

Иван дал нам знак: «Вперед!» Быстро перемахнули через шоссе и двигаемся по трапсее противника. Прошли метров сорок — не встретили никого. Мягкий, мокрый снег заглушает наши шаги. По рассказу Ивана, землянка должна быть где-то недалеко.

И вот мы у цели. Денисенко одним ловким движением срывает замок металлическим прутком. Он и Леонтий Приходько скрываются в землянке. Я и Слава Голубев остаемся прикрывать ребят от всяких неожиданностей.

Тишина стоит необыкновенная. Кажется, слышно, как под ватником стучит собственное сердце. Недалеко от меня фашистский часовой мурлычет песенку. Подойди он к изгибу траншеи — мы столкнулись бы нос к носу.

Я совсем освоился на «вражьей» земле и даже перестал волноваться. Ребята, нагруженные мешками, еле выбрались из землянки.

— Тикаем до дому! — слышу шепот Денисенко.

Та... та... та... — отрывисто застучал «дегтярь» на нашем правом фланге. Ему откликнулся какой-то автоматчик, затем еще один... С той и с другой стороны заматались трассирующие пули. Фашисты забеспокоились. Мы переваливали через шоссе, когда услышали за своей спиной их топот.

Теперь быстрее к себе. В траншее нас ожидал командир роты. И мы чуть не свалились ему прямо на голову.

— Так-так. Поживиться захотели... Кто разрешил?

Мы молчали, виновато опустив глаза. Но старший лейтенант не сумел до конца выдержать сердитый топ. Он рассмеялся, глядя на нас. Измазанные глиной, с мешками на плечах, продрогшие, мы действительно выглядели смешно.

Потом ротный приказал рассказать все по порядку.

— Стратегия у нас така, товарищ старший лейтенант! Хрицы уже орут: Иван иди до меня! Ну мы и пошли... — с юмором рассказывает Денисенко.

— И что же нашли?

— Ну, хлеб, ковбаса, шнапс... А це що за штука, за пиддруга — не знаю. — Под громкий хохот Иван вытягивает двумя пальцами из кармана брюк бюстгальтер.

— От хануги, от воруги!.. — удивлялись ребята.

— Это все так, хлопцы, — посмеявшись вместе с нами,

сказал Никифоров. — Только я думаю, из этого факта и другие выводы надо сделать. Тем же ходом провести разведку. Может, и «языка» раздобудем.

Предложение нам понравилось, но осуществить его командиру роты не удалось. Началось согласование по инстанциям. Не знаю, кто именно, — может, командир дивизии полковник Истребов или наш командир полка майор Попов, — только Никифорову не разрешили проводить разведку силами роты. Было принято решение направить дивизионных разведчиков. От нас в качестве проводника включили лишь одного Деписенко.

Нам же поставили задачу «ослепить» противника. В назначенный день по всему переднему краю роты загремели выстрелы истребителей. Лучшим снайперам командир роты приказал вести методический прицельный огонь по амбразурам дзотов, по фашистским наблюдательным пунктам — не дать противнику поднять головы. Мы старались всюю, а в это время саперы готовили проходы в минных полях, разрезали проволочные заграждения.

С наступлением темноты дивизионные разведчики начали действовать. Но при возвращении, к сожалению, их постигла неудача. Они понесли потери. К тому же «языка» до места не довели: он был убит шальной пулей. Зато наши стрелки, взаимодействуя с артиллеристами и минометчиками, увеличили счета мести.

Особенно был возбужден Цибульский, связной командира роты. Вечером он мне с гордостью говорил:

— Трех фашистов сегодня уничтожил. Конечно, мне за тобой или Николаем Казаковым не угнаться. Но десяток записать на свой истребительный счет я не против бы! Жаль, другим делом заняты... Все с котелками воюешь. Так обидно бывает!..

Я понимаю Цибулькина. Боевое соревнование увлекло всех. Только и слышишь: тот уничтожил столько-то фашистов, этот — столько-то. Замполит роты и комсорг Ни-

колай Казаков каждый день выпускают «Боевые листки». Красным карандашом пишут фамилии тех, кто в этот день увеличил свой счет. Чаще других мелькают имена комсомольцев Леонтия Приходько, Славы Голубева, Саренбая Рустамбекова.

Рустамбеков прибыл к нам недавно. И все быстро полюбили молодого казаха. На его гимнастерке красовался значок воронцовского стрелка. И он, показывая на значок, с улыбкой говорил:

— Саренбай первое место в Караганде брал! Многомного стрелков приехало: русские, казахи... Саренбай самым первым стрелком был!

Действительно, Рустамбеков стрелял хорошо. Он отличался прекрасным зрением и хладнокровием. На его счету было около семидесяти уничтоженных врагов. Но главное, его пример удивительно благотворно влиял на бойцов, прибывших из Средней Азии. Им было нелегко привыкнуть к условиям сурового северного климата.

— Ты зачем пришел в Красную Армию? Чтобы в теплой землянке сидеть? Нет, друг! Пока ты не убьешь хоть одного фашиста, в свой кишлак не возвращайся. Женщины в тебя гнилыми помидорами будут бросать. Аксакалы не сядут с тобой в чайхане пить чай! Завтра со мной пойдешь. Посмотришь, как казах бьет гитлеровских собак!

После такой агитации Саренбай брал наутро какого-либо бойца и уходил на «охоту». Так под влиянием Рустамбекова стал истребителем его товарищ Габдула Саитов.

Пришел Саитов в роту нескладным, тихим парнем. Часами просиживал в углу землянки. Почти ни с кем не разговаривал, спросишь — ответит, а так все больше молчал. Пробовал как-то расшевелить его Денисенко.

— Габдула, идем фашистов пошукаем, — однажды предложил ему Иван.

Саитов промолчал, будто и не к нему обратился товарищ.



— Ты что, глухой? Идем фашистом стрелять! — еще раз повторил Деицсенко.

— Моя винтовка плохой!

Но Иван не такой человек, чтобы от него можно было легко отделаться. И я с интересом прислушивался: кто же из них окажется упрямей? Саитов нехотя, словно палку, взял винтовку. И как только-только стало рассветать, ребята ушли.

Вернулись они затемно. Оба смотрят волками. Я спросил Ивана, как дела. И по его довольно крепким выражениям понял, что удачи не было. Позже, успокоившись, Деицсенко рассказал, как Сантова било мелкой дрожью, когда вражеский минометчик прижал их в окопе. Габдула со страху чуть было не побежал. Хорошо, что Иван вовремя остановил парня.

После этого случая Саитов не переносил свиста мины, кланялся каждой пуле, папически боялся авиационных палестов. Опустился на дно траншеи, и в его черных, как угольки, глазах такой страх, будто конец света наступит.

Так и служил Габдула Саитов, ни разу не выстрелив по врагу, ни разу не увидев его. Помучились с ним недели три, а потом старшина пристроил его к хозяйственным делам. То пищу носить, то воду заготавливать, то за печуркой следить. Дела эти он исполнял с великим удовольствием, но за винтовку и браться не хотел. И если все же случалось — заставят его стрелять, то он положит винтовку на бруствер и палит в небо.

И когда в роту пришел Рустамбеков — то ли после излечения в госпитале, то ли в медсанбате, точно не помню, — мы дали ему комсомольское поручение: сделать из Габдулы истребителя. На заседании ротного бюро ВЛКСМ Николай Казаков сказал ему: «Это для тебя, Саренбай, самое большое поручение!»

Какие речи Рустамбеков говорил Саитову — не знаю. Часто они разговаривали на родном языке, жарко спо-

рили. И вот Саренбай стал своего приятеля приучать по бояться свиста пуль и разрывов снарядов. Не то чтобы без толку лезть под огонь противника, по и не дрожать при каждом огневом налете. Потом они начали ходить к нашей балке — «минспи». Поначалу Саитов из пяти пуль попадал в цель одной, потом — двумя, а дальше пошло еще лучше. Словом, Саренбай не отстал от своего земляка, пока Саитов не открыл счет.

Случилось это так. Саперы противника на рассвете выползли устанавливать мины и были нами обнаружены. Командир взвода лейтенант Сараев принял решение: уничтожить вражеских солдат залповым огнем.

Осветили ракетой и дали два залпа. Из восьми фашистов только одному удалось удрать. В стрелковой ячейке вместе с Рустамбековым был на этот раз и Саитов. Саренбай доложил, что его друг открыл счет, убив фашиста. Не знаю, насколько это было верно, но после этого случая Саитова будто подменили. Он и ходить стал прямее, плечи расправил. На лице стала чаще появляться улыбка. Даже его внешний вид изменился. По утрам Габдула теперь умывался ледяной водой, да с таким удовольствием, что только покрикивал!

Число истребителей росло не только в нашей роте. Почти в каждом помере дивизионной газеты «Вперед за Балтику» сообщалось о бойцах и командирах, открывших снайперские счета. Кроме стрелков, на передний край со снайперской вышкой или обыкновенной трехлинейкой стали выходить связисты и саперы, пэтээровцы и пулеметчики, артиллеристы и минометчики.

В минометной роте нашего батальона, кроме Кочубея, личные счета открыли еще несколько человек и среди них наводчик Егор Ушаков, бывший архангельский лесоруб.

И хорошо знал этого покладистого паренька, которого в роте то ли за молодость, то ли за мальчишескую непосредственность ласково называли Егорушкой. Дове-

лось мне раза два выходить с ним на снайперскую позицию.

Как-то пошли мы к мосту через Ижору. Там, возле Московского шоссе, я давно облюбовал себе место для снайперской ячейки.

Вначале шли по траншее, а перед тем как переползти ближе к «нейтралке», решили перескочить.

— Федя, а место-то знакомое! — оглядывая в бинокль вражеские окопы, воскликнул Егорушка.

— Бывал?..

— В прошлом месяце с лейтенантом Кочубесом. Здесь я свой почин сделал...

— Что-то мне Кочубей об этом не говорил. Расскажи...

— А чего говорить! Засло меня... Вокруг только и разговоров: я уничтожил пятерых, на моем счету — двенадцать. Газету возьмешь — сплошь о снайперах пишут. А мы что? Побросаем с миномета по траншеям да по площадям, а толку?.. Фриц пошел осторожный, зря не болтается...

— И ты решил с винтовки, как Кочубей, бить фашистов?

— Точно! Упросил лейтенанта взять с собой. Он согласился. Показал, как со снайперской винтовкой обращаться. Штука-то немудреная, в делениях угломера я разбираюсь. Вот и пошли мы с ним на это самое место...

Егор приподнялся, выглянул из траншеи.

— В тех развалинах была наша позиция, — Ушаков показал несколько правее моей ячейки. — До фашистов рукой подать. Слышно, как они лопочут, а из траншеи не показываются. Ждем, ведем наблюдение. Вдруг лейтенант толкает меня в бок: дескать, смотри! И показывает в направлении на Федоровку...

По гребню высоток виднелись остатки когда-то большого пригородного села.

— В оптический прицел, — продолжал Егорушка, — я хорошо разглядел группу фрицев. Они что-то рыли,

а потом стали подносить бревна. «Не торопись, — шепчет Кочубей, — поправку на ветер сделай!»

Целось, а у самого пальцы немеют... Не заметил, как выстрелил. Отдачу почувял... Хорошо, что винтовку цепко держал, цель не потерял. Вижу, один из гитлеровцев сковырнулся, а другие побросали бревна — и к нему. Тут лейтенант перошлял. Раз за разом стрелять начал и еще трюх уложил. «Тикаем, Егорушка!» И мы быстро уползли за камни. Фрицы спохватились, давай из минометов молотить, да только поздно уже было. Вот так у меня и пошло...

Егор замолчал. Мимолетное оживление на его лице исчезло. Он сплюнул, прижал окурок поском валичка:

— Пошли, что ли!..

И я неожиданно обратил внимание на топенькие ниточки морщиц, появившиеся на его лбу, на глаза, в которых уже не было озерного, мальчишеского блеска. Правду говорят: на войне день за год идет.

...Приближалось 25-летие Советской Украины. Школай Кочубей как-то пришел к нам в землянку и говорит:

— Послушай, надо бы отметить праздник нашей батькивщины?

— Как?

— Устроим оккупантам снайперское «рождество». У них в этот день праздник, так пусть поминки справляют вместо рождества!

Затемно мы вышли на огневую позицию. У противника, похоже, и верпо праздник. Огопь ведут редко-редко, да и то больше из автоматов. Даст автоматчик трасирующими очередь и молчит. Зато ракетами балуют. Светло, как днем. Это от страха они освещают. Боятся, как бы наши хлопцы на рождественскую елку к ним не пожаловали.

Не ладилась у нас в этот день рождественская «охо-

та». Патроцев штук пять спалили, а все без толку. И вдруг слышу звук гармопки. Играют ее не по-нашему, мотив чужой.

Вскоре все стало ясно. По лощинке, вдоль реки Ижоры, шла группа фашистов. Судя по пестрому хору, гитлеровские воляки основательно хватили ради «рождества христового».

— Чуеть, Николай?

— Не торопись! — шепнул Кочубей.

Мы дождались, пока фашисты подыались на пригорок. При луне их силуэты отчетливо выделялись на фоне белого поля. Выстрелили мы почти одновременно и оба удачно. Пока солдаты суматошились, я успел перезарядить винтовку и уложить еще одного.

...Последние дни уходящего сорок второго года принесли добрые вести. Всюду только и разговоров, что о событиях на юге. Наши войска продолжают грандиозное наступление под Сталинградом, которое мы ждали, в которое верили в самое трудное время. Красная Армия продвигается теперь уже не на десятки, а на сотни километров. Число взятых в плен гитлеровцев под Сталинградом с 16 по 22 декабря перевалило за двадцать тысяч. А сколько техники! Я представляю себе бескрайние степные просторы, заваленные обгорелыми танками, автомашинами, вражескими трунами.

Каждый день с жадностью прочитываем газеты, записанные на клочках бумаги сообщения по радио. Как обычно, все новости первыми узнают связисты. И от них, словно круги на воде, они расходятся по всем ротам.

Над кочубеевским взводом шефствует армейская телефонистка Аня. Почти каждую ночь она, неведомо как, ухитряется дозволиться до минометчиков и рассказать о последних событиях. И мы благодарны этой дивчине. За сообщения «расплачиваемся» чудесными украинскими песнями про Двипро, про кохачу дивчину. Поем для нее в телефонную трубку.

Прибавилось хлопот у нашего комсорга Николая Казакова. Он где-то раздобыл географическую карту и каждый день отмечает на ней успехи наших войск на юге.

Иван Денисенко, разглядывая красные стрелы наступления, с довольной ухмылкой говорит:

— О, це стратегия! Скоро и мы его попрем от Ленинграда.

Наша рота стала истребительной полностью. Открыли личные счета все стрелки и пулеметчики. О своих успехах мы написали письмо однополчанину Григорию Симанчуку. Он все еще паходился в далеком свердловском госпитале. Мы поздравили его с Новым годом, рассказали, что его спайперское мастерство стало примером для всех бойцов дивизии. Если год назад истребителей считывались единицы, то теперь каждый боец с гордостью называет себя учеником Симанчука. Мы прижали врага к земле, а теперь стараемся вогнуть его в землю.

Вместе с общими волнующими событиями пришла ко мне и личная радость. Военный совет Ленинградского фронта наградил меня вместе с группой товарищей орденом Красной Звезды. Командир полка присвоил звание старшего сержанта.

28 декабря член Военного совета армии генерал Романов в торжественной обстановке вручил мне орден. По натуре я человек не сентиментальный, но тут так разволновался, что и слова не мог вымолвить. Ведь это была моя первая награда. Очень жалел, что в такую минуту нет рядом со мной матери, никогда не увидит моего ордена и старый дед Тимофей.

И вот неожиданно получаю письмо из далекой Челябинской области от Ольги Васильевны Ильиной. С ней у нас переписка установилась недавно. Через газету Ольга Васильевна узнала мой адрес и кое-какие подробности обо мне. Написала письмо. Я был тронут теплыми материнскими словами. Ответил ей, попросил разрешения называть ее матерью.

Теперь вповь держу в руках дорогой для меня листок из ученической тетради и перечитываю строки, которые могла написать только мать:

«Здравствуй, дорогой сынок Федор Трофимович! Поздравляю тебя и всех бойцов с Новым годом и желаю вам скорой победы. Может быть, ты и не позволишь называть тебя сынком, но я думаю, что ты не рассердишься. Ты пишешь, что мстишь за моих двух сыновей и дочку. Я плачу о своих детях день и ночь. Если бы ты был здесь, я бы тебя расцеловала за твои хорошие дела. Хочу я дожить до победы, посмотреть на тебя, дорогой сынок».

Письмо вызвало у меня сложные чувства. Было радостно, что незнакомая пожилая женщина шлет мне материнское благословение. Но где ж моя родная мать? Что с ней? Жива?.. Может, от фашистской пули погибла, может, глумится над старой какой-нибудь обер-ефрейтор? Где мои братья? Сестра?.. И грудь мою распирало чувство ненависти. Нет, не будет от меня пощады врагам!

## ЗИМНИЙ ГРОМ

Вскоре после Нового года меня вызвали в полптотдел дивизии выступить на семинаре комсогов рот. Там я встретил своего приятеля сержанта Курицына.

С Александром у нас шло негласное соревнование. Он по праву считался одним из лучших снайперов дивизии. В начале января на его счету было более двухсот уничтоженных врагов. Имя его стало чаще встречаться на страницах газеты «Воевая красноармейская», и писал о нем все тот же В. Георгиев.

Бывая в нашем полку, Георгиев не упускал случая завернуть и в соседний 14-й стрелковый полк, повидать Курицына. А иногда и наоборот. Словом, поддерживал между нами живую связь.

Не виделся я с Курицыным больше месяца и был рад, когда он заметил меня и подошел.

— Как дела, нехота? — с легкой иронией спросил Александр.

— Нормально, «братника», — в тон ему ответил я. — Расскажи лучше о своих! Слышал, ты ихнего снайпера выследил?..

— Да чего там... — махнул он рукой. — Как гады ползучие прячутся... Чуют свой конец.

Мне очень захотелось узнать подробности этого поединка с фашистом. И я начинаю выпытывать, как было дело.

— Два дня караулил... Очень осторожный попался!

— Офицер, наверное?

— Может быть, только и я не дурнее его... Он залег за кучей шпал возле железнодорожной насыпи. Рядом положил каску... Понимаете?

Курицын взял листок бумаги и нарисовал, как это было. Гитлеровец придумал все очень просто и хитро. К каске привязал палку. Стоило ему пошевелить палкой, как каска тоже шевелилась. Александр разгадал уловку врага. Он выстрелил по каске и быстро отскочил в сторону. В ту же минуту фашистская пуля ударила по тому месту, где только что находился Курицын.

— В общем, фашист решил, что со мной покончил. Стрелять перестал, но из-за укрытия не торопился вылезать. Да и мне не к спеху. Жду, чем вся эта история кончится. — Александр оторвал кусочек газеты, аккуратно свернул сигарку и продолжал рассказывать, так и забывая прикурить. — К вечеру снайпер вылез. Стал огибать шпалы, а не сообразил, дурак, что на их темном фоне он, в белом маскхалате, как на блюдечке... Ну я и выстрелил.

Слушая Александра, я подумал, насколько важно в нашем деле быть не только смелым и находчивым, но и осторожным и неторопливым. И мне вспомнился слу-



чай с Василием Першиным, который пренебрег этим золотым правилом.

Вася Першин прибыл к нам в батальон после излечения в госпитале. Смелый, очень живой хлопец пришелся всем по душе. И мы быстро полюбили этого общительного парня. Ребята стали его ласково называть Васильком.

Стрелял он хорошо, метко. У него была крепкая рука и отличный глазомер. Першин быстро открыл истребительный счет. О нем даже писали в «Боевой красноармейской» и нашей дивизионной газете. И все было бы хорошо, если бы не его излишняя горячность. Терпеть он не мог где опасно — полежать, где нужно — подождать. «Буду я на своей земле да еще ползать перед фашистом!» — возмущался Василий. Вместо того чтобы по ходу сообщения идти — выскочит наверх и бежит напрямик... А у нас за такое «геройство» строго взыскивали, чтобы не нести лишние потери.

Однажды он вот так выскочил из траншеи, а пули вокруг него так и свистят. Першин — в воронку. Приподнялся и заметил, что в окне фашистский снайпер притаился. Вася, не долго думая, скинул винтовку и выстрелил. Гитлеровец распластался и руки раскинул. Першин решил, что сразил фашиста, и продолжал спокойно свой путь.

«Убитый» снайпер поднялся, прогремел выстрел. И не стало нашего парня! А ведь мы не раз его по-товарищески ругали за ненужную лихость, взводный даже взыскания объявлял. Но не действовали на него наши предупреждения.

Долго мы не могли забыть гибели нашего товарища. Мстили за него фашистам. Но и урок для нас был поучительный. И мы вспоминали слова нашего ротного политрука Трупова, что на войне мертвый солдат никому, кроме врага, не нужен.

Мы старались воевать так, чтобы гитлеровским захватчикам на нашей земле не было ни минуты покоя. И если за день не уничтожен ни один фашист, считали — день прошел бесполезно.

В боях с врагом рождалось наше солдатское мастерство. Мы становились опытнее и мудрее. Чтобы бить врага наверняка, стали чаще взаимодействовать с артиллеристами и минометчиками, с пулеметчиками и пэтэоровцами, вести залповый огонь. С нашими боевыми друзьями заранее согласовывали время открытия огня, способы наблюдения, цели.

Все это помогало нашей снайперской группе увеличивать счет истребленных фашистов. Пример умелого взаимодействия с артиллеристами показал комсомолец сержант Иван Мякишиц.

Невысокого роста, крепкий Валя Мякишиц до войны работал в Ленинграде на Адмиралтейском заводе, а потом по комсомольской путевке уехал на строительство в Северодвинск. Там его и застал июнь сорок первого года.

Ему долго не удавалось попасть на фронт. Только после настойчивых требований Мякишица его «разбросировали». В Вологодском запасном полку он был зачислен в школу снайперов. И вот теперь Иван получил возможность лично рассчитаться с фашистами за те злодеяния, которые они причинили его родному городу.

Иван Мякишиц и его напарник Макаров крепко подружились с бойцами взвода «сорокаятки», которыми командовал старший лейтенант Серков.

Артиллеристы выкатывали легкие пушки на руках почти к первой трапее и прямой наводкой в упор били по вражеским блиндажам и огневым точкам. А Мякишиц и Макаров снайперским огнем уничтожали разбегавшихся фашистов и прикрывали своих друзей от пулеметчиков и автоматчиков противника.

И все же, какой бы оборона ни была активной, мы

ждали приказа о наступлении. По десяткам признаков примечали, что оно не за горами.

Наш командир полка майор Попов стал чаще бывать в траншеях. Придет, сядет и долго смотрит в стереотрубу, что там за нейтральной полосой творится. И полицу видно — не сегодняшнее, а будущее заботит нашего командира.

Однажды я стал печальным свидетелем такого разговора. Ко мне в стрелковую ячейку пришел комбат с каким-то командиром из штаба дивизии. Они долго изучали в перископ передний край обороны противника. Расспрашивали меня, какие огневые точки засек, как ведет себя противник. Потом штабист сказал, как бы между прочим:

— Скоро начнем выбивать гитлеровцев из траншей...

— Пора! Отсидели свое в окопах, — поддержал комбат.

Слова эти почему-то запомнились мне. Но пока на фронте ничего не изменилось. Все так же по ночам висят над передовой ракеты. С визгом и пипением плещаются мины, посвистывают пули, перестрелка то затихает, то ожесточается. Где-то проводится разведка боем, действуют поисковые группы. Словом, идут бои местного значения. Обо всем этом в газетах пишут: «На фронте существенных изменений не произошло».

...Ночью получили приказ: усилить бдительность, повысить боеготовность. Старший лейтенант Никифоров выставил дополнительные посты. Пулеметчикам выдали еще по три-четыре коробки с набитыми лентами. Появились наши артиллерийские наблюдатели со своим хозяйством: стереотрубами, телефонами, радиостанциями. Рядом с моей ячейкой устроил свой НП Кочубей.

— Ты не знаешь, Николай, к чему вся эта толкотня? — обратился я к товарищу.

Он пожал плечами и неопределенно ответил:

— Ожидают, что он наступать будет...

— Це не може быць!.. На «передке» у яго тихоую недзелю, — усомніўся я.

— Пажывем, то побачымо..

По чутство чэго-то трывожнага, непонятнага ўсе жэ асталося. Як-то необычна пачынаўся гэты рядовай фронт-вой дзень. Ружэйна-пулеметны гогоць то затыхаў, то разгорался. Из Слуцка (так раньне назывался Павлоўск) чэрез нашы голы лелелі цяжэлыя снаряды в сторону Рыбацкаго. Вржэским батарейам незамэдлительна отвечали артиллеристы-гвардейцы.

И вдруг мы услышалы гул артиллерийскай канонады, похожий на далекіе раскаты весеннега грома.

— Слынішь? — подошэ я к Николаю.

— Кажэцца, гдэ-то на левом фланге, в районе Иваповскаго, бьют, или... — по Кочубей не успел договэрить, рядом зазуммерил комарным пискэм телефон. Николай взял трубку.

— Эсь, товарищ двенадцатый! Угостим, аж па том свете чыхать будут! — Николай стал вызываць огнэвыя пазіцыі и сказаў мне: — Сейчас дадим огонька, будь здоров!

В эту мшуту ударила наша артиллерия. Били тяжэлыя гаубицы, дивизионныя пушки, рывкали «сорокапятки». Над обороной противника повисла стеша порохового дыма. Мы долго думали: к чэму бы гэто так разошлась артиллерия? Можэть, гдэ-то разведка боем проводится? И пытался что-то увидэть в бинокль, по нигдэ не было видно атакующих подразделений. Никакой активности не проявлял и противник.

И только когда закончился гэто мощный артпалет, огнэвыя точки фашистов стали оживать. Завязались огнэвые поединки. Тэперь и у снайперов появилась работа. Командир роты поставил нам задачу: вести огонь трассирующими и зажигательными пулями по амбразурам вражэских дзотов, чтобы показаць их артиллеристам.

В моем секторе обстрела оказались две огнэвыя точки

противника. С одной артиллеристы расправился быстро. С третьего выстрела вверх полетели остатки бревен и досок. А с другой пришлось повозиться.

Когда огневой бой стих, я увидел, как по траншее идет ко мне Иван Мякшин.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, Федор, идем, покажу тебе чудо.

— Какое еще чудо? — продолжал я допытываться.

— Идем! — настаивал Иван.

Под свист пуль и осколков мы двинулись по траншее на стык с соседней ротой. Здесь, у разбитой стрелковой ячейки, нас поджидал Михаил Егоров, молчаливый, неулыбчивый боец. Родом он был, кажется, из-под Старой Руссы.

— Ну как, Михаил? — спросил Мякшин.

— Веду паблюдение! — ответил тот.

Я посмотрел сначала на одного, потом на другого, по так и не ноаял, о чем идет речь. Мякшин осторожно пополз вперед и апаком позвал меня следовать за ним.

— Видишь? — показал он в сторону разбитого моста через реку Ижору.

— Смотри лсвее, ближе к берегу.

Теперь и я заметил. В остатках сплетения стальных балок моста виднелась небольшая площадка. На ней стоял выкрашенный в белую краску немецкий станковый пулемет. Стоило нашей пехоте показаться на льду реки, как противник моментально расстрелял бы ее.

Решаем, как будем действовать. Попробовать снять пулеметчика выстрелами? Фашисты догадаются, что рассекречены, и примут меры предосторожности. Нужно захватить пулемет без шума. Но каким образом? Михаил Егоров вызвался ночью проделать эту весьма рискованную операцию, заявив нам, что он детально все продумал. С наступлением темноты Егоров отправился на выполнение боевой задачи. Он взял с собой лишь холодное оружие. Ждали мы Михаила долго.

Наконец перед траншеей показался тяжело дышавший Егоров, он тащил с собой трофей — вражеский пулемет «МГ-34».

— А фашиста я бесшумно прикончил ножом, — как бы отвечая заранее на вопрос, сказал Михаил...

...Третий день не замирает гул сражения где-то вдали от нас. Особенно отчетливо он слышен по ночам. Что там? Кто наступает: наши или противник? Из землянки в землянку передаются разные слухи, предположения.

Сегодня к нам вернулся из госпиталя Иван Серый. В Ленинграде его «подремонтировали», отмыли, и выглядит он молоденьким новобранцем. Иван без конца рассказывает новости. А их у него много.

— После Нового года наш госпиталь опустел, — скручивая сигарку, говорит Иван. — В пашей палате осталось человек пять. А позавчера начали прибывать раненые. «Откуда?» — спрашиваем. «Из-под Восьмой ГЭС, блокаду прорываем!»

— А ты, часом, не врешь? — прерывает его Михаил Егоров. — Там же болота одни и путных дорог нет. До войны я в тех местах на торфяниках работал...

— Не знаю, друг, есть там дороги или нет. Рассказываю, что сам слышал...

Через день или два новости, которые принес Иван Серый, подтвердились. Помню, то было тревожное утро. Противник возобновил атаки. На этот раз туго пришлось нашему соседу — 133-му полку. После короткой артиллерийской подготовки фашисты бросили на его позиции танки и пехоту.

Мы тоже заняли свои места, чтобы быть готовыми ко всяким неожиданностям. Чем черт не шутит, гитлеровцы могут атаковать и наши окопы. А пока полковые артиллеристы и минометчики огнем прикрывают стык с соседом.

Я нахожусь рядом с командиром роты на наблюда-

тельном пункте. Никифоров прильнул к перископу и неотрывно смотрит, что делается на поле боя. Курит одну папироску за другой. Нервничает.

— Товарищ командир, а может, там все еще наступают, — намекаю я на бой, гул которых мы слышим по почам.

— Где там?..

— На Неве. Серый рассказывал, что наши блокаду прорывают...

— Не знаю... Может, и правда...

Но мне кажется, что ротный просто скрывает. К чему эти артылеты, коптратаки, разведка? Наверное, отвлекаем на себя? Что ж, даже когда на кулачках дерутся, такое бывает: кто послабее — отвлекает противника, чтобы сильному сподручнее было бить.

— Смотри, Федя! Смотри! — Никифоров показал мне палево, где, окутанный густым черным дымом, горел фашистский танк.

— Противник на участке левого соседа прекратил атаку, отходит!.. Да, да... Отходит! — докладывает комбату по телефону Никифоров. — Есть! Продолжаю наблюдать... Да, не беспокойтесь...

— Чего человек зря тревожится?.. Не до нас теперь фашисту, — вслух высказывает свои мысли ротный.

...Вечером вместе с пищей принесли газеты. И хотя давно уже посасывало в желудках, мы оставили котелки и слушали Казакова, читавшего сообщение Совинформбюро, в котором говорилось, что, прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до четырнадцати километров и форсировав Неву, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург, крупные населенные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липки, Рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная.

«Таким образом, — сообщалось в газете, — после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда. В ходе наступления наших войск разгромлены 227, 96, 170 и 61-я пехотные дивизии немцев, 374-й пехотный полк 207-й пехотной дивизии, 85-й пехотный полк 5-й горнострелковой дивизии, 223-й мотострелковый полк 1-й пехотной дивизии.

По неполным данным, нашими войсками взято в плен 1261 солдат и офицер...»

Николай Казаков кончил читать сообщение. Масштаб событий, цифры буквально ошеломили нас. Потом словно что-то прорвалось. Ребята закричали «ура!». Подняли стрельбу. Стали обниматься друг с другом. Нахлынувшее чувство радости охватило всех.

На шум пришли командир роты старший лейтенант Пикифоров и замполит. Узнав, в чем дело, командир сказал:

— Теперь, хлопцы, дело за нами! И мы скоро движемся...

— Пора, товарищ командир, — ответил ему Деписенко. — Надо менять стратегию. То, бачу, я ходить разучився, все бильные ползаю...

— Подожди, Деписенко, еще и бегать будешь!

Слова командира роты скоро сбылись. Еще продолжали греметь бои в районе Сянйвица и по ночам оттуда слышался далекий гул, как мы получили приказ готовиться к наступлению.

Ребята рассказывали, что от Усть-Ижоры до Колпина все запружено войсками и техникой: тапки, артиллерия, «катюши». Прибыли гвардейцы. Так что жди — будет дело!

Ночь перед боем прошла в коротком, тревожном сне. Я видел себя в атаке. И казалось, что слышу, как по всему полю катится громкое «ура-а-а!». Мы мчимся вперед. Перескакиваем через какие-то ямы, канавы. Вместе



с нами несутся на взмысленных конях кавалеристы. Я падаю, стремительно лечу с крутой горы и вдруг сталкиваюсь со здоровенным гитлеровцем. Рот его оскалился, торчат крупные желтые зубы. Он осатанело хохочет и идет прямо на меня. С размаху всаживаю в пегоштык. Я хочу его выдернуть, упираюсь в фашиста ногами, но не хватает сил. Гитлеровец падает и тянет меня за собой...

— Федька, какого черта толкаешься! — слышу голос Приходько. — Не шебаршись...

Открываю глаза. Рядом Леонтий. Он нагнулся на глаза шапку и сразу же засопел. В землячке яблоку пегде упасть. Тот, кто ухитрился занять место возле стенки, может вытянуться. Большинство же снят сидя, приваливаясь друг к другу. Слава Голубев и Иван Денисенко негромко разговаривают. Слава недавно ездил к родным в Ленинград и теперь рассказывает о своей поездке.

— Народу мало па улицах. Не то что до войны...

— Поредел, говоришь, город...

— Здорово! Я шел пешком от Московского вокзала по Лиговке, так всего человек десять встретил...

— Слышь, а правду говорят, что даже собак сли?

— Кто знает... Возможно. Раньше, я слышал, собачьим жиром от туберкулеза лечились, — не очень уверенно отвечает Голубев.

Они несколько минут молчат. Иван крутит любимую «козью пожку». Прикуривает. Бледный огонек освещает его смуглое, обветренное лицо.

— Да, натерпелся парод... Никогда не простится такое Гитлеру! Придет час, за все сполна заплатят фашисты, — как бы подытоживая свои мысли, говорит Иван.

Денисенко с интересом слушает Славу, рассказывающего, как ленинградцы встретили весть о прорыве блокады.

— Понимаешь, Иван, пришел я домой, ну, мать, конечно, обрадовалась — сын жив, здоров, а тут и соседки собрались. Прсят: расскажи, как прорвали блокаду.

Я говорю им, не участвовал в прорыве, а они свое: расскажи да расскажи.

— Эх, Славка! Нет в тебе еще настоящего понятия, хотя и комсомол, — прерывает его Иван. — Взял бы и рассказал. Ты кто для них? Соседский сын Славка Голубев? Нет! Ты для них — армия! Боец! Самый уважаемый человек!

Я слушаю их негромкий разговор и, как под журчание ручейка, снова начинаю дремать.

— В ружье! По местам! — приоткрыл дверь в землянку лейтенант Сараев.

Босвая тревога словно вихрь выметает нас из землянки.

Мы занимаем свои места. Я рядом со Славой Голубевым. Иван Денисенко и Мякшин ушли на стык с третьей ротой. Идем! Противник непрерывно освещает передний край ракетами. И снег становится то серым, то светло-голубым, то желтым. Изредка в небо летят цепочки трассирующих пуль. Кажется, они долетают до самых звезд.

Кос-где в траншеях вспыхивают огольки сигарок. По привычке бойцы курят в кулак или в рукав шинели. Зажатка махорки как-то успокаивает людей перед атакой.

Я полез в карман за бумагой для самокрутки и обнаружил два письма. Получил их накануне, да недосуг было прочесть. Одно от Вали Подьячевой из Ташкента.

Другое письмо прислала вместе с посылкой из города Ярославля неизвестная мне Галица Петровна Новикова. Она благодарила бойцов Ленинградского фронта за освобождение от блокады ее родного города. В посылку вложено пять носовых платков. На уголке каждого ярким красным шелком вышита красноармейская звездочка. Я достал платочек и полюбовался на шелковистую звездочку.

В голову невольно пришла мысль, что, наверное, и Ва-

лино письмо, и посылочка из Ярославской области теперь попали к нам по цовой дороге. И хотя, рассказывают, узкий коридор отвоевали у фашистов, но все же это крепкая нить, которая связывает Ленинград со страной. Небось поезда день и ночь идут.

Только этот коридорчик — полдела. И вот теперь нам предстоит наступать — расширять прорыв...

Мои размышления прервал Сараев. Он верпулся от командира батальона. Брови пасуплены. Злой.

— Связной, командиров отделений ко мне! Шевелись!..

Таким я нашего лейтенанта видел впервые. Обычно он спокоен и нетороплив, а сейчас прямо бочка с порохом, — того и жди, взорвется.

— Через два часа тридцать минут начнется артподготовка, — сказал Сараев, когда собрались командиры отделений. — В наступление пойдут сто тридцать третий и четырнадцатый полки...

— А мы?.. — вырвалось у кого-то.

— Не перебивать! — вскинул Сараев и, немного успокоившись, продолжал. — Мы покуда на месте. Обеспечиваем фланг дивизии...

Я слушаю, и где-то в глубине души растет надежда, что и мы пойдём вперед. Мысленно рисую путь нашего наступления. Хорошо бы к вечеру добраться до темнеющего вдаль Павловского парка. Сколько до него километров? Десять? В мирное время за два часа с перекурком махнул бы! Там, говорят, огневые позиции гитлеровских артиллеристов. Мы часто видим, как орудийные зарпцы освещают небо.

Начинает светать. Скоро! Слегка пробирает нервная дрожь, стараюсь отвлечься, шучу с товарищами.

И вот воздух сотрясает невиданной силы грохот. Мглистую дымку прорезают огненные стрелы «катионы». Сотни, тысячи снарядов и миц обрушиваются на вражеские позиции. Артиллерийская подготовка продолжалась не ме-

нее часа, и мне казалось, что вот-вот земля разверзнется подо мной.

В небо взлетели три красные ракеты. Началось!

Яростным стрекотом заились на флангах станковые пулеметы. Заговорили артиллерия сопровождения пехоты и минометы. На наших глазах исчезали остатки снега. И всюду, насколько хватало глаз, виднелась черная, развороченная, дымящаяся от огня и металла земля.

Из траншей поднимались роты и батальоны. Захлопали винтовочные выстрелы, застрекотали автоматные очереди.

Достигнув пейгравальной полосы, бойцы перемахнули через остатки проволочных заграждений. И вот они уже в первой траншее противника. Сопrotивления почти никакого, — видно, враг ошеломлен мощным артиллерийским огнем. Изредка постреливают отдельные огневые точки. Полки продолжают продвигаться.

Но вот откуда-то издалека ударили гитлеровские орудия. Спаряды стали рваться в боевых порядках наступающих. Досталось и на нашу долю. Недалеко от меня прожужжали осколки. Появились первые раненые. Некоторые из ходячих попадали на участок нашего полка. Как сейчас вижу: идет по направлению к нам боец в полушубке, без шапки. Часто приостанавливается, придерживает руками живот и одпообразно тянет: «Санитара, санита-ра-а...»

Подошел ближе. На лице ни кровинки. «Санита-ра-а...» — и повалился возле меня на снег.

Я расстегнул его полушубок. Сбоку на гимнастерке бурое пятно.

— Бит есть?

— Возьми в противогазе... — еле выговорил он.

Ко мне подбежал Голубев. Мы быстро перевязали раненого. На его счастье, рана, видно, была неглубокой.

— Ничего, друже, кишки целы! — успокоил я бойца. — Ползи к церкви. Там наш лазарет.

Батальонный медицинский пункт, которым командовала ленинградская девушка фельдшер Лида Иванова, находясь в подвале разбитой до основания ям-ижорской церкви. Несмотря на то что он размещался буквально на самой передовой — лучше и прочнее укрытия вряд ли можно было найти. Толстые стены церковного подвала даже при самых сильных обстрелах служили надежной защитой для раненых.

Лида постаралась в своем медпункте устроить настоящий маленький госпиталь. Как мне помнится, врачи из полкового лазарета ухитрились делать здесь срочные операции и спасли жизнь многим бойцам.

...Сопротивление противника нарастало. Завязывались рукопашные схватки в траншеях. Ожили пулеметные огневые точки. Фашисты подтянули артиллерию и минометы и били с высот по нашим подразделениям, которые оказались на ровной, открытой местности. С каждым часом редели цепи наступающих.

Оставшиеся бойцы все больше скатывались в долину реки Ижоры. Народу в ложине оказалось как на базарный день. Одни идут вперед, другие возвращаются назад. Поднатужившись, катят свои «сорокапятки» пушкари, меняют позиции пулеметчики, тянут «нитки» связисты. По-над самым берегом бредут раненые.

Над нашими головами закружила «рама». Лейтенант Сараев сказал:

— Ждите теперь, хлопцы, стервятников!

Он не ошибся. Вскоре появились немецкие бомбардировщики. Они шли группами в направлении Колпица, где находились огневые позиции артиллерии и гвардейских минометов. Наперерез им вылетели наши «ястребки», заклонали зенитки. Теперь и в небе стало жарко.

Одна из групп «юнкеров» отбомбила боевые порядки соседа. Но, наверное, большого ущерба не причинила. Фашистские бомбы рвались большей частью там, где подразделений почти не было.

Голубева и меня лейтенант все время держит при себе. Он указывает нам цели, которые надо уничтожить или хотя бы подавить. Мы ведем прицельный огонь по пулеметным точкам противника. И я еще раз убеждаюсь в силе снайперского огня.

Находились такие, которые говорили, что снайпер прежде всего пужен в обороне, а в наступлении ему и делать нечего. На самом же деле все зависит от того, как командир тактически грамотно использует снайпера и как тот сам подготовлен.

Соседние полки продолжают успешно продвигаться вперед. Командир полка майор Попов решил, используя успех соседей, улучшить наши позиции — очистить от противника юго-западную окраину Ям-Ижоры.

Конечно, солдату не положено знать весь замысел командира полка, но свой «маневр» — обязательно. Мне и Голубеву Сараев поставил задачу: действовать на правом фланге. Я приметил невдалеке кирпичные развалины, и мы решили занять там огневую позицию.

— Смотри! — вдруг толкнул меня в бок Голубев.

— Вижу...

К этим же развалинам, но с противоположной стороны, пригнувшись, подбирались до взвода вражеских солдат. Чуть прозевай — и мы попали бы к ним прямо в лапы.

— Славка! Давай топай вправо... — командуя напарнику.

План у меня простой: зайти во фланг врагу, выбрать удобную позицию и открыть огонь по фашистам с расчетом побольше вывести их из строя. А затем, воспользовавшись их паникой, быстро отойти.

Пробираемся по только что отбитой у противника траншее. На дне траншеи лежат убитые вражеские солдаты, валяются каски, брошенное трофейное оружие. Хочется поближе разглядеть немецкие автоматы, но сейчас не до них. Стараемся не упускать из виду фашистов.

За изгибом траншеи — блиндаж. Слышу чья-то голоса. «Вот черт, час от часу не легче...» — мысленно ругаю себя за решение идти к кирпичным развалинам. Знаком остаиваю Голубева. На всякий случай приготавливаю гранату и подхожу поближе к блиндажу.

Резко открываю дверь. Со света трудно разглядеть, кто в блиндаже, просто вижу два силуэта.

— Хейде хох! — выпаливаю единым духом.

— Чего орешь? Не видишь, свол...

Узнаю бойцов из нашей роты.

— Коська, ты? Чего вы тут делаете?

— Да вот с другом решили подзаправиться...

— Сейчас тебе будет «занравка!» Выдь посмотри, сколько гитлеровцев сюда движется.

Бойцы выскакивают из блиндажа, чуть приподнимаются над бруствером.

— Мать честная! Да мы их сейчас... — горячится Костя, устанавливая свой ручной пулемет.

— погоди! Занимай ту ячейку, — показываю ему на ближайшее гнездо, — а мы с Голубевым выдвинемся правее... Дам сигнал рукой — открывай огонь. Понял?

Мы быстро нашли укрытое местечко. Я махнул ребятам рукой. Костя ударил по фашистам короткими очередями, а мы со Славой стали разряжать обойму за обоймой. Попад под перекрестный огонь, вражеские солдаты заматились и, оставив несколько трупов, отошли.

...Мы получили приказ: окопаться! Роем в фашистских траншеях новые стрелковые ячейки, ходы сообщений, «лисы норы». Куда ни ткнешь лопатой — всюду вода. Хотя по всем признакам местность не болотистая. Меня не покидает мысль: неужели кончилось наше наступление? Продвинулись всего с «гулькин нос»... И я прислушиваюсь к гулу боя снова. Там непрерывно бьет артиллерийский огонь. И линия фронта, как стальная пружина, все больше выгибается к Красному Бору.

С пастушеским темноты появились старшины, подоски пищи. Мы получили разом и обед, и ужин. Осторожно, стараясь не пролить ни одной капли, разливаем по кружкам фронтные «сто грамм», которые весьма кстати: погода окончательно испортилась, сверху моросит не то дождь, не то мокрый снег.

Командир роты вместе с замполитом обходят бойцов, проверяют, как закрепились на новых позициях, идет переформирование взводов и отделений. Народу осталось негусто. Особенно в третьем взводе. Да и немудрено, весь день была пастоящая «мясорубка». У меня до сих пор стоят в ушах крики и стоны раненых.

Ночью я встретил помощника начальника политотдела дивизии по комсомолу капитана Савицкого. Полушубок на нем был неопределенного цвета. Сапоги до самых колен в глине. Под глазами темные круги — след бессонной ночи.

— Откуда, товарищ капитан? — остановил я его.

— Федя! Дьяченко! — обрадовался он.

— Ага, признали! Где это вы были?

— Ой, не говори! В сто тридцать третьем... — Он махнул рукой и сел на снег. — Попить не найдется?

— Слава, что там есть у тебя во фляжке?

— Чай холодный, — огорченно развел руками Голубев.

Савицкий и я рассмеялись. Слава понял все в другом смысле, он решил, что я хочу угостить капитана чем-либо покрепче.

Савицкий с жадностью сделал несколько глотков.

— Может, и подзакусите? — предложил я.

— А есть что?

— Пойдем! — И тут же я с ужасом подумал: «У нас, кроме сухарей, ничего нет, а человек, видимо, голоден».

И побежал искать Цибулькина. У связного командира роты наверняка «в сидоре» что-нибудь найдется.



Предположение мое оправдалось. Запасливый и расторопный Цибулькиш нашел полбанки консервов и несколько галет.

Подзаправившись, Савицкий рассказал, как идут дела у наших соседей.

— Днем противник стал контратаковать батальон четырнадцатого стрелкового полка, — говорил капитан. — Положение создалось критическое. Комбат запросил подкрепление. А откуда его взять? И вот в эту минуту выручил батальон старший сержант Курицын. Он выбрал удачную позицию и стал поливать свинцом фрицев. Десятка два, не меньше, уложил...

Я искренне порадовался за товарища. Ничего не скажешь, здорово бьет фашистов балтийский матрос.

— А как Дима Коробко воюет? — спросил Голубев.

— Отлично! Гитлеровского офицера уничтожил и в трагичнейшем бою отличился.

Я вспоминаю, как два месяца назад этот черпоглазый хлопек на дивизионном собрании снайперов говорил о том, что под Ленинградом он воюет за родную Украину, где осталась его семья.

На том собрании присутствовал и Василий Павлович Георгиев, которого мы пазывали «снайперским» корреспондентом. Он заинтересовался рассказом Коробко и написал о нем в «Боевой красноармейской».

Коротенькая заметка обрадовала Дмитрия. Он носил ее в кармане вместе с комсомольским билетом. Однажды сказал мне, что эти десять газетных строчек для него так же дороги, как и медаль «За оборону Ленинграда».

«Буду жив, нехай батько подывиться, як я воевал за Питер!» — с гордостью говорил Дмитрий Коробко.

К сожалению, не знаю, какова дальнейшая судьба этого скромного паренька. Удалось ли ему исполнить свою мечту? Встретил ли он своего батьку? Хочется, чтобы все сбылось, как думал боец.

...Гитлеровцы подбросили свежие силы и на рассвете, после короткой, но сильной артподготовки, контратаковали наши босвые порядки. Они решили во что бы то ни стало вернуть утраченные позиции. Завязался ожесточенный бой. Мы еле сдерживали натиск врага. Активно помогали нам артиллеристы и минометчики. Они создали настоящую стену огня. И все же кое-где гитлеровцам удалось подойти к нашим окнам настолько близко, что брошенные ими ручные гранаты на длинных ручках наши бойцы ловили на лету и перебрасывали обратно.

Часа через полтора фашисты отошли, понеся потери. Наступило затишье. Ох уж эта фроштовая тишина! Мы знаем, какой коварной она может быть. Командир роты приказал нам не покидать стрелковых ячеек и быть на чеку. Это необходимо, потому что активных штыков в роте осталось немного, а оборону мы заняли как при полном составе, рассредоточив имеющиеся силы по всему участку.

Меры, принятые старшим лейтенантом Никифоровым, оказались не лишними. Днем фашисты начали пакапливаться для новой контратаки. От укрытия к укрытию продвигались вперед вражеские автоматчики. Ветерок доносил глухое урчание танков.

В оптический прицел мне удалось рассмотреть офицера, примостившегося с биноклем в руках среди остатков кирпичного дома. Я еле-еле сдержался, чтобы преждевременно не выстрелить. Бить надо наверняка. Вывести из строя офицера — нарушить управление боем — было важнее, чем уничтожить десяток гитлеровских солдат.

— Стреляй, Федя! — взволнованно шепчет Голубев.  
— Не торопись, друже...

Осторожно приподнимаю ствол винтовки повыше над бруствером. И снова ловлю офицера на «пенек» прицела. Проходит еще минута-другая. «Когда же фашист будет

виден получше?» — думаю с досадой. Но вот он поднялся из-за укрытия...

— Стреляй! Видишь, уходит... — торопит меня Слава. Да, теперь в самый раз остановить головуреза. Стреляю! Офицер, нелепо взмахнув руками, падает.

— Молодцы, хлопцы! — кричит Никифоров.

Теперь перестрелка, грохот разрывов слышатся уже где-то на левом фланге роты. Видимо, гитлеровцам удалось спрятать наше охранение у моста через Ижору, и они заходят в тыл роте.

Но старший лейтенант Никифоров спокоен и сдержан. Осиншим, простуженным голосом он отдает команды, разговаривает по телефону. На его посревшем от бессонных ночей лице лихорадочный румянец. Глаза блестят. Но не суетится, не повышает голоса. Командир роты принимает решение: один взвод послать на правый фланг, чтобы отвлечь внимание противника, а двумя другими ударить в лоб фашистам. План простой и смелый, а потому удачный. Короткая схватка — и гитлеровцы в беспорядке снова отходят.

К вечеру контратаки затихают. Кончился еще один день войны. В небо взлетают десятки ракет, освещая мертвенно-бледным светом землю. Изредка, словно спросонья, короткой очередью полоснет где-то автоматчик. В ответ ему прострекочет пулемет. И снова на передовой тишина.

...На исходе неделя ожесточенных боев, непрерывных контратак противника, траншейных схваток. Лица бойцов и командиров почернели, заострились. Почти не слышно шуток, смеха. Рже стали разговоры. Нелегко даются бои «местного значения». Но война — это не только сражения фронтов и армий. Это прежде всего атаки рот и батальонов, взводов и отделений, борьба за высоты и траншеи, огневые поединки спайсеров и артиллерийские дуэли. Война — это повседневно тяжелый и опасный труд.

## ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА КОМСОРГА

Наступление кончилось. Мы снова засели в обороне. Продвинулись не так далеко. Войска 55-й армии освободили Красный Бор, Старую Мызу, Чернышево, станицю Поповку, овладели окраиной деревни Степановки. Почти все эти населенные пункты существуют только на командирских картах. На местности — одни развалины.

В солдатских разговорах перед наступлением наш путь рисовался куда более успешным. Николай Бороздкин мечтал дойти до Луги. Это всего каких-то сто пятьдесят километров от Ленинграда. Там у него мать и две сестренки. Полтора года от них никаких вестей. Маялся и тосковал Николай страшно. Но так и не дошел. Погиб на малоизвестной речке Ижоре.

Да разве он один не дошел! Убит Слава Голубев, наш комсорг.

— Это случилось вчера. Накануне Слава был еще с нами. Мы ели из одного котелка шинную кашу. И спорили, кому выскребать остатки. Слава смешно надувал щеки, фыркал и серьезным тоном говорил: «Ух, как я наелся!» А я знал, что это он все выдумывает. Ничего он не наелся. Просто хочет, чтобы мне перепала лишняя ложка каши. Просто он настоящий парень...

Я вспоминаю все, что знаю о своем друге. А знаю почти все! Потому что нигде так близко, как на войне, не узнаешь человека. Здесь, на огненном рубеже, он был у всех на виду. Весь его характер как на ладошке: была в нем и смелость, и что-то от детской застенчивости, и чувство товарищества, справедливости...

Помню, пришел Слава Голубев на фронт добровольцем, блокадным мальчишкой. Ростом пониже, чем я. Худенький, каждую жилку, каждую косточку видно. И лицо белое, чистое, ни разу бритвой не тронутое. Только глаза

не по летам серьезные. Верно, за свои семнадцать вёсеп многое успели повидать.

Поначалу хотели в штабе полка писарем оставить. Куда, мол, такого пацаана на передовую посылать! Парень грамотный, да и место было. Слава, как репей, прицепился к комиссару полка, и уж не знаю как, по сумел уговорить Царева отпустить его в батальон.

...Однажды Николай Казаков сообщил мне:

— Завтра на передовую не пойдешь.

— Почему?

— Собрание комсомольского актива полка будет.

Утром я побрился, подшил свежий подворотничок. Вместе с друзьями отправился в Колпино. На собрании со мной рядом сидели Денисенко, Голубев, Казаков, Кочубей, Жебрыков. Перед нами выступил командир полка.

Не помню сейчас в подробностях его доклада. Но письмо, которое он зачитал, больно задело за сердце. Ленинградские женщины рассказывали о варварском обстреле фашистами города, о гибели детей, о разрушенной школе и тяжелораненой учительнице.

Сидевший рядом Слава Голубев сдавленным голосом прошептал:

— Этого не может быть! Я же учился в той школе...

И на его глазах заблестели слезы. Он крепко сжал мою руку, словно искал опоры.

Один за другим выступали комсомольцы. Вышел вперед коренастый Иван Денисенко, расправил и без того широкую грудь. Рывком растянул на гимнастике верхнюю пуговку, будто воздуха не хватало.

— И у меня горе, друзья, — покашливая, начал он говорить. — Дочиста спалили вороги наше село Пустовитово... Угоняют в неволю хлопцев и девчат... Вот мое слово — каждую пулю фашисту в лоб!

Коротким и четким было наше решение: «Повседневно овладевать мастерством ведения огня из личного ору-

жня. Не давать пощады врагу. Каждому комсомольцу в течение месяца открыть личный счет мести».

На другой день мы отправились на позиции. Идем по зигзагам трапшей. Выбираемся к ивняку, иссеченному осколками снарядов. Ползем по росистой, холодной траве. Пока не рассеялся туман, надо добраться до своих ячеек, в них мы заляжем на несколько часов.

Не первый раз мы проходим, вернее, переползаем этот клочок земли. Ориентируемся по знакомым предметам. Вот валун, выщербленный пулями и осколками. Гитлеровцы сутками били по нему, чтобы накрыть нашего снайпера. Чуть поодаль — молодая березка с начисто срезанной снарядом верхушкой. А правее — папа спайперская ячейка. Слава Голубев искусно ее замаскировал.

Помню, произошел такой забавный случай. Перед рассветом мы заняли в ячейке свои места. Ждем, пока развиднется, и незаметно задремали. В это время полковые саперы подправляли минные поля на «нейтралке» и теперь возвращались домой. И вдруг один из них, как куль с овсом, свалился мне на спину. Я очнулся и машинально схватился за гранату.

— Степан, тут, кажись, живые! — слышу над ухом испуганный густой бас.

Растерявшись, сапер хотел было вскочить на ноги.

— Ложись, дура! — прикрикнул я на него. — Ты что, ослеп?

— Да хрен разберет тут... Бугор и бугор...

— Сейчас промою глаза! — продолжаю отчитывать педзадачливого сапера. — Давай-ка шагай отсюда...

В серой дымке пачавшегося рассвета противник мог заметить папу возню, и тогда пини пропало: пришлось бы покинуть ячейку. Сапер цопя это и скользнул влево. Славка лежал рядом и давился от смеха.

— Во маскировка! — он показал большой палец.

Я потираю шею и теперь уже шутливо ворчу на Голубева. Дескать, он виновник случившегося.

В тот день мы пятерых фашистов упиштожили. И Слава возвращался в роту в хорошем настроении. Он мне говорил:

— Зпасшь, я раньше не представлял, как это можно человека убить. А теперь вижу перед собой не человека, а дикого, бешеного зверя. Думаю о том, как он опасен для людей. Думаю, сколько он может причинить зла. И стараюсь не промазать...

В другой раз моим напарником был Казаков. Метрах в ста от нас расположились Голубев и Денисенко. Мы осторожно ставим винтовки на упоры. Берем на прицел землянку, из которой доносится стук топора. Проходит час, другой — фашистов невидать.

Николай предлагает сменить место:

— Чего время зря терять!

Но вот за бруствером показалось... бревно.

— Двигается... Видишь? — спрашиваю Казакова, а сам держу палец на спусковом крючке.

— Вижу... Смотри!

Едва над бруствером появилась пилотка, Николай выстрелил. Бревно «клюнуло». Второй солдат неосторожно приподнялся над бруствером, и в этот момент его сразила моя пуля.

В траншее противника начался перешолох. До нас донесли крики, гвалт. В ярости фашисты стали бить из минометов. Над нами, шипя, пронеслось несколько мин.

Суматохой воспользовались Денисенко и Голубев. Они вели огонь вдоль вражеской траншеи. И я радовался, вспоминая слова Вячеслава: «Я этим гадам за папу учительницу, Аппу Николаевну, никогда не прощу!» Слава мстил за пролитую кровь своей первой учительницы, за родной город. Он нежно и как-то самозабвенно любил его. Очень удивлялся, как это я, столько посздивший по стране, ни разу не был в Ленинграде.

— И фонтаны в Петергофе по видел?!

— Не видел!..

— Ой, ребята, и какие это были фонтаны! — И увлеченно начинал рассказывать о петергофских фонтанах. Лицо его розовело, глаза блестели, словно он находился не во фронтовой землянке, а там, в Петергофе.

Мы сдвигались поплотнее друг к другу и слушали.

— Вы бы только видели, какая красотища «Самсон»! Весь будто из золота... На солнце так и горит! Глазам смотреть больно... Он стоит и раздирает пасть льву, а оттуда фонтан бьет. Высоко, высоко!..

Я никогда не видел эти фонтаны, дворцы, парки, и в моем воображении они рисовались какими-то сказочными и волшебными.

— А кто он такой — Самсон? Царь какой или еще кто? — спрашивает Иван Денисенко.

— Никакой не царь, а древний полководец!

— Слушай, а где сейчас твой «Самсон»?

— Не знаю. — Лицо Славы темнеет. — Там враг... Последний раз я с батькой был в Петергофе перед войной...

Мы молчим.

В небольшой печурке потрескивают дрова, и бледный отблеск освещает солдатские лица. Прислушиваемся к вьюге, которая разыгралась некстати, и теперь опять придется чистить трапезю. Вполголоса напеваем нашу любимую песню:

Бьется в тесной печурке огонь,  
На поленьях смола, как слеза...

Вспоминаем юность, довоенные годы. Они кажутся далеким-далеким прошлым...

Я достаю из кармана гимнастерки фотокарточку Валентины и при мерцающем свете долго разглядываю ее.

— Слава, а у тебя кохапа дивчпна была?

— Нет, Федя, — он краснеет, словно виноват, что еще не успел полюбить. — То есть была, только она про то не знала...

Я гляжу на его мальчишеское лицо с серьезными,



строгими глазами и думаю: «Как же ты, хлопчик, еще мало пожил, повидал...»

Потом Голубева назначили комсоргом роты. И парень как-то сразу повзрослел. Не так просто быть ротным комсомольским вожаком. Комсорг как бы правофланговый — по нему остальные равняются, — и Слава это хорошо понимал. Ему до всего было дело. Если надо, правду-матку любому в глаза скажет. И шкото не обижался, что-де, мол, Славка в «начальство» лезет.

Как-то вернулись Вячеслав и Денисенко с позиции. Голубев поставил в угол винтовку, подсел к огоньку и стал греть озябшие руки. По лицу видно — что-то произошло. Отогрелся, снял полушубок, а с лица так и не сходит хмара. Чем-то расстроен парень. Мы его ни о чем не расспрашиваем, ждем, когда сам расскажет.

Замечаю, что-то и Иван Денисенко притих, и уж больно старательно чистит винтовку. А сам изредка поглядывает на Голубева и, видно, тоже ждет, что скажет комсорг.

Слава сел на нары и спокойно сказал:

— Защиши, Федя, сегодня Иван Денисенко убил двух гитлеровских солдат.

— Иван уже сказал...

— Поторопился... Молодец против овец, а волка отпустил...

— Ну, поехал... Заело, что ли?.. — поднял голову Иван.

— Да, заело!

— Расскажите толком, что случилось? — Я поглядываю то на одного, то на другого, не понимая, почему Слава так рассердился на Денисенку.

Через несколько минут все выяснилось. В траншее противника возле дороги на Пушкин появилась группа гитлеровцев. Слава заметил среди них офицера, но выстрелить не успел. Он сказал Ивану, чтобы тот не торопился, надо подождать, пока покажется гитлеровский

офицер снова. Деннсенко не удержался и открыл огонь. Потеряв двух солдат, фашисты больше не показывались.

Так, сам собой, начался у нас разговор о снайперской выдержке, о снайперской тактике. Мы заставили каждого задуматься над тем, как снайпер должен разумно использовать огонь своего оружия. Прежде всего уничтожать важные цели: офицеров и наблюдателей противника, его огневые точки.

Словом, смекалистый был комсорг, хотя и моложе всех.

...Шли бои местного значения. Войска 55-й армии продолжали укреплять свои позиции, отвоевывать у противника новые рубежи. И командованию необходимо было знать, с какими силами врага придется иметь дело, знать точно передний край его обороны, систему огня.

Ответ на эти вопросы могла дать разведка боем — атака! Только наступление могло заставить противника демаскировать новые огневые точки, которые молчат до самого критического момента, прикрывают самые важные рубежи.

Все это должна была сделать наша стрелковая рота, приняв на себя всю мощь удара противника. И чем сильнее будет этот удар, тем меньше будут нести потерь другие роты и батальоны. Вот что такое разведка боем!

Выполнение поставленной задачи началось на рассвете. Участок наступления для разведки боем командир роты выбрал за развилкой дорог в Ям-Ижоре. Там проходил стык гитлеровских подразделений, и во второй трапезе противника находился блиндаж.

Полковые саперы сделали проходы в минных полях, разрезали колючую проволоку. После короткого артиллерийского налета мы поднялись в атаку.

Дружно перемахнули через бруствер, прошли «пейт-

ралку». Теперь осталось сделать еще один рывок — метров сто — сто пятьдесят, и мы у цели.

Заговорили вражеские пулеметы. Один из них мы с Приходько быстро «успокоили». И вдруг справа косоприцельным огнем по роте стал поливать крупнокалиберный пулемет. Бойцы залегли. И никакая сила не могла оторвать их от земли. Командир роты до крови кусал губы. Сейчас немец ударит минометами, и тогда мало кто вернется назад.

— Огня! Давай огня! — не своим голосом кричит в черную телефонную трубку старший лейтенант Никифоров. И тут же швыряет ее телефонисту. — Связь прервана... Мигом на линию...

И вот кто-то поднялся, кто-то переборол страх, взмахнул автоматом и рывком побежал.

— Комсорг впереди! — пронеслось по цепи.

Один за другим бойцы поднимались в атаку.

Недолго длился этот бой. Гитлеровцы не успели отсечь роту артиллерийским огнем. Они начали обстрел, когда мы вместе с «языком», белокрысым фашистским фельдфебелем, были уже в своей трапезе.

Он ошалело водил глазами по сторонам, рукавом грязной шинели вытирал лицо... Весь его вид внушал чувство отвращения. Но нам было не до него. На плащ-палатке лежал Слава Голубев. Лицо его, как мне казалось, стало еще белее.

Мы смотрели на нашего комсорга, и никому не хотелось верить, что это была его последняя атака.

...После войны я разыскал семью Славы Голубева. Она жила на улице Черняховского. В небольшой чистенькой комнате меня встретили его отец и мать. Тихонько плача, мать рассказывала о сыне — как он рос, учился в школе, как ушел на войну...

Я молчал. Да и вряд ли есть такие слова, которые могли бы утешить материнское горе, высушить материнские слезы.

## И К НАМ ПРИШЛА ВЕСНА

После дружного таяния снега и дождей по нашим трапшеям «ни пройти, ни проехать». Мы без конца черпаем проклятую воду, роём колодцы, укрепляем стенки трапшей. Единственное и лучшее спасение — запасная пара сухих портянок. И все же весна радует. С каждым днем заметнее ее наступление. Все сильнее пригревает солнышко, все позже опускается оно за горизонт.

Навстречу весне пробуждается природа. Собрав соки, выгнала молодые побеги изувеченная осколком белоствольная березка. Яркой зеленью покрылись мятные поля. Взрывчатка, в которую входит селитра, — прекрасное удобрение. И теперь для зоркого солдатского глаза без всяких схем видно, где стоят мины.

Ко мне в гости зачастила полевая мышка. Крохотной зверюшке нег дела до войны. Она прибегает к моей ячейке и ждет своей порции хлеба. Получив, моментально съедает его и потом тщательно, долго умывается. А затем отиравается на весь день по своим делам.

Короткой стала солдатская ночь. Только сомкнешь глаза — и уже надо подниматься, иначе к снайперской ячейке и не доберешься. Свой окопчик я «подвинул» поближе к противнику. Рискованно, зато сектор обстрела широкий. Кроме основной огневой позиции, устроил еще несколько запасных. На опыте убедился, что снайпер не должен быть привязан к одному месту. Если долго будешь засиживаться, то сам станешь мишенью для врага. Из-за этого погибли многие наши товарищи.

Рядом с моей ячейкой окоп Кочубей. Теперь мы почти каждый раз действуем вместе. Николай бьет фашистов из выптовки и из ротного 50-миллиметрового миномета.

...День начался сегодня удачно. Кочубей, заметив скопление противника, ударил из своего миномета. А я,

воспользовавшись суматохой у фашистов, успел снять из своей «снайперки» четырех.

Гитлеровцы разъярились и открыли бешеный огонь. И нам ничего не оставалось другого, как только сменить позицию — перейти на запасную. Здесь мы в безопасности. Лежим, переживаем, пока вся эта пальба кончится, тихо разговариваем.

Кочубей вспоминает, как в эту пору пустело село — все выходили в поле. После долгой зимы люди работали с необыкновенным упорством. С утра до вечера над полями звенели песни... И эти весенние дни были похожи на праздник.

— Слухай, Николай! — спрашиваю я своего друга. — А что ты часто стал пропадать в Колпино?

— Та все дела... То в боепитание надо пасчет прицелов, то в штаб...

— А! Я-то думал, не перенес ли ты часом свои огневые в Колпино? — с лукавничкой смотрю на Кочубея.

Он рассмеялся:

— Ой, Федько, и хитер же ты!.. Бывает, конечно, и к Катюше заскочу... Знаешь, какая она дивчина!.. — Его смуглое, обветренное лицо светлеет, появляется улыбка.

...С Катей Юганцевой мы познакомились еще осенью. Как-то я и Кочубей случайно зашли в колпинский продовольственный магазин на улице Ленина. Кажется, он был в то время чуть ли не единственным в городе.

За прилавком стояла молодежькая симпатичная продавщица в белом халате.

— Вам чего, товарищи? — обратилась она к нам.

Мы посмотрели на полки, уставленные красивыми коробками, банками из-под продуктов, теперь служившими привлекательной бутафорией, и развели руками — знали, что в блокадном городе продуктов в магазине давно уже нет, а если что-либо и привозят, то все продается строго по карточкам. Но уходить нам все же почему-то не хотелось.

Она повторила вопрос, улыбнулась, и на ее лице появились ямочки. Николай неожиданно спросил девушку: не найдется ли у нее попить, хотя, как я помню, день был пасмурный.

— О! Этот товар мы продаем без карточек... Минутку! — Она на секунду скрылась за дверью и вернулась к нам с двумя стеклянными банками, наполненными светло-зеленым настоем хвои, самым распространенным в осажденном Ленинграде напитком. — Пожалуйста, вам витаминны!..

Мы поговорили о каких-то пустяках с приветливой продавщицей, поблагодарили ее и ушли. Но случайное знакомство оказалось не бесследным для моего товарища. Николай Кочубей, когда выдавался случай бывать в Колпине, старался выкроить минутку и заглянуть к Кате.

Наша знакомая жила в двухэтажном кирпичном доме возле колпинского пруда. Дом был приметный, видел чуть ли не от самых наших окон. Рядом с ним находились огневые позиции артиллеристов. И когда они открывали огонь, старая кровля жалобно дребезжала.

Благодаря такому соседству, вся земля вокруг дома изрыта воронками. А на его стенах столько отметин и щербин от вражеских пуль, осколков бомб и снарядов, что просто невозможно и сосчитать.

В окнах дома давно уже нет ни одного целого стекла, они забиты кусками фанеры и жестью. И казалось чудом, как этот старый кирпичный дом уцелел среди развалин и пожарниц.

Иногда мы заходили к Кате вместе. Она познакомила нас со своей матерью, исключительно приветливой, простой русской женщиной. Паталя Николаевна всегда была рада гостям, но искренне огорчалась, что потчевать их в то суровое время было нечем. И чтобы как-то сгладить неловкость, которую испытывала при наших посещениях хлебосольная хозяйка, мы старались прихватить с собой что-нибудь из наших пайков. На столе появлялся старин-

ный медный самовар, и мы пили чай, заваренный на каких-то листьях.

С Катей и ее матерью жили мальчик лет одиннадцати и девочка лет четырех. Помню, когда я увидел их впервые, меня поразили грустные, не по-детски серьезные лица, особенно у Толика. Мальчик вначале нас дичился, настороженно прислушивался к нашим разговорам с Катей. Зато его лицо оживлялось, в глазах появлялись огоньки, когда он слушал наши рассказы о спайперской «охоте», о действиях разведчиков.

Девочка, ее звали Нина, была более общительна и ласкова. И мы скорей подружился с ней. Она была очень худенькая. Как-то я взял ее на руки и вадрогнул от неожиданного ощущения невесомости ее тела. Мне показалось, что своими руками, привычными к грубой и тяжелой работе, я причиняю девочке боль.

Толя при нас обращался к Кате как-то безымянно. Нина иногда пазывала ее «мамой». Кто она им? — не раз спрашивал я себя. Спросил об этом и Кочубся. Он рассказал мне трагическую судьбу ребятешек.

Это случилось осенью срок первого года. Гитлеровские войска вышли на подступы к Колпину. Снаряды и бомбы рвались на улицах города и ближайших поселков. Катя с матерью из Московской Славянки, где они жили до войны, перебрались в землянку, вырытую на колпинской окраине. В поселке оставалась семья ее сестры.

Однажды по каким-то делам сестра с мужем и ребятами отправились в Колпино. Шли по шоссе. Дети — Толя и Нина — убежали вперед. Неожиданно раздался свист снаряда. И в одно мгновение ребята остались сиротами.

Вместе с матерью Катя приютила детей, лаской и заботой согрела ребятни души, заменила им родителей. В трудную блокадную зиму, отдавая им последний кусок хлеба, спасла их от гибели. Это был ее подвиг. Может быть, скромный, не такой заметный, как подвиг солдата,

сражающегося с врагом, как подвиг рабочего, удваивающего и утраивающего выпуск продукции для фронта, но тоже подвиг во имя будущего.

Вот почему я несколько отвлекся от темы моего повествования и рассказал о колхозной девушке Кате Юганцевой.

...Гитлеровцы еще немного побушевали и прекратили обстрел. Я взглянул на Кочубей. Он продолжал о чем-то думать, покусывая сорваную былинку. Отбросив ее, Николай решительно повернулся ко мне.

— А знаешь, Федя, я жениться решил! — чуть взволнованным голосом сказал он.

— Сейчас, что ли, надумал?

— Я серьезно, без шуток... Хочу всю жизнь быть с Катей, — продолжал Николай.

Какое-то ревнивое чувство, как червячок, зашевелилось у меня внутри. Да и разве время сейчас думать о женитьбе! Все это казалось неправдоподобным, несожиданным...

— Люблю я ее... Разве война может помешать понастоящему полюбить?

Я посмотрел на него и понял: нет той силы, которая могла бы отнять у него найденное счастье. В жестоких битвах не огрубело солдатское сердце.

Когда начало смеркаться, мы отирались к себе. После ужина Кочубей достал из полевой сумки самодельную записную книжку. Подсел поближе к огоньку и стал что-то записывать. Я рядом читал газету. Потом отложил ее в сторону. Меня заинтересовало, что так старательно он пишет.

— Мыкола, що ты целую годыну пишешь, як письменник?

— Да так, разные заметки... Жив буду — интересно после войны почитать, что делал на фронте.

— Покажи, если не секрет...

Николай передал мне книжку. На ее обложке из се-



рого картона было аккуратно выведено черпилами: «Дневник боевых будней. Лейтенант Н. Кочубей. 1943 г.».

2 мая. Целые сутки находился на наблюдательном пункте у разбитой церкви, недалеко от моста через реку Ижору. Вел наблюдение за противником. У него появились две новые землянки. Рано утром из них валил дым. Обнаружил также траншею, по которой немцы подносили боеприпасы и пищу в термосах.

3 мая. На наблюдательном пункте находился командир роты Щуклин. Я рано утром вышел на «охоту». Выбрал место на нейтральной полосе, рядом с глубокой воронкой, и стал наблюдать за траншеей, по которой фашисты подносят пищу. Появился солдат с термосом. Шел не снеша, как по своей земле. Взял его на прицел и уложил с первого выстрела.

Вскоре к нему подошли двое солдат. Здесь их и настigli мои пули. Противник засек меня и дал «прикурить». Хорошо, что командир роты прикрыл огнем. Я успел выбраться к нашему НП.

4 мая. Весь день работал на огневых позициях. Проверил состояние минометов. Сделал несколько новых пристрелок по огневым точкам противника. Ночью по спало. Думал о разговоре с Катей...

6 мая. Ходил на «охоту» с Егорушкой Ушаковым. Заняли позиции на нейтральной полосе. У фашистов весь день было большое движение. Нам удалось уничтожить 13 гитлеровцев, 9 из них пришлось на мою долю. Командир роты поздравил с крупным боевым успехом.

Всю ночь, как из ведра, лил дождь. С рассвета откачиваем воду из землянок, из колодцев.

8 мая. Был у командира дивизии полковника Ястребова. Получил разрешение жениться и после регистрации брака внести изменения в личное дело. Комдив для приличия поворчал, что, дескать, не вовремя я это все затеял, ну а потом взял листок бумаги и написал записку: «Выдать л-ту Кочубею 1 литр спирта и 3 бабки ту-

шенки». «Это тебе свадебный подарок. Извини, другого ничего нет», — сказал полковник. От радости я чуть было не расцеловал нашего «старика».

10 мая... Снились отец, братья, которые остались на оккупированной территории. Во сне видел, будто гитлеровцы вели их по снегу разутых на казнь и плясали при этом какой-то дикий танец. Проснулся в холодном поту. Страшно подумать, что сон может обернуться явью. Отец — старый коммунист.

11 мая. Вышел на позицию на старое место, к мосту через Ижору. В мелкой траншее уничтожил трех фашистов. Но и сам спасся чудом. Немцы, видимо, догадались, где моя ячейка, и открыли ураганный минометный огонь. Лежал в воронке до самого вечера. Промок до костей. Ночью ко мне приполз Егорушка Ушаков. Страшно удивился, когда увидел, что я цел и невредим. Оказывается, в роте меня уже успели похоронить. Кто-то сказал, что видел, как в моя ячейку было прямое попадание мины. Значит, теперь до конца войны буду жив!

13 мая. «Спайперил» вместе с Федей Дьяченко. День, как по заказу. Солнышко. Теплый южный ветерок. На старой, избитой цулями и осколками вербе скворцы.

День прошел удачно. На счету у Дьяченко прибавилось шесть, у меня — два фашиста».

...Всепним, ранним утром Кочубей, лейтенант Саша Пысин и я отправились в Колинпо. По случаю столь большого торжества наши женихи надел новую гимнастерку и ремни из желтой кожи, которые при малейшем движении отчаянно скрипели.

Катюша уже поджидала нас. Она тоже приоделась и выглядела очень торжественной и праздничной. Лицо ее светилось радостью. Глаза блестели, и на щеках не исчезали ямочки.

— Получай, Катя, для нашего праздника «свадебный

подарок». Сам командир дивизии прислал! — Николай передал ей вещмешок с продуктами.

— Спасибо! — смущенно улыбнулась Катюша.

Вчетвером мы отправились в колпинский загс. Он помещался на улице Труда, подалеко от вокзала. Кажется, это была одна из наиболее уцелевших колпинских улиц.

Дорогой мы шутили, смеялись, и встречные прохожие, гражданские и военные, с недоумением поглядывали на нас.

Загс находился в полуподвале. Под потолком тускло светила единственная лампочка. Пахло сыростью. Сотрудница, женщина средних лет, занималась каким-то своим делом и не сразу обратила на нас внимание.

— Вам что, граждане? — не отрываясь от бумаг, спросила она.

— Мы зарегистрироваться! — Кочубей взял Катю под руку и шагнул вперед.

То ли сотрудница не поняла, то ли не расслышала — она переспросила:

— Усопшего или новорожденного регистрировать?

— Что вы?! Расписаться хотим!

Она удивленно взглянула на Катю и Николая. Постепенно на лице ее появилась улыбка.

— Поздравляю! Поздравляю, молодые люди. Сейчас найду книгу регистрации браков... — И, как бы извиняясь: — Редко ее теперь доставать приходится.

Женища стала рыться в канцелярском шкафу, попутно объясняя нам, что теперь больше делают записи об умерших и что у них это не загс, а какое-то похоронное бюро стало. Наконец книга была найдена. Оформив нужные записи, она еще раз поздравила Катю и Николая, пожелала им счастливой семейной жизни. Забегая вперед, скажу, что ее слова сбылись.

Потом мы сидели за свадебным столом. На нем не было белой накрахмаленной скатерти — ее заменяли газеты. Не было шампанского... Мы пили разведенный

спирт, закусывали тушенкой. В качестве деликатеса на столе стояло блюдо квашеной капусты. Ее приготовила заботливая Наталья Николаевна по известному только ей одной способу. Капуста аппетитно хрустела на зубах, и хозяйка не успевала подкладывать ее в единственное сохранившееся с довоенных времен блюдо. Присутствовавших на семейном торжестве ребятшек — Толика и Пивочку — мы угощали печеньем и сахаром.

По традиции мы кричали «горько!», пили за победу, за счастье молодых. Мы говорили о будущей жизни, во имя которой воевали сегодня.

В раскрытое окно ворвался воющий свист. И вскоре раздался грохот разрыва.

— По заводу, проклятый, бьет! — посмотрела на нас Катя.

— Еще бы, весь день не бсслись, ироды! — собирая посуду, заметила Наталья Николаевна.

Вдруг дом содрогнулся. В буфете задребезжала посуда. С треском захлопнулось окно.

Катя на секунду замерла, прислушалась и, обернувшись к ребятам, быстро скомандовала:

— Дети, вниз!

Женщины накинули на себя ватники, повязали платки и собрались идти в подвал. Наш свадебный «пир» прекратился. Все невольпо прислушивались к пачавшейся артиллерийской канонаде. И вдруг раздался тоненький голосок Пивочки:

— Мама Катя, я куколку забыла... Ее могут убить.

— Тогда бери ее скорее...

Девочка быстро нашла в углу комнаты свое сокровище. Счастливо улыбнулась. Крепко прижала к груди самодельную тряпичную куклу и отправилась с Катей вниз, в бомбоубежище.

Мы остались одни. Кочубей разлил по кружкам спирт. Выпили. Но почему-то никто не захмелел. Нервы были напряжены до предела. Жестокая, неумолимая борьба

со смертельным врагом продолжалась, и мысли каждого были о том, сколь много еще нам предстоит испытать, прежде чем услышим долгожданное слово — победа!

...Много лет спустя на колпинском вокзале я с трудом узнал в высоком представительном мужчине бывшего лейтенанта-минометчика Николая Кочубея. Мы шли к нему домой знакомыми и в то же время совершенно новыми колпинскими улицами.

Квартира у Кочубея — в высотном доме, недалеко от Комсомольского канала. Я стою у раскрытого окна и отлично вижу Красный Бор, Ям-Ижору... Места моей боевой мелодости. Николай хлопчет на кухне и рассказывает о делах на Ижорском заводе, на котором он работает уже много лет.

Кочубей нетерпеливо посматривает на часы:

— Что-то запаздывает мой директор...

— Кто?

— Катюша! Да, я не сказал тебе. Она по-прежнему работает в торговле... Директор магазина. Член парткома... Беда, когда жена перегружена делами. Видимся редко, как в молодости, — с теплой улыбкой сетует Николай.

Раздался звонок.

— Кажется, она! — Кочубей поспешил открыть дверь.

В квартиру вошла стройная, миловидная молодая женщина с девочкой лет пяти.

— Знакомьтесь! — хитро улыбнувшись, сказал Николай.

— Нина! — женщина протянула мне руку.

— Пойдите, пойдите! Какая Нина?!

— Та самая... Теперь важная дама, инженер Ижорского завода! — в голосе Николая прозвучали нотки отцовской гордости.

И я вспомнил маленькую худенькую девочку, жившую вместе с Катей в Колпине. Вспомнил ее глаза, не по-детски печальные и серьезные, ее брата.

— А где Толик?

— Он живет в Риге, работает начальником конструкторского бюро. Вы бы на него сейчас посмотрели, не узнали.

Нипа ушла на кухню и начала там что-то стряпать. Иногда она входила к нам, о чем-то спрашивала Николая. Затем стала накрывать на стол. Я невольно залюбовался, как все у нее получается ловко, красиво. И мысленно отметил, что это, видимо, Катюшина школа.

С лестничной площадки донесся стук двери лифта. В квартиру вошла Катя.

— Вот и хозяйка.

Катя, кажется, меньше всех изменилась. Те же ямочки на щеках. Только бороздки морщинок напоминали о времени, о пережитом.

Пока женщины хлопотали по хозяйству, Николай достал заветную папку — домашний «архив». Он высыпал на стол фронтовые фотографии, вырезки из газет, письма.

Потертые, пожелтевшие, хрупкие — реликвии далекого и сурового времени — они были бесценно дороги нам.

В книге фронтовых фотографий мне попала знакомая самодельная записная книжка. На обложке из серого картона надпись — «Дневник боевых будней...»

— Берегу как память! — сказал Николай, заметив книжку в моих руках.

Мы стали листать страницы, писанные убористым почерком. И было удивительно волнующе вновь читать эти короткие строчки.

«15 мая. Свадьбу пришлось прервать. Пришел Егорушка Ушаков и сказал, что нам приказано срочно явиться в роты...»

Я прочел эти строки и посмотрел на Кочубея:

— Почему? Убей, не помню!..

— Ну как же ты не помнишь! — удивился Николай. — Разведка боем в ту ночь была...

«16 мая. Поддерживал минометным огнем действия разведки. К утру все кончилось. Наши потеряли троих. Захватили «языка». Молодой немец с веснушчатым лицом совал нашим ребятам сигареты и все лопотал: «Гитлер капут».

17 мая. Побывал у Кати. Приходила ее двоюродная сестра Тася. Сообщила, что муж тяжело ранен. Ампутировали ногу. Сейчас находится на Урале в госпитале.

24 мая. Как просто на войне получить девять граммов свинца в лоб. Утром я и Федя Дьяченко зажали свои снайперские ячейки. Пролежали часа три впустую. Решили смелить позиции. Выйти поближе к «нейтралке». Но сами попали под обстрел. Фашистская пуля продырявила мой маскхалат. А ведь могла...»

Я листаю старую записную книжку Николая Кочубя. Скупые строчки воскрешают в памяти дни нашей боевой молодости. Мы вспоминаем друзей-однополчан. Атаки. Холодные ночи в окопах. Холмики солдатских могил. Неужели все это было? Да, было!.. И время не властно стереть в нашей памяти суровые военные годы.

## ПОЕДИНОК

Наступление, начатое в ноябре сорок второго года под Сталинградом, развернулось в крупнейшую битву.

4 апреля в газетах было опубликовано сообщение Совинформбюро об итогах зимней кампании Красной Армии. Николай Казаков для наглядности нарисовал карту и красным карандашом заштриховал территорию, освобожденную от захватчиков.

В географии многие из нас были несильны. Где, скажем, Адыгейская автономная область — не каждый ответит. Да и число — 380 000 квадратных километров осво-

божденной земли — как-то по сразу до ума доходит. А вот когда видишь, как волна наступления смела фашистов от Волги далеко за Дон — впечатляет!

Газета несколько дней ходила по рукам. Истрепалась. Тогда кто-то догадался переписать сообщение на бланк «Боевого листка» и вместе с картой Казакова приклеить на кусок фанеры.

Долго висела наша наглядная агитация перед входом в землянку. Я часто подходил к карте и мысленно представлял себе, где родная Полтавщина, теплая, тихая речка Хорол. Оставались, если судить по самодельной карте Казакова, сушие пустыки — две-три сотни километров. «Поднадавали бы, братцы», — думалось мне.

Но наступление постепенно затихало. И сводки все чаще начинались словами: «...на фронтах существенных изменений не произошло». Лишь весна продолжала бурно наступать. Я вспоминал наши дороги в весеннюю распутицу. Бывало, что и пара добрых волов бричку не вытянет. Да и здесь, под Ленинградом, от талой воды земля под ногами колыхается.

Вновь начались нудные, тяжелые оборонительные бои. Понски разведчиков, короткие ожесточенные атаки, артиллерийские дуэли. Продолжало развиваться массовое спайперское движение.

Активизировались и снайперы противника. И побольше их стало на переднем крае, и оголь более уязвимый. Видимо, и фашистов позиционная война научила широко использовать возможности сверхметких стрелков.

Особенно яростно они охотились за нашим братом — спайпером. И теперь все чаще стали проходить спайперские поединки. Победителем выходил тот, у кого крепче нервы, зорче глаз, больше выдержки. За малейшую ошибку приходилось расплачиваться жизнью.

Горько было терять боевых товарищей. Особенно тяжело я переживал гибель Ивана Деписенко. Случилось это так. Мы несли боевое дежурство. До противника метров



сто пятьдесят — двести. Часов в десять утра у гитлеровцев началось какое-то движение — то ли смена подразделений, то ли еще что. Некоторые из фашистов имели неосторожность высовываться из траншей больше, чем надо. Я и Денисенко не растерялись и «сплсали в расход» нескольких гитлеровских вояк, но и сами тожо сверх меры стали любопытничать: что же такое делается у фашистов?

Пад головой просвистели пули. Чувствую — огонь прицельный.

— Иван! — обращаюсь к Денисенко. — А тебе не кажется, что фашисты нас заметили?

— Брось, Федька, чешуху городить. Фашист «маневр» делает, а тебе все снайперы мерещатся... — усмехнулся Денисенко.

— Будем менять позицию! — на правах старшего приказываю ему.

— Конечно, чего тебе не менять позиции. Ты ж у нас «знатный»! Настрелял богато, а другие пусть как хотят... — с какой-то непонятной обидой ответил он.

В это время показалась группа вражеских солдат. Денисенко поднялся на бруствер, быстро прицелился и сделал выстрел. Но не успел и слова вымолвить, как повалился назад. Винтовка выпала из его рук. Я подхватил товарища.

— Ваня! Что ты?

Ответа не последовало.

«Вот и все, отвоевал Иван Денисенко!» — Я рукой откинул его светлый чуб. На лбу — крохотная ранка.

На руках донес Ивана до командного пункта. Подошли ребята. Мы молча стояли и курили. И как-то не верилось, что не услышим больше его любимую присказку: «О, не стратегия!»

Больше всех переживал я. Грызла совесть, что вовремя не остановил его. Клял себя нещадно за то, что не проявил настойчивости. Надо было все же заставить

Ивана сменить позицию. Ясно, что мы обнаружили себя, нарушили первойшую заповедь снайпера: семь раз замаскируйся, один раз выстрели.

С потерей друга я чувствовал себя осиротелым. Ведь почти год прожили вместе. Одной спишелью накрывались, из одного котелка ели. Вместе использовали почти весь передний край.

В кармане гимнастерки Ивана вместе с комсомольским билетом хранилась фотография девушки. Ее звали Верой. Милое лицо. Чуть-чуть вздернутый нос. Большие выразительные глаза. На высокую грудь перекинута толстая, тугая коса с вплетенными лентами. Она была единственным человеком, который ждал и любил Ивана. Больше у него никого не было. Родителей своих он лишился еще в детстве. Рос круглым сиротой, воспитывался в детском доме вместе с Верой.

В кармане лежало письмо к ней. Иван не мог отослать его. На родной Полтавщине, где жила любимая девушка, хозяйничали гитлеровские оккупанты. Но он жил надеждой, что скоро придет время, когда Вера получит от него весточку.

Вот что он писал ей:

«Здравствуй, Вера! Пишу письмо, а сам думку думаю, колы сбудится все тэ, що мы с тобой загадывали. Я часто вспоминаю, як мы стояли пид вербой. Ты была що вышня по весни. А очи таки ясни, як небо. Моя чаривна, моя кохана, мени так хочеться подивитися на твои пышные косы, самому вплести в них голуби, широко стрички.

Я уже немало убив врагов, но буду ще більше убивать, щоб скоріше их знищити и встретиться з тобой, моя кохана...»

Мы похоронили Ивана Деписенко на окраине Колупа. Дали трехкратный залп и поклялись отомстить фашистам за смерть товарища и друга. Потом долго стояли у свежего холмика земли.

Прошло несколько дней. Настроение у меня было

подавляющее. То ли причиною была смертельная усталость, наступившая после многодневных тяжелых боев, то ли гибель друга. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни разговаривать. Старался остаться один на один со своими думами.

Со мной пробовали заговаривать Николай Казаков, Кочубей. Я отмалчивался, куда-нибудь уходил. Понимал мое состояние и командир роты Никифоров. Все эти дни он не посылал меня на задания.

И вот новая потеря. От фашистской пули на том же участке погиб младший лейтенант Васильев. Он вел наблюдение за передним краем обороны противника и неосторожно выглянул из своего укрытия. Этого мгновения было достаточно, чтобы фашистский снайпер сразил его наповал.

Вечером меня вызвал командир батальона капитан Смирнов.

— Есть боевое задание, товарищ Дьяченко. У гитлеровцев появился опытный снайпер. Бьет без промаха. Надо его уничтожить!

— Что ж, попытаюсь!

— Пытаться тут нечего, Федя, надо!

— Ну, коли надо, так уничтожу! — ответил я и собрался уходить.

— Подожди! — остановил меня капитан. — Будь осторожен. Перед нами теперь полк СС стоит. Противник серьезный...

— А куда подевались солдаты «голубой» дивизии?

— Потрелили мы их основательно. Да, повернее, и гитлеровцы не особенно доверяют своим союзникам, взяли и заменили...

«Так вот в чем дело!» — нашел я ответ на вопрос, который мучил меня последние дни. Я стал примечать, что противник вроде бы стал не тот. Меньше шума в траншеях переднего края, а в светлое время они вообще казались пустыми. Артиллерийский и минометный огонь

стал поточнее. А главное, у противника появились опытные снайперы. Они, как правило, зря не палили — старались выводить из строя наших офицеров, снайперов и наблюдателей.

За последние дни от их пуль погибли не только Денисенко и Васильев. Был убит снайпер Голубков.

«Конечно, эсэсовцы — это не испанские вояки, и воевать с ними будет потруднее, и самому надо быть похитрее», — раздумывал я, как лучше выполнить поставленную задачу.

Прежде всего необходимо тщательно изучить «почерк» эсэсовского снайпера. И я решил поговорить с теми бойцами, которые непосредственно сталкивались с его действиями.

С этой целью отправился во взвод лейтенанта Петухова. Там потери от огня вражеского снайпера были почти каждый день. Траншеи мелкие, на болотистой почве, к тому же залиты дождевой водой. В двух-трех местах по ним вообще не пройти. Стоит лишь немного высушиться на поверхности, как сразу же попадаешь под огонь врага. Ходить в таких местах можно было только ночью.

Бойцы охотно рассказали мне о повадках фашистского аса, как мысленно я окрестил своего противника. Некоторые откровенно сомневались в том, что гитлеровского снайпера можно уничтожить в стрелковой дуэли. Помню, пожилой солдат, хитро прищурившись, говорил:

— Я, парень, на снайперов да «кукушек» еще на финской пасмотрелся. У них, брат, запась какая оптика?! Цейсовская! Самая знаменитая. А у нас?.. Нет, не сшибить его из трехлинейки! Надо артиллерией обкладывать.

Такие разговоры еще больше разжигали мое самолюбие и желание доказать, что и из нашего оружия можно метко разить врага.

Чтобы понять, как действует фашист, я по иренебрегал никакими сведениями, пусть они были и неточны. Молодой солдат, ведший наблюдение по заданию командира взвода, повел меня показать, откуда предположительно ведется снайперский огонь. По дороге он сказал мне:

— Ты знаешь, сколько на нашем участке действует гитлеровских снайперов?

— Один-два... — отвечаю на вопрос.

— Как бы не так — пять!..

Я даже присвистнул от удивления.

— Откуда же их столько набралось?

— Смотри! Вон оттуда щелкает... Левее подбитого тачка тоже бьет... — Босц указывает мне одно направление за другим, где, по его мнению, засели вражеские снайперы. Чувствую, что «направления» эти появились больше от страха. Вероятнее всего, действует один снайпер, но с разных, хорошо замаскированных позиций.

Поздно вечером возвращаюсь в землянку мипометчиков. И только теперь чувствую смертельную усталость. Хочется куда-нибудь приткнуться и спать, спать. У моего друга Николая Кочубя осталась в котелке остывшая каша и во фляжке «сто грамм». С похотой прижимаюсь за ужин. И сразу же засыпаю, словно проваливаюсь в яму.

Перед рассветом меня поднимает будто пружиной. Выхожу из землянки, поживаясь от утренней прохлады, и снова отираюсь во взвод лейтенанта Петухова. У изгиба трашеи, где вчера погиб сержант Голубков, останавливаюсь. Впереди, шагах в шести, разбитая трашея. Здесь начинается «долина смерти» — участок, который гитлеровцы держат под прицельным снайперским огнем. «Откуда бьет фашист? — оглядываю передний край. — Конечно, замаскировался, молодчик. Может, и меня на мушку взял». Крепче прижимаюсь к земле. «Попробую-ка тебя выманить...» — решаю я.

Надеваю па прутик свою отличную, как у ротного, кубанку. Ее недавно подарила мне Маша Качалова, комсорг из армейского госпиталя.

Осторожно поднимаю шапку чуть выше бруствера. Молчит фашист. Прodelываю то же самое еще раз. Молчит. «Может, и нет здесь пикакого снайпера?» Но сержант был убит точно так же, как и Денисепко, выстрелом в голову.

Снова показываю кубанку и медленно провожу прутиком вдоль бруствера. Останавливаюсь. И снова веду... Над головой просвистели пули.

«Ах, гад. Испортил шапку!» — рассматриваю дырку пониже звездочки. Жаль кубанку. Ребята завидовали такому подарку. Но зато засек снайпера. Теперь мне ясно: фашистский стрелок — птица стреляная, зря патронов не тратит. Настоящий ас.

Так, по крупницам, складывалось у меня представление о противнике. В его повадках, методах ведения огня угадывался опыт, зрелое мастерство. С таким врагом мне еще не приходилось иметь дела. «Голубые» вояки были попроще.

И как было не вспомнить слова начальника снайперской школы старшего лейтенанта Гильбо: «Не считайте противника дураком. Не спешите. Маскировка и наблюдательность — главное для настоящего снайпера, иначе он сам станет мишенью для противника!»

Случайно узнал еще одну подробность о вражеском снайпере. Дивизионным разведчикам удалось захватить «языка». Он оказался писарем из эсэсовского батальона. Разговаривал гитлеровец охотно и, как мне показалось, особенно не горевал, что попал в плен. Наверное, был рад такому окончанию для него войны.

Капитан Смирнов спросил фашиста:

— Есть ли в батальоне снайперы?

— Драй! — Немец поднял три пальца и по-русски сказал: — Три!

Смирнов поинтересовался, что это за снайперы, откуда они взялись. Солдат, угодливо улыбаясь, охотно ответил:

— Зер гут, экстраклассе... Берлинер шулле...

О результатах наблюдений за эти дни я доложил командиру роты Никифорову. Он выслушал меня и сказал:

— Хорошо. Подбирай папарника и действуй.. Только осторожно.

— Разрешите, мы втроем — я, Казаков и Серый...

— Втроем?! — удивился ротный. — Это зачем?

Я объяснил: поскольку гитлеровский снайпер действует на широком участке, то и нам лучше «охотиться» за ним двоим, а третий будет наблюдателем. Никифоров согласился.

Казакова и Серого я взял на задание не случайно. От грамотных и опытных помощников во многом зависел успех. Очень живой и подвижный, Николай Казаков обладал ясным и острым умом. Он умел быстро оценивать обстановку. Запоминал мельчайшие детали на поле боя. К этому времени Казаков был одним из лучших снайперов в дивизии. На его личном счету значилось более двухсот уничтоженных гитлеровцев.

Иван Серый — прямая противоположность Казакову. У него спокойный и ровный характер. На первый взгляд Иван казался медлительным и неповоротливым. На самом деле он просто не любил суматохи. Все делал основательно и продуманно, от своего не отступит.

Вечером я рассказал ребятам, какую нам предстоит решить задачу. Поединок с гитлеровским снайпером их заинтересовал. Я сообщил все, что узнал за эти дни.

— Хитер, очень хитер, — почесывая затылок, кратко подвел итог моего рассказа Серый.

Друзья задумались. Мы знали — такого врага голыми руками не возьмешь!

— Если на каску не «кдюпет», надо ему еще настоящего снайпера подставить, — нарушив молчание, сказал Казаков.

— Не сам ли ты хочешь быть тем снайпером? — спросил я.

— Что ж, могу и я... — В глазах Казакова мелькнул озорной огонек. — Разыграем «спектакль» по всем правилам. Послушайте!

Николай предложил соорудить ложную ячейку с козырьком и амбразурой. В ячейку поставить «куклу» таким образом, чтобы падающий на нее свет с тыльной стороны траншеи четко обрисовывал силуэт мнимого снайпера.

Затем Казаков сделает два-три выстрела из этой ячейки и быстро сменит позицию. И как только гитлеровец откроет огонь, мы должны его засечь и уничтожить.

На следующий день мы приступили к подготовке позиций. Нам помогали Леоптий Приходько и Саренбай Рустамбеков. Саренбай вместе с Казаковым за две ночи оборудовали ложную позицию. Они замаскировали ее и для верности перед амбразурой поставили бронешиток, как в хорошей снайперской ячейке.

Договорились с лейтенантом Петуховым, что, когда начнем «охоту», лишнее движение по траншеям будет прекращено. Истребители тоже пока перестанут стрелять. Пусть фашистский снайпер подумает, что его побавляются, и советские бойцы стали осторожны.

Пока мы готовились к поединку, эсэсовский снайпер продолжал активно действовать. На прицел ему попался наш Зайцев. Правда, Алексею повезло. Он отделался, как говорят, легким испугом. Фашистская пуля разбила оптический прибор и срикошетила в руку. Ранение оказалось пустяковым. Зато Зайцев сообщил нам важную новость. Он успел заметить, что гитлеровец находится не в старых кирпичных развалинах, а значительно правее, за второй траншеей.



Наконец все готово! Завтра выходим на свои огневые позиции. Остатки дня посвящаем пристрелке оружия. Моя винтовка «образца 1891/1930 гг.», как всегда, бьет отлично.

Я пахожусь на основной позиции, в окончике с легким козырьком из нескольких досок, накрытых дершом. Николай Казаков занимает ложную. Недалеко от меня — Иван Серый. Он помогает вести наблюдение.

Как обычно, начинаю «прощупывать» местность в своем секторе обстрела. Сперва сразу же за «нейтралкой». Два снарядных ящика лежат на старом месте. Правее — остатки фундамента, здесь буйно пробивается молодая трава. Да и все поле передо мной покрыто светло-зеленым ковром. «Сейчас бы самое время пахать», — вспоминаю я родное село.

Где же снайпер? Под днищем подбитого танка? Или укрылся где-нибудь поблизости? Хотя нет, не будет настоящий снайпер выбирать для огневой позиции приметные места.

«А где бы ты выбрал позицию?» — ставлю себя на его место. И мысленно отвечаю: «Там, где меньше всего ожидает противник».

Правее раздались выстрелы из винтовки. Это кто-то пальнул от скуки. Затем наш пулеметчик прочесал длинной очередью по второй траншее противника, и там заплясали фонтачки земли. Под эту трескотню Казаков с ложной позиции сделал два выстрела. Потом еще два. Словом, старался показать, что стреляет снайпер.

Однако гитлеровец не отвечал. Почему? Может, его нет сегодня? Часа через два повторяем наш прием. В ответ открыл огонь какой-то немецкий автоматчик. А снайпер снова молчит. За весь день ни одного выстрела. Почему?

Вечером возвращаемся к себе.

— С чем поздравить? — встретил меня Кочубей.

В ответ я махнул рукой. По жесту и настроению Николая понял, что расспрашивать не о чем. Поужинал и улегся спать. Сквозь дремоту слышу разговор:

— Дьяченко и Серого не буди. Им завтра снайперить. Кажется, это был голос Мякшипа.

— Спят себе целыми днями эти снайперы, а за них работай, — ответил недовольно другой голос.

Я смолчал. Знал, что ребятам здорово доставалось. После боевого дежурства спать приходилось часа по дватри, а потом шли на инженерные работы, проще сказать — рыли окопы, ходы сообщений. Было приказано за неделю отрыть траншеи полного профиля — это в человеческий рост — и оборудовать блиндажи. Рыли ударно: приближались белыеочи.

Нас же понять мог только тот, кто сам полежал перед «нейтралкой». Кто испытал, как немест все тело, затекают руки и ноги, слезятся глаза и время тянется утомительно долго. Но еще тяжелее нервное напряжение. Чтобы перехитрить врага, пужбы воля, выдержка, собранность.

На зорьке мы вновь отправились на свои места. Я решил побыть вместе с Казаковым. Не верилось, что снайпер покинул свою позицию.

— Как думаешь, Николай, почему фашист не стрелял по твоей ячейке? — осмотрев все как следует, спрашиваю Казакова.

— Дозвольте, товарищ старший сержант, сходить и спросить у него.

— Я не шутки шуткую!

— Ну, поехал с утра заводиться! Не знаю!

— Потому что он не дурак! Куда стрелять-то? В ту щелку? Знаешь, зря мы поставили бронешиток. Перестарались. — Я показал на узкое отверстие в бронешитке. Попасть в него было почти невозможно даже с близкого расстояния. И фашист просто не стал рисковать.

Казakov посмотрел на меня так, будто впервые увидел.

— Федька! Да ты прав! И как это я сразу не сообразил! — воскликнул он. — Сейчас мы проверим!

— погоди, ты что задумал? — остановил я Николая.

— Сбросить щиток и сделать выстрел...

— ...и схлопотать пулю в лоб, — продолжил я. — Перед бабки в щелку не лезь. Отойти-ка от амбразуры!

Казakov прижался в угол ячейки. Я отодвинул щиток и, осторожно положив винтовку на полочку, выстрелил. Сейчас же над ухом просвистела пуля, мне показалось, что я почувствовал тепло.

— Это оп! — я торжествующе посмотрел на своего напарника. — Теперь думай, как его уничтожить.

— Чего же думать! Теперь пора кончать «спектакль», — ответил Казakov.

— Я пойду на основную позицию и дам тебе сигнал. Ты все и разыграешь, как порешили.

Мы расстались.

Несколько минут ожидания кажутся вечностью. Но вот Николай дважды стреляет и после второго выстрела концом ствола сталкивает щиток. А в амбразуру выставляет «русского снайпера».

Гитлеровец немного медлит, но желание одержать победу над советским снайпером пересиливает осторожность, и оп бьет. Теперь мне хорошо видно, как между первой и второй траншеями блеснул огонь. Оказывается, снайпер искусно замаскировал свое укрытие под старый пенёк. Представляю, как фашист будет хвастаться, что убил советского снайпера. Врешь, гад! Теперь моя очередь! Плавню тягу спусковой крючок. И тут же перезаряжаю винтовку, чтобы послать для верности еще одну пулю. По цели бьет и Иван Серый, оп тоже засек гитлеровца.

Теперь побыстрее надо сменить место. Ползу, не замечая ни грязи, ни воды, ни расцарапанной о какую-то

железку руки, ия свистящих над головой пуль. Только в траншее, немного отдышавшись, прихожу в себя. Мысленно восстапавливаю весь ход поединка. Кто бы мог подумать, что гитлеровский снайпер избрет позицию за первой траншеей? Обычно он вели огонь из своих дзотов. А этот, что называется, на чистое поле вылез — рассчитывал, что мы не догадаемся. Что ж, пожалуй, у него было продуманное решение. Только мы-то разгадали.

### СИМАНЧУК

Вечером Кочубей сказал мне:

— Слышал, Гриша Симанчук в полк вернулся...

— Ну!.. Где ж он?

— В землянке политчасти.

Я связался по телефону с комсоргом полка старшим лейтенантом Анатолием Ждановым. Он подтвердил, что действительно Григорий прибыл из госпиталья. Сейчас он ушел в тылы полка получать положенное довольствие, а утром будет в штабе полка.

— Приходи, Федя, лично познакомишься с Симанчуком, — закончил наш разговор комсорг.

Утром я отпавился в штаб. По дороге мысленно рисовал себе Симанчука. Несмотря на многочисленные рассказы о нем, он представлялся мне статным молодцем. Грудь широкая, голос басовитый, как у Ивана Серого. Словом, настоящая гроза фашистов. Да, собственно, Симанчук и был грозой. Он уничтожил более двухсот вражеских солдат и офицеров. На участке, где действовал Симанчук, фашисты боялись показывать нос из своих траншей.

О Симанчуке ходило в полку немало солдатских баек, в которых иной раз трудно было отличить истину от выдумки. Григорий был действительно очень популярным среди солдат, хотя более скромного и молчаливого чело-

вска мне не приходилось встречать. Он был спокоен, редко возбуждался. По рассказывали случай, когда Гриня вышел из себя.

Произошло это в декабре сорок первого года. Поздно вечером Симанчук вернулся с позиции. Промерз, проголодался. Подогрел на щечочках ужин, просушил портянки и улегся спать на солому. Засыпая, услышал обрывки разговора двух бойцов:

— Не верю, чтобы Симанчук столько гитлеровцев убил, — говорил один.

— Конечно нет. Все это брехня на постном масле, — в тон ему ответил другой.

Григорий приподнялся, хотел было ответить, но раздумал. Рано утром он разбудил этих бойцов:

— Хлопцы, идемо побачимо, як Симанчук хвашистоев бье!

Поднял их и повел на передовую. Прошло немало времени. От мороза хлопцы стали поеживаться. Но вот из землянки противника выскочил здоровенный гитлеровец и, пригнувшись, хотел было проскочить в соседний блиндаж. Сухо щелкнул выстрел, и фашист уткнулся в землю.

— Видали? — спросил Симанчук.

Через час он сразил еще одного вражеского солдата. Вечером бойцы вернулись к себе. Они с восхищением рассказывали, как «охотился» Симанчук. Вспоминали все до деталей: и как вели себя фашисты, и как спокойно стрелял Симанчук, и как он ловко маскировался. Говорили, что те бойцы потом стали лучшими учениками Симанчука.

...Накануне Нового года на фронт приехала делегация ленинградских рабочих. Они привезли бойцам подарки, а главное, хотели поздравить от имени трудящихся города-фронта своих защитников. Услышав о Симанчуке, рабочие попросили с ним встретиться. И когда Григорий переступил порог командирской землянки, одна из ра-

ботниц воскликнула: «Боже мой, какой он отоцалый и совсем еще молоденький!»

Тогда действительно солдатский харч был не намного лучше питания ленинградцев. И среди бойцов большие дистрофией были не редкость. Отлежал в госпитале и Григорий Симанчук.

Однако в ту тяжелую, холодную и голодную блокадную зиму Григорий день ото дня увеличивал счет истребленных врагов. К 20 февраля 1942 года он уничтожил сто двадцать фашистов. Через день боевые друзья проводили Симанчука в Ленинград на фронтовой слет истребителей.

Здесь собрались лучшие снайперы-истребители Ленинградского фронта. Один за другим поднимались вонны на трибуну и рассказывали о своих боевых делах.

И вот на сцену вышел Симанчук. Он представился члену Военного совета Андрею Александровичу Жданову и командующему фронтом генералу Хозину. Затем, чтобы видеть зал, встал возле трибуны и начал говорить.

Говорил он на родном украинском языке, но его все хорошо понимали.

— Убил я ще не багато хвашистов, тильки сто двадцать одну штуку... — сказал он это вполне серьезно, но в зале раздался смех, смеялся и товарищ Жданов.

Симанчук несколько растерянно посмотрел на сидящих в зале и решил поправиться:

— Це правда, сто двадцать голов убил...

Люди засмеялись еще больше.

— Молодец, Симанчук! Продолжайте! Нам все понятно, — сказал командующий.

— Один раз бачу я хвашистского повара, дай, думаю, пидстрелю его, а потом кажу себе — як убью его, так бильше никто сюда ходит не буде. Не, це дило не выйде. Нехай к нему солдаты за кашей ходят. А я их по одному щелкать буду. Так и зробил! — просто и бесхит-

ростно рассказывал Симанчук о своих методах работы на переднем крае.

На слете снайперов-истребителей выступал товарищ Жданов. Он говорил, что снайперское движение по своему размаху напоминает стахановское. Истребитель — это передовик огневого мастерства, огневой подготовки. Достижения истребителей доступны каждому бойцу, каждый боец может стать истребителем. Надо научиться стрелять так, чтобы ни один патрон не пропал зря. Каждая пуля, снаряд, мина, граната должны бить в цель.

Здесь же, на фронтовом слете, были вручены Золотые Звезды и ордена Ленина лучшим снайперам-истребителям. Первыми снайперами, удостоенными на Ленинградском фронте звания Героя Советского Союза, были старшина Вежливцев, красноармеец Петр Голичевков, замполитрука Александр Калинин, лейтенант Николай Козлов, старший сержант Степан Лоскутов, старший сержант Владимир Пчелинцев, старший лейтенант Федор Снявци, лейтенант Федор Фомин, младший лейтенант Михаил Яковлев.

Многие участники слета были награждены орденами и медалями. Симанчуку А. А. Жданов вручил орден Ленина и пистолетную снайперскую винтовку системы Токарева № КЕ 1933, которая ныне хранится в Ленинградском музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Симанчук был не только сам искусным стрелком, он обучил мастерству меткого выстрела десятки своих товарищей, его имя — среди зачинателей снайперского движения на Ленинградском фронте. Сотни метких стрелков, ежедневно выходивших на передний край, сделали нашу оборону не только активной, но и нецриступной.

Когда я увидел Григория Симанчука, то, надо признаться, был несколько разочарован.

Симанчук — гроза фашистов — оказался обыкновенным парнем. И ростом не выше меня, и по возрасту не

старше. Густо усыпанное вespушками лицо и маленький, забавно торчащий хохолок светлых волос на макушке придавали ему какое-то мальчишеское выражение. И действительно, Гриша выглядел значительно моложе своих лет. Если бы не погоны старшего сержанта и три нашивки знаков ранений на гимнастерке, то он был бы похож на селянского паренька. Словом, ничего героического в его внешности я не заметил.

Симанчук подошел ко мне и протянул крепкую солдатскую ладонь:

— Здорово, Дьяченко!

— Здорово! — я сильно тряхнул его руку. — А как ты признал меня?

— Та це просто догадався: маленький, кругленький, як глечик, — то и есть Дьяченко. — Гриша улыбнулся широкой, добродушной улыбкой. И глаза его стали узкие, как щелочки. В них заиграл хитрый, лукавый огонек.

Мы вышли из просторной землянки политчасти полка, уселись на покрытый молодой травой пригорок. Свежий майский ветерок обдувал наши лица.

— Ты небось тогда здесь «охотился»?

— Нет, я чаще под Пушкином... Там и маскировка лучше, и фашистов поболее... Здесь они не любили ходить.

Где-то слева, на железнодорожной насыпи, взметнулся вверх черный столб земли. Через секунду-другую до нас долетел глухой звук разрыва снаряда.

— Бьет, проклятый! — Симанчук посмотрел на меня.

— Скоро отстреляется... — ответил я.

— Пора... В сорок первом передовая вот тут, по противотанковому рву, проходила... А теперь гляди, как отодвинулась... Да, сейчас совсем другое время наступило, — немного помолчав, сказал Григорий. — Ты посмотрел бы, сколько техники, танков, «катуш» идет с Урала на фронт... Земля там гудит от эшелонов! — старался он передать свои впечатления от пребывания в тылу.



— А народ как там?..

— Вкальвает день и ночь. Забыли о праздниках и выходных... Мужиков мало, больше жинки работают. И токаря, и машинисты, и сталевары — все они! — Симанчук помолчал, а затем продолжал: — Днем работают на заводах, а вечером с ребятишками... Да еще к нашему брату в госпиталя ходят... Двужильные какие-то!..

Слушая Симанчука, я вспомнил, как недавно мы побывали на ленинградском заводе «Большевик». Нас, группу фронтовиков, направили рассказать рабочим, как воюем, как бьем врагов. Говоруны мы известно какие, хотелось сказать многое, да слова куда-то подевались. Зато что сами слышали да видели — век не забыть. Молоденькие ребята и девчата да женщины такие «штуки» для фронта изготовляли, что залюбуешься. А ведь они и голод испытали, и под огнем врага работали. Спаряды на заводском дворе и в цехах рвутся так же, как и у нас в траншеях.

Поговорив еще немного, я расстался с Симанчуком. Решили на следующий день вместе побывать на передовой.

— Хочу продолжить счет, — сказал Григорий. — Не-хай фашисты должок мне отквитают...

В бою под Старо-Шановом Симанчук был в первых рядах атакующих. Отличный стрелок, наблюдательный, ловкий, он причинил немалый урон фашистам. От его метких пуль остались лежать на поле боя десятки вражеских солдат. Он смело всгупал в единоборство с противником и выходил победителем.

Гитлеровцы долго не могли засечь неуловимого советского снайпера. Наконец, примерно определив его местонахождение, накрыли плотным минометным огнем. Тяжело раненный Симанчук почти до вечера пролежал на поле боя, и лишь после наступления сумерек санитарам удалось его найти и вытащить.

Из Ленинграда Григория отправили в Свердловск. И там опытейшие врачи продолжали борьбу за его жизнь. После многих консультаций специалисты приняли решение ампутировать ногу.

За мужество и героизм, проявленные в боях, Григорий Симанчук был награжден орденом Красного Знамени.

Однако мысль, что он не вернется больше в строй, не увидит своих боевых друзей-однополчан, приводила его в отчаяние. Не унывавший даже в самых сложных ситуациях, Гриша оробел перед судьбой. Но о нем заботились внимательные и чуткие люди — врачи, сестры, нянечки. Они знали: вернуть человека к жизни — это не только залечить его раны. Главное — восстановить его душевное здоровье.

Однажды в госпиталь пришли участники художественной самодеятельности. Один из них играл на баяне, а его товарищ пел любимые песни солдат. Когда баянист заиграл плясовую, певец закружился в быстром танце.

После импровизированного концерта выяснилось — танцор был инвалидом, без ноги. И еще стало известно, что медицинская сестра разыскала его и пригласила специально для Гриши.

Потом Симанчук узнал, что на протезе можно не только плясать, но и водить тапк, и летать на самолете, — все дело в настойчивости и тренировке. Григорий воспрянул духом. Он проявил незаурядную волю и твердость характера. Теперь Симанчук второй раз в жизни учился ходить. Кусал до боли губы, обливался потом, но занятий не прекращал.

Наступил день, когда Гриша пришел в госпитальный клуб. Оркестр заиграл вальс. Он подошел к налатной сестре и пригласил ее. Танцевал Симанчук не ахти как, сбивался, путал такт, но все же дотанцевал до конца.

Затем, после долгих и настойчивых требований, просьб, бесчисленных разговоров с врачами, рапортов по инстанции, он добился своего — медицина уступила. Собрав

немудрящие солдатские пожитки, Симанчук уехал на фронт.

На память о госпитале, где о нем заботились внимательные и добрые люди, он сохранил фотокарточку. На ней Григорий снят вместе со своим лечащим врачом Ольгой Васильевной. Вот что она написала ему на обороте фотографии: «На память Грише о пребывании в военном госпитале № 1116. Милый Гриша! Помни искренне любящего тебя лечащего врача Ольгу Васильевну. С чувством большой благодарности смотрю я на этого живого, подвижного мальчика, нашего героя, который, несмотря на свою молодость, храбро сражается с врагами. Я всегда буду гордиться знакомством с тобой».

...Как мы и договорились накануне, Симанчук пришел рано утром, едва занялась заря. На нем был новый маскхалат, в руках самозарядная токаревская винтовка с оптическим прицелом.

— Твоя? — кивком головы показал я на нее.

— Она самая, верная «жинка»! — улыбнулся Григорий и заторопил меня.

По ходам сообщений, траншеям мы отправились в нашу ячейку, возле моста через реку Ижору.

По дороге Гриша рассказывал о себе:

— Родился я в селе Навозы. Какой бис такое название дал — не знаю, но только наилучшего села по всей Черниговщине не найти...

С каким наслаждением вслушивался я в родную, мягкую, певучую украинскую речь.

Симанчук с восторгом говорил о родных местах, а я будто воочию видел свои Бетяги и речку Хорол. Видно, так устроен человек: нет для него ближе и роднее тех мест, где он вырос. И любовь к Родине начинается с материнской хаты, с родного села, с шумной городской улицы.

В наших биографиях оказалось много схожего. Родились мы в батрацких семьях, нужда и лишения одинаково давили нас.

— Хозяйство у отца не богато, — продолжал Симанчук, — стара хата да малы ребята... Каждый грош старик откладывал, чтобы купить лошадь да телку. Купил! А через год вся худоба подохла, — Гриша горько усмехнулся. — Если бы не колхоз, так и остались бы безлошадными батраками...

— Слухай, а ты с какого року в армии? — спросил я приятеля.

— С тридцать девятого...

— Таким малым хлопцем призвали?!

— Я добровольцем напросился. Меня по росту да весу медицинская комиссия забрала, так я до их главного дошел. Он велел дунуть в какую-то трубку. И дунул, а оттуда бабка чертом выскочила. Потом дали на одну хреновину нажать, силу измерить, нажал — она хряснула. Вот меня и записали красноармейцем 122-го полка особого назначения...

За разговором мы незаметно добрались до нашей позиции. По дороге я замечал, что Симанчук порой морщится от боли. Но ни слова, ни вздоха я от него не слышал. Удивительно крепкий характер был у моего друга.

— Гарне у тебя хозяйство, — похвалил Симанчук, осматривая мое снайперское гнездо. Особенно ему понравились броневищитки из толстой стали. Их недавно притащили откуда-то Кочубей.

— Як дот настоящий.

Я показал ему стрелковую карточку, на которой были указаны расстояния до ориентиров. Сам ушел на запасную позицию. Договорились с пулеметчиками и артиллеристами о полном взаимодействии.

Часа через два на берегу Ижоры, метрах в пятистах от нас, появился солдат с ведром. В оптический прицел гитлеровец был виден лишь на мгновение. Стоило сделать

ему два-три шага, как он бы уже исчез за бугром. Но этих секунд для Симанчука оказалось достаточно. Прогресс выстрел. И фашист повалился.

— Бачил? — спросил меня Григорий, когда я подошел к нему.

— А як же! Выстрел точный. Не забыл Симанчук своего снайперского искусства, — похвалил я Григория.

В этот день нам удалось уничтожить еще двух фашистов. Просидели в ячейке до самого вечера. И когда вернулись, то узнали, что Симанчука разыскивают по всем ротам. Командир полка беспокоился, как бы с ним чего не случилось.

Потом мы еще несколько раз вместе выходили на позиции. Симанчук показал себя блестящим снайпером и тактиком стрелкового огня. Он с винтовкой составлял как бы единое целое.

Однако ранение давало о себе знать, и Грише все тяжелее становилось находиться на передовой. К этому времени у нас в полку организовали снайперскую школу. Начальником ее был назначен вернувшийся из госпиталя лейтенант Теплов. Одним из инструкторов школы стал Григорий Симанчук. Огромный боевой опыт, практические навыки помогли ему стать одним из лучших преподавателей в этой школе.

Кроме того, Симанчук продолжал бывать в ротам. Проводил беседы, занятия с молодыми бойцами. Словом, «списываться» Григорий по хотел. И лишь в конце сорок третьего года по настоянию врачей он как инвалид войны был демобилизован.

Некоторое время Симанчук жил в Ленинграде, а затем уехал на Украину. Мы долго с ним не виделись, и вдруг три года назад он приехал на встречу с однополчанами в День Победы.

Гриша мало изменился. Конечно, это не тот хлопец, которого я увидел весной сорок третьего. Немного располнел, округлилось лицо, появился второй подбородок.

Да и на висках заметно серебро. Но сохранились все та же добрая улыбка, ласковые с хитройкой глаза.

Уже много лет Григорий Симанчук живет в Кисеве, работает механиком на Дарницком комбинате.

## ГЛАВНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Летом сорок третьего года в Красной Армии прошла реорганизация партийных и комсомольских организаций. В батальонах и им равных подразделениях были созданы первичные партийные и комсомольские организации.

Это событие сыграло большую роль в моей жизни, а точнее, определяло дальнейшую судьбу.

Июньским утром сорок третьего года меня срочно вывезли в политотдел дивизии. Начальник политотдела подполковник П. И. Бидаха после короткого разговора неожиданно предложил:

— Мы решили рекомендовать вас, товарищ Дьяченко, комсоргом стрелкового батальона. Должность освобожденная, офицерская. Согласны?

Что я мог ответить? Обязанности комсорга я не очень себе представлял, хотя почти полгода был членом бюро ВЛКСМ полка. Но раз начальство решило, то так тому и быть.

— Если в своем батальоне, то согласен!

Бидаха улыбнулся:

— Только так... Никуда переводить не будем!

Через несколько дней объявили приказ о моем назначении. Тогда, во время войны, комсорги в действующей армии не избирались, а назначались приказами.

Ребята, узнав о моей новой должности, шутили: «Смотри, Федор Трофимович, не зазнавайся, не забывай старых друзей!» А мне было не до шуток. На первых порах я встретил немало трудностей. Текущая комсомоль-

ская работа захлестнула меня. Я был занят с утра до вечера. То надо в ротах побывать, то оформить комсомольские документы, то присутствовать на заседании полкового комсомольского бюро или на совещании. Моя снайперская винтовка сиротливо стояла в углу землянки. И лишь по вечерам я брал ее в руки, чтобы почистить и смазать.

Я с глубокой благодарностью вспоминаю своих старших товарищей — начальника политотдела подполковника Бидаху, помощника начальника политотдела по комсомолу капитана Савицкого. Они прививали мне, молодому коммунисту, вкус к комсомольской работе, как к важнейшему партийному поручению.

Постоянную помощь я получал от своего друга комсорга полка старшего лейтенанта Анатолия Жданова. Он непосредственно учил меня азам комсомольской работы.

Через пару месяцев у меня уже появился кое-какой опыт. Мы стали смелее проявлять инициативу. Сколачивался и комсомольский актив батальона. Моими помощниками были комсорги рот Толя Плеханов и Ваня Мякшин.

Я старался перенимать все полезное и интересное у комсоров других батальонов полка. Подружился с лейтенантом Володей Апаньевым, комсоргом 2-го батальона. Он еще в сорок втором году окончил армейские курсы младших политруков и, конечно, во многих вопросах разбирался лучше меня.

Часто на переднем крае в солдатских землянках, в снайперских ячейках мы видели помощника начальника политотдела 55-й армии по комсомольской работе и инструкторов по комсомолу политотдела армии.

Запомнились мне встречи с инструктором политотдела армии старшим лейтенантом Яковом Громовым. Остроумный, веселый, он удивительно быстро располагал к себе людей. Поговоришь час, а кажется, будто давным-давно знаком. О самом сокровенном рассказываешь, как старо-

му другу. Я познакомился с ним весной сорок третьего года после наступательной операции под Красным Бором.

Однажды вместе с комсоргом полка Анатолием Ждаповым я увидел направляющегося по ходу сообщения в пашу землянку плотного, невысокого роста старшего лейтенанта.

Комсорг полка познакомил нас. Громов присутствовал у нас на ротном комсомольском собрании. Потом он остался в роте, и мы долго с ним беседовали. Он спросил меня:

— А как сейчас идут снайперские дела в роте?

— Да не сказал бы, что плохо, но и похвастать в чем, — уклончиво ответил я.

— Что ж так?

— Снайперов дюже много стало, а толку мало.

— Вот как! Присядь, расскажи, в чем дело.

Я высказал ему, о чем давно подумывал. Конечно, хорошо, что по всему фронту гремят выстрелы истребителей, только на иных участках этот «гром» пустой — без «грозы». Передко в погоне за количеством истребителей на передний край направляют неподготовленных бойцов. Они плохо маскируются, не изучают маневров противника. В результате несем лишние потери, да и настоящим снайперам такая подмога — одна помеха. Вражеские солдаты тоже не дураки, зря головы подставлять не станут.

— А что ты предлагаешь? — спросил Громов.

— Определить снайперам сектора обстрела и действовать парами. Пусть повички для начала наблюдателями при опытных стрелках побудут...

— Дело говоришь! — поддержал меня Громов. — Я о нашем разговоре обязательно доложу начальнику политотдела.

Не берусь утверждать, что наша беседа имела большое значение — видимо, об этом и в других полках так же думали, — но только вскоре были получены указания



командующего армией генерала В. П. Свиридова о боевом использовании снайперов в обороне.

Работа комсомольских организаций в те военные годы отличалась особой деловой инициативой, целенаправленностью. Не скрою, иногда допускали мы и ошибки. Но сама жизнь, требования суровой и жестокой действительности подправляли молодежь.

...Однажды меня вызвали в политотдел 55-й армии на семинар комсorgh батальонов. Там я встретился с помощником начальника Политуправления фронта по комсомольской работе подполковником И. С. Бучуриным. До начала семинара осталось часа полтора, и Бучурин решил побеседовать с нами, так сказать, в неофициальной обстановке.

Мы собрались в домике, где находилось комсомольское отделение политотдела армии. Иван Степанович попросил меня рассказать, как я работаю комсоргом батальона.

Я раскрыл свою тетрадку и стал докладывать, какие вопросы мы обсуждали на заседаниях бюро, на собраниях, какие проводим беседы, сколько принято молодых солдат в комсомол. Говорю и замечаю, что слушает меня подполковник без интереса. И я умолк.

Бучурин достал пачку «Казбека», угостил нас, сам закурил и спрашивает:

— Ну а как боевые дела идут у комсомольцев? Наверное, все стали истребителями, коль сам комсорг известный снайпер?

— Комсомольцы истребляют фашистов... Покоя им не дают! А комсорг теперь больше бумаги пишет да планы составляет... — ответил я, не скрывая своего неудовольствия тем, что оторвался от боевых дел.

— А мы-то думали, что Дьяченко стал еще чаще выходить на передовую бить врагов. Все же комсорг... Лич-

ный пример... — На лице Бучурина появилась хитрая улыбка.

Мне стало обидно. Хотелось сорваться с места и уехать в свою роту. В голове одна мысль: «Не по мне эта работа...»

Бучурин понял мое состояние, положил руку на плечо и спокойно говорит:

— Не горячись, Федор! Снайпер должен иметь выдержку... Послушай, что сегодня будут говорить на семинаре, посоветуйся с товарищами... Я думаю, сумеешь правильно определить, что надо делать!

Свое выступление на семинаре Бучурин посвятил подготовке к 25-летию комсомола.

— До знаменательной даты осталось около трех месяцев, — сказал Иван Степанович, — и юбилей Ленинского комсомола мы должны встретить новыми боевыми делами. Мерилом для каждого комсомольца-фронтовика должно быть: как ты участвуешь в войне, какой твой вклад в победу над врагом?

Он подчеркивал, что нет важнее задания, нет поручения более почетного, чем уничтожение гитлеровских оккупантов. В этих словах я слышал ответ на мой вопрос: что же должно быть главным в комсомольской работе?

Надо сказать, что комсомол с самого начала массового движения истребителей стал его душой. Да это и понятно. Среди снайперов большинство составляли воины комсомольского возраста. Потому что от снайпера требовались ловкость, проворство, выносливость. Он должен был иметь хорошее зрение и крепкие нервы, чтобы выдерживать то огромное напряжение, которое приходилось иной раз испытывать, часами находясь в засаде. Все это мог вынести только молодой организм.

Комсомольские организации уделяли огромное внимание снайперскому движению. Немало сил и энергии работе с истребителями отдавали работники комсомольского отдела Политуправления фронта во главе с подполковни-

ком И. С. Бучуриным. Он был одним из инициаторов и активных организаторов 1-го фронтового слета снайперов, сыгравшего большую роль в развитии этого массового движения.

После семинара я подошел к Бучурину и сказал ему, что понял, как должен работать комсорг батальона.

— Так как же? — спросил подполковник.

— Еще лучше бить фашистов!

— Правильно, Федор! Личный пример всегда был и есть лучшее средство убеждать людей... Тогда за тобой и молодежь пойдет. Снайперское движение — наше кровное дело.

Вернувшись с семинара, я рассказал о своей беседе комсоргу полка старшему лейтенанту Анатолию Жданову.

— Ничего, Федя, привыкай к критике, — ответил мне комсорг. — И давай подумаем, как исправить положение.

Мы задумали поставить такую задачу, чтобы к 25-летию Ленинского комсомола каждый молодой воин батальона открыл истребительный счет мести. Начать работу решили с комсоргов рот, с комсомольского актива. Пусть они сами покажут в этом пример.

Я договорился с замполитом батальона капитаном Крыловым о том, чтобы наладить регулярные занятия по снайперской подготовке с комсомольским активом. Он поручил коммунисту командиру минометной роты старшему лейтенанту Щукицу помочь нам. Командир минометчиков отлично знал баллистику, умел просто и доступно объяснить вычисление угловых величин, способы определения расстояния. Но больше всего внимания мы уделяли практической учебе. Я взял шефство над молодым комсоргом роты Плехановым и вместе с ним стал выходить на боевой рубеж.

Комсорг рот, активисты сами начали заниматься с бойцами в своих подразделениях, помогая им быстрее научиться метко стрелять, правильно выбирать цели, маскироваться.

Наша инициатива дала вскоре свои плоды. В батальоне заметно прибавилось снайперов, большинство солдат стали меткими стрелками.

Массовое снайперское движение, начатое по инициативе комсомола, получило широкую поддержку командования. Достаточно сказать, что в штабе Ленинградского фронта, где решались крупнейшие вопросы обороны Ленинграда, была группа офицеров, отвечающая за организацию подготовки инструкторов снайперского дела, обучение снайперов-истребителей в войсках.

После войны мне довелось встретиться с одним из этих офицеров штаба фронта — заслуженным мастером стрелкового спорта, чемпионом и призером крупнейших международных и всесоюзных стрелковых соревнований П. В. Богдановым.

— Еще до войны, — рассказывал мне Николай Васильевич, — комсомол и Осоавнахим уделяли большое внимание подготовке стрелков. Огромную популярность в те годы завоевало выполнение нормативов по стрельбе на значок «Ворошиловский стрелок». К началу войны десятки тысяч юношей отлично владели винтовкой и пулеметом.

В первые дни войны известные ленинградские мастера стрелкового спорта, среди них Г. Гильбо, В. Трапиков, Д. Иванов, А. Манахов, И. Егунов и другие, ушли в действующую армию. Они не только сами стали истребителями фашистов, но, что особенно важно, подготовили сотни своих учеников.

О том, какое большое значение имело массовое снайперское движение, говорит и тот факт, что о действиях снайперов нередко появлялись сообщения в сводках Совинформбюро.

Вот одно из таких сообщений:

«От Советского Информбюро. Из утреннего сообщения 9 января.. На Ленинградском фронте наши снайперы за

три дня истребили до 400 солдат и офицеров противника».

Патриотическое движение истребителей фашистских оккупантов получило широкий размах не только на Ленинградском фронте. К началу сорок второго года оно охватило все фронты. На юге гремела слава о снайпере Людмиле Павличенко, под Сталинградом — о Василии Зайцеве, в боях за Москву прославилась Инна Мудрецова.

По данным Главного политического управления Советской Армии, в снайперском движении в сорок третьем году участвовало 46 тысяч комсомольцев — половина всех снайперов нашей армии.

По инициативе ЦК ВЛКСМ в годы войны под Москвой была создана Центральная снайперская школа. Вначале в нее набирали курсантов из лучших стрелков-мужчин, но вскоре была открыта и Центральная женская снайперская школа.

Снайперские школы, курсы появились в армиях, дивизиях и полках — всюду, где это было возможно и необходимо. Я уже рассказывал о снайперской школе в нашей армии. Но мне хотелось бы вспомнить еще об одной, пожалуй, одной из первых фронтовых снайперских школ. Она была создана по инициативе и при непосредственном участии снайпера-истребителя Героя Советского Союза старшего сержанта В. Пчелинцева.

Владимир Пчелинцев пришел на фронт в начале войны добровольцем прямо со студенческой скамьи Ленинградского горного института. Еще до войны он занимался стрелковым спортом и показывал отличные результаты. На фронте Пчелинцев стал одним из зачинателей снайперского движения. Вот тогда у него и возникла мысль организовать подготовку снайперов-истребителей в подразделении, где он служил. Командир одобрил его предложение.

Это была небольшая пикета из восьми учеников. Занятия с ними проводил сам Пчелинцев. Бойцы изучали основы баллистики, материальную часть оружия, учились тактически грамотно выбирать цели и вести огонь.

Через двадцать дней состоялся первый «выпуск» школы. Экзамен сдавали на переднем крае. В зачет шла стрельба по фашистам. Первые выпускники Шмелев, Гусев, Владимиров и Феофилов показали отличные результаты. На их счету было до десятка уничтоженных гитлеровцев.

В 1942 году Пчелинцев был отозван в Москву в распоряжение ЦК ВЛКСМ. Он принимал участие в создании Центральной снайперской школы и был одним из ее инструкторов. А осенью 1942 года по приглашению прогрессивных зарубежных организаций в составе первой советской молодежной делегации отправился за границу — в США и Англию.

В состав делегации входило всего три человека: секретарь Московского горкома ВЛКСМ Н. Красавченко, студентка Киевского университета, прославленная женщина-снайпер, сражавшаяся при защите Одессы и Севастополя, Герой Советского Союза Людмила Павлюченко и наш ленинградец Герой Советского Союза Владимир Пчелинцев.

Мне кажется весьма символичным тот факт, что в числе первых представителей советской молодежи, кому довелось закладывать основы единства антифашистских сил мира, были наши воины-снайперы, непосредственно с оружием в руках принимавшие участие в борьбе против гитлеровского фашизма.

В то время об этой поездке советских делегатов в газетах сообщалось очень мало. Подробный и интересный рассказ мне довелось услышать от Владимира Пчелинцева на одной из встреч зимой 1949 года в редакции газеты «Ленинградская правда».

Большое впечатление у наших делегатов оставила

встреча с президентом США Рузвельтом в Белом доме. Она состоялась 4 сентября 1942 года. Президент выступал с приветственным конгрессу молодежи, и советские делегаты были приглашены к нему на прием. К слову сказать, это была тогда единственная делегация, удостоенная чести быть принятой Рузвельтом.

— Нас президент США встретил очень тепло. Он каждому пожал руку. Долго беседовал с нами. Интересовался, как мы живем, воюем. Мне, в частности, — говорил Пчелинцев, — пришлось рассказать ему о Ленинграде. И он буквально был потрясен героизмом ленинградцев.

Вспоминая поездку в Америку и Англию, Пчелинцев подчеркивал радушное отношение к ним со стороны простых людей, которые с энтузиазмом поддерживали идею открытия второго фронта. На этих встречах нашу делегацию буквально засыпали вопросами о Советском Союзе, о том, как живут и трудятся советские люди.

Затаив дыхание слушали простые американцы рассказ Пчелинцева о героизме рабочих Кировского завода, расположенного в непосредственной близости к фронту. Вызывали восхищение рассказы наших героев о босых делах советских солдат и офицеров. Падкие на сенсационные заголовки американские журналисты в то время о Пчелинцева публиковали статьи под такими, например, названиями: «Человек, застреливший батальон».

Были и иные встречи, иные разговоры, напоминающие о том, что существует и вторая Америка, Америка миллиардеров и политиканов, тех, кому и сегодня выгодна война и гонка вооружений.

Определенные круги всячески старались сгладить впечатление, которое оставалось у американцев после встреч с нашими делегатами. Но правду, как говорят, не упрятать в ящик. Поездка советской молодежной делегации завершилась успешно и показала, как важно в борьбе с фашизмом и реакцией объединить все прогрессивные силы мира.

Я с Пчелинцевым познакомился спустя почти двадцать лет после войны, когда однажды Герой Советского Союза полковник Пчелинцев приехал по делам службы в Ленинград. Мы долго беседовали, вспоминали фронтовые будни.

Ныне В. Н. Пчелинцев вышел в отставку. Казалось бы, сиди дома, отдыхай, ветеран. А ему не сидится. Владимир Николаевич активно участвует в общественной жизни, ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. По путевкам ЦК ВЛКСМ часто ездит по стране, рассказывает молодым о боевых делах фронтовиков. Его приглашают на различные слеты, пионерские сборы, соревнования. В общении с молодыми, в передаче им боевого и жизненного опыта он видит свой долг старого солдата.

## **ПОЛКИ ИДУТ ВПЕРЕД**

...Но вернемся в ошеленные огнем годы войны. С тревогой следим за развернувшимися в июле сорок третьего года событиями под Орлом и Курском. Ошеломляют масштабы, цифры сражения: подбито и сожжено сто... двести... триста танков, сбито пятьдесят, сто самолетов, уничтожено техники... И это только за один день!

Не могу даже представить себе этот крошечный ад — рев тысяч моторов, неумолкаемый грохот разрывов снарядов... Как уцелеть в такой «мясорубке» солдату?

Наши бои «местного значения» кажутся райской жизнью. Хотя тоже льется кровь, растут холмики солдатских могил.

И вот первые сообщения: началось контрнаступление наших войск под Курском, на орловском направлении освобождено свыше ста населенных пунктов. Наши выстояли! Полки, дивизии, армии пошли вперед!



Утром или вечером, когда ни появишься среди бойцов, сейчас же вопросы: «Что нового на фронте? Какие города и населенные пункты освобождены?» У нас много ребят с Харьковщины, Черниговщины, Брянщины, из Белоруссии... Как светлеет лицо солдата, когда он узнает, что его деревенька вызволена из фашистской певолы.

Эти чувства я испытал на себе. Мы были в конце августа выведены на переформирование. Занимались боевой подготовкой, получали пополнение, приводили в порядок себя и оружие.

Ранним утром наш батальон вышел на тактические учения. Шли проселком. Вокруг березки и осины в золотистом осеннем убранстве. На серебристых нитях паутинок играют лучи солнца. Моя любимая пора — «бабье лето». И мне даже война не может помешать восхищаться красками природы.

Меня догоняет комсорг полка старший лейтенант Жданов и хлопает по плечу:

— Слышал, Федор, наши войска Полтаву освободили!..

Я останавливаюсь как вкопанный. В три раза быстрее забилося сердце. Хватаю Анатолия за плечи:

— Не брешы! Повтори, что сказал!

— Полтаву освободили! Багрий по радио слушал и записал.

Радист сержант Виталий Багрий — наш полковой «спайпер эфира». Принимать сводки Совинформбюро — его комсомольское поручение. И пока к нам попадут газеты, мы уже знаем, какие города освобождены.

— А Бетяги! — продолжаю тормозить комсорга, — не слышал? Освободили?!

— Не знаю, Федя. Но если сегодня не освободили, то завтра освободят. Дело в тому идет...

Спустя несколько дней я решил отправить на родину такое письмо: «...Не знаю, кому в руки попадет мое письмо, но кто бы ни читал его, уверен, что даст мне ответ. Бетяговских людей я знаю всех, да и люди знают меня.

Знают не только как хлопца, подростка, а как бессемного пастуха. И ведь не одно лето пас коров колхозников... Напишите о моей матери, о братьях Грише и Саше, о сестричке Гале. Где они?..»

Прошла не одна неделя, я подумывал, как начать разыскивать своих, и вдруг получаю письмо от председателя сельсовета Владимира Николаевича Ваценко. В нашем селе он был самым уважаемым человеком. Мать у меня неграмотная, вот и попросила Владимира Николаевича написать мне. Ваценко рассказал, что творили оккупанты в Бетягах. Богатый когда-то колхоз, крепкие хозяйства колхозников обнищали так, словно пережили великий мор. Написал Владимир Николаевич и о моей семье. Мать, сестричка Галя и братишка, самый младший, живы-здоровы. Конечно, живут, как все, — трудно. Лишней маковки в хате не пайти.

Гришутка, единственный в семье мужчина, ходит на работу в колхоз. И я невольно улыбнулся, мысленно представив себе нашего пацапа за плугом. Поднимали хозяйство в разоренных, разграбленных фашистами селах и деревнях женщины, старики да ребятишки-подростки.

О моем другом брате — Саше — Ваценко написал, что его угнали в Германию.

Судьба брата долго оставалась неизвестной. Немало наша мать пролила слез. После войны Саша вернулся. Горя хлебнул столько, что иному на две жизни хватит. Но беды не согнули его. Саша получил высшее образование и сейчас работает в районной газете.

Напряженная боевая подготовка продолжалась всю осень и почти до конца декабря. В Ольгине, Лисьем Носу не осталось ни одной полянки, ни одной капавки — все использовали. День и ночь учились штурмовать укрепления, папоминающие вражеские доты и дзоты. Наступали

с таким азартом, что рукопашные схватки «противников» приходилось разнимать комбату.

Учились прижиматься к огневому валу. Нелегко, совсем не просто было заставить себя бежать по полю, когда впереди рвутся настоящие снаряды и мины, а не имитационные взрывпакеты. В таком «учебном» бою не только пот, но и кровь иной раз проливалась. Но только так и можно было приучить себя преодолевать страх, смело и решительно бросаться в атаку.

А обкатка танками? Ты лежишь на дне траншеи, свернулся в клубок и кажешься крохотной песчинкой, когда над твоей головой проползает черное днище «тридцатьчетверки».

Но вот танк прошел, дохнув па тебя в последний раз персгаром солярки. Ты встал, стряхнул песок, комья земли, выскочил на бруствер, словно ничего и не произошло. Нет, это не так! Ты теперь стал уже другим — богатырем! Исчезло противное, липкое чувство страха.

Вот так, изо дня в день, неделями мы готовились к решающему часу. Да и не только мы — все дивизии, все войска Ленинградского фронта. Словом, невозможно даже представить, какой труд сотен, тысяч воинов был вложен в подготовку того момента, который в приказах именовался коротким словом «прорыв».

И вот пришел наш черед. Мы дождались большого наступления. Весь день 14 января 1944 года с утра до вечера не затихал орудейный гром правее нас, на Ораниенбаумском «пяточке». Начала 2-я ударная... Вчера в дело вступила 42-я армия, в состав которой теперь вошла наша дивизия. Впереди действуют гвардейцы генерала Симоняка. Одно это имя уже говорит солдатам о многом. Где Симоняк — жди большого наступления! У многих была в памяти операция по прорыву блокады, в которой отличилась дивизия генерала Симоняка.

Ночью мы совершаем марш — догоняем гвардейцев. Всюду следы недавних боев. Обгорелые остовы автомашин,

скрюченные, замерзшие трупы гитлеровцев, перевернутые, искореженные орудия. И сплошные воронки, воронки — словно могучий пахарь прошел по этому полю битвы.

На Пулковской высоте, как надгробья, выступают очертания разрушенных зданий знаменитой обсерватории. И вся высота — в паутине трапез и ходов сообщений, орудийных и пулеметных гнезд. Это был рубеж, на котором пали стояли ленинградцы. Теперь здесь тишина. Позади нас — Ленинград! В ночной мгле его силуэт кажется особенно величественным и строгим. Правее слышатся орудийные зарницы. Это бьют главные калибры кораблей, фортов и Кронштадта. Балтийцы как бы сопровождают в решительный бой защитников Ленинграда.

Под ногами рыхлый, размешанный колесами, гусеницами, саногамы снег. Идти несложно, а кроме того, без конца уступаем дорогу танкам, артиллерийским тягачам, грузовикам, нагруженным боеприпасами. И чем ближе к фронту, тем все чаще приходится сходить на обочину.

Иногда на шоссе образуются пробки. Стоит шум, ругань. Вот тогда мы чувствуем свое превосходство и обгоняем застрявшую «мехтягу». Но скоро «пробка» рассыпается, и мимо нас вновь устремляется вперед могучий поток военной техники.

Мы продолжаем свой путь. Иногда навстречу попадают запорошенные снегом остатки выжженных, стертых с лица земли поселков, деревушек. Их названия — Вениризи, Кокколево, Виттолово — остались только на картах. Всюду сплошная снежная равнина.

Справа огненные сполохи, небо освещено багрянцем пожаров. На черных горбах Кирхгофских высот не затихает бой. Вторые сутки слышится несмолкаемая артиллерийская канонада.

Я встречаю минометчиков Кочубея. Рота занимает огневые позиции. Ребята с радостью сваливают с плеч тяжелые минометные плиты, «самоварные» трубы. При-

саживаются, чтобы перевести дух, отдохнуть. И сразу приводят минометы в боевую готовность.

— Слышишь, как гремит? — обращается ко мне Николай.

— Здорово! Земля так и гудит...

— Я такого грома за всю войну не слышал. — Он достает кисет, подарок от Кати. — Закуривай!

Мы сворачиваем по самокрутке, прикуриваем, и вроде становится теплее.

Странная какая-то в этом году зима. Песколько дней назад ударили морозы. И мы радовались, что получили новые валенки, добротные полушубки. А вчера пачалась оттепель. И я думал, что хорошо сделал, успев обменять у милиционера валенки на сапоги.

Здесь, на Кирхгофских высотах, снова подмораживает. Ветер бросает в лицо пригоршни колючего снега, и теперь нешлохо бы снова надеть валенки.

— Как думаешь, прорвем? — задаю Николаю вопрос.

Нашей дивизии предстоит задача не из легких: смелить солдат 45-й гвардейской и прорвать вторую полосу вражеской обороны. Времени на подготовку мало. Система огня противника почти не знакома. Словом, всякое может случиться.

— Прорвем! — отвечает Кочубей. В его голосе столько уверенности, что мне становится стыдно за минутное сомнение.

Я вспоминаю последнее перед наступлением комсомольское собрание. Оно состоялось до выхода на исходный рубеж на окраине Автова, когда дивизия еще находилась во втором эшелоне 42-й армии.

Это собрание не было похоже на другие. Намечал я доклад комбата, но его вызвали в штаб и вместо доклада мы велух читали письмо, написанное крупным детским почерком на листке бумаги в косую линейку.

«Дорогие бойцы и командиры! — писали ленинградские дети. — Без пощады уничтожайте врагов. Мы ждем,

как праздника, того дня, когда вы погоните прочь их от нашего города! Мы верим, что этот день близок...»

Письмо переходило из рук в руки. Мы клялись выполнить просьбу маленьких ленинградцев, испытавших за свои короткие жизни так много горя и лишений. Мы понимали, что пора отвечать не словами, а боевыми делами.

— В городе стыдно показаться, люди смотрят на тебя и будто спрашивают: доколь же ты, царь, под Ленинградом будешь сидеть? — как всегда, немного грубовато начал Иван Мякшин.

И словно запруды прорвало — ребята один за другим высказывали свои думы. Начался горячий разговор о том, как лучше выполнить нашу боевую задачу.

Говорят хлопцы вроде бы и не о больших делах, разговор идет свой, внутренний. Один справедливо замечает, что в бою всякая мелочь важна. Другой припоминает, как в прошедших боях из-за нерасторопности подносчиков патронов взвод понес лишние потери. Кому-то делают замечание, чтобы не увлекался «трофеями». Словом, идет такая внутренняя чистка, после которой каждый блестит как стеклышко!

Само собой возникло и решение собрания — комсомольцам быть вожаками атаки. Кто-то из ребят подал мысль:

— Хорошо бы красные флажки иметь. Достиг рубежа — флажок! Пусть все видят и равняются по передним.

Идея понравилась, но где взять в стрелковом батальоне красной материи? Попробовали обратиться в полк, но там не нашлось и ленточки кумача!

Стоп! У кого-то я недавно видел красный платок? Вспомнил и чуть ли не бегом направился в город на улицу Калинина, в Кировском районе. Вот и знакомый дом № 40. Во дворе барак, несколько дней назад в нем

располагался паш стрелковый батальон. На втором этаже дома живет ленинградская семья Колесниковых.

Стучу. На мое счастье, муж и жена оказались дома. Объясняю свою просьбу. У пожилой женщины от волнения выступили слезы.

— Сынок! Да разве пожалеешь для такого святого дела платок. Только скорее гоните прочь этих супостатов, — говорит она, разрезая на полосы свой большой красный платок.

Ее муж, плотник судостроительного завода, быстро выстрогал тонкие длинные рейки. Нашлись под рукой и гвоздики. Он быстро прибил полоски материи к палочкам, и получились отличные флажки. Довольный я вернулся в батальон и раздал их будущим вожакам атаки.

...Медленно тают предутренние сумерки. Мы сидим в бывших немецких траншеях. Впереди ровная линия окопов — первая трапшея вражеской обороны. Сейчас она безмолвствует.

Первы напряжены до предела. Кажется, так бы и сорвался, понесся вперед с автоматом в руках. Но надо терпеливо ждать... Твои первы должны быть крепче стали, только так куется победа.

— Может, мы зря сидим? — спрашивает Саша Чиж.

— Как это зря? — пастораживается Кочубей.

— Очень просто, гитлеровцы испугались окружения, взяли да ушли...

— А ты поди да проверь...

— Верпо! Товарищ командир, может, устроим разведку?

— Сиди! А то сниму ремень да пропишу тебе «разведку»!

И все же я знал: мысли всех моих товарищей застыли одним — на своих ли рубежах фашисты, что они замышляют?

Недалеко от нас, привалясь к стенке траншеи, сидит Толя Плеханов, комсорг второй роты. Вчера я был на

заседали в партбюро, когда Анатолия принимали в партию. Невольно подумал: как он быстро повзрослел! Помню, пришел он к нам зеленым, необстрелянным юнцом. А теперь парень что падо! Ведь не зря ребята избрали его своим вожаком. И не случайно ротный командир называет его «комиссаром», вкладывая в это слово особый смысл.

Я смотрю на красивое, сосредоточенное лицо Анатолия, плотно сжатые губы. Над переносицей упрямая складка. Правой рукой Плеханов придерживает автомат, в левой — флажок. Он алеет, как маленькое знамя.

Подошел командир батальона капитан Кучерявенко. Ему эту ночь почти совсем не пришлось спать. Но голос капитана бодрый, он шутит, посмеивается над переменной ленинградской погодой. Словом, по всему видно, настроение у командира отличное. И оно, как электрический ток, передается всем солдатам.

— Как настроение, комсомол? — спрашивает комбат.

— Настроение бодрое! — отвечаю ему в тон.

— Снайперов своих видел? Напомни им: главные цели — пулеметчики и офицерский состав.

— Так точно, товарищ комбат!

Я хотя и комсорг батальона, но в бою продолжаю как бы шефствовать над снайперской группой. И сам нередко беру в руки свою снайперскую винтовку. Истребительный счет продолжает расти. Разменял четвертую сотню. Трехзначные цифры уничтоженных гитлеровцев и у большинства моих товарищей. Часто вспоминаю слова нашего начальника политотдела дивизии: «Ненависть должна быть активной. Уничтожь фашиста, тогда все скажут: да, ты действительно ненавидишь врага, действительно любишь Родину!»

...Стрелки на часах показывают 9 часов 20 минут. Одна за другой взвились в небо сигнальные ракеты. И хотя мы все ждали этого мгновения, для нас оказался неожиданным ураган огня, обрушенный на гитлеровцев.



Номерные орудий, стрелявших прямой наводкой, работали, скинув шинели. Над нашими головами проносились снаряды тяжелой артиллерии, огненные стрелы «катион».

Над вражеским передним краем повисла густая пелена черного дыма. В воздухе мелькают какие-то обломки. Голя Плеханов что-то кричит, показывая рукой вперед. Я только вижу, как шевелятся его губы.

Еще какой-то миг, и снежная равнина заполнилась людьми в белых маскахалатах. Стреляя на ходу из автоматов, винтовок, ручных пулеметов, мы мчимся через проходы в минных полях, с ходу врываемся в первую и вторую траншеи. Никто из нас не останавливается: мы продвигаемся вперед, в глубь вражеской обороны, сокрушая все на своем пути.

Справа ожил пулеметный дзот. Длинная очередь полоснула по нашей цепи. Ну, погоди! Сейчас я с тобой расквитаюсь. Прячась в еще дымящихся воронках, я подполз к дзоту и, сильно размахнувшись, бросил гранату в его амбразуру. Пулемет умолк. Из черной пасти дзота повалил дым. Я вскочил на его макушку и водрузил свой красный флажок.

Мельком оглянувшись вокруг, заметил, что такие флажки появились уже во многих местах. Они были похожи на яркие огопки и звали вперед!

— За Родину, за Ленинград! — с новой силой зазвучало над полем, заглушая грохот битвы.

К утру стало известно, что войска 2-й ударной и нашей 42-й армий встретились в районе Русско-Высоцкого. Рассказывали, что разгромлено до семи пехотных дивизий гитлеровцев. Враг оставил на поле боя тысячи трупов солдат и офицеров, захвачены сотни орудий, минометов, пулеметов и много других трофеев.

Освобождемы Красное Село, Ропша и десятки населенных пунктов. Особо отличились гвардейцы генерала Симоняка.

Я и парторг батальона старший лейтенант Якимов отправились по ротам сообщить новости. Меня, конечно, потянуло к минометчикам. Им как раз в это время доставили и обед, и ужин.

— Садись, Федор, к котелку поближе. Спробуем, что нам кок прислал! — пригласил Кочубей.

— Товарищ старший сержант, сначала кружечку трофейного рому пропустите, — предлагает командир расчета Чиж.

— Нет, Чирик, по мне лучше нашей «Московской» пет ничего. Могу и тебя угостить, — отвечаю я и отстегиваю фляжку.

Мы с Николаем едим из одного котелка. Дружно стучим ложками. Только теперь по-настоящему я почувствовал, как сильно проголодался. Кочубею пришлось отправиться за добавкой. Мне казалось, что отродясь не ел ничего более вкусного, чем пшенная каша с мясной подливкой.

Подзаправившись, присаживаемся у небольшого костра. Сказать, чтобы от него было тепло — нет. Но как приятно потрескивают сухие щепки, веточки. Костер напомнил мирное время, далекое и полузабытое. Вот так, бывало, мы, беляговские ребята, разводили в ночном на берегу пруда огонек. Костер багрянцем освещал наши лица. Рядом похрапывали спутанные кони. Мы сидели, прижавшись друг к другу, и слушали истории, от которых иной раз шли мурашки по телу.

На пути нашего наступления все было объято огнем и дымом. Трапезы противника до неузнаваемости разворочены снарядами, завалены трупами. Уцелевшие солдаты с перекошенными от страха лицами вынуждены из своих щелей, поднимали вверх руки, хватались за головы, что-то бормотали. Иные, обезумев, бежали куда попало. Но куда убежишь от меткой пули советского бойца?

Но вот противник опомился и, как видно, подбросил свежие силы. Началась жестокая схватка за каждую ло-

двинку, за каждый бугорок. На левом фланге его контратаку поддерживают танки.

Я случайно оказался рядом с Вапей Мякшиным. Прямо на пас полз тапк. Черный квадрат ясно обрисовывался на фоне неба.

— Попробую бронебойной выстрелить! — спокойно произнес Ивап.

— А если промажешь? — Я представил, как нам тогда туго придется.

— Смотри! — Он медленно ловит в оптический прицел смотровую щель водителя тапка. Ствол винтовки покачивается вверх, вниз.

Сухо щелкнул выстрел. Тапк, развернувшись бортом, прошел несколько метров вперед и неожиданно встал.

— Ну, дружище, это ты по-сибирски стукнул... Прямо «белке» в глаз. Здорово! — изумился я такому меткому выстрелу. И тут же решил, как выдастся время, выпустить листок-«молнию» о снайперском выстреле Ивана Мякшина.

Артиллеристы не замедлили открыть огонь по оставшемуся танку. После второго или третьего выстрела он окутался черным дымом. Значит, уязвим и этот фашистский «зверь»! Гитлеровские автоматчики повернули назад.

Мне почему-то все время казалось, что мы идем в обход Красного Села слева. Но на самом деле направление нашего наступления было иное. Впереди виднелись далекие очертания городских окраин Пушкина и Павловска. Наша задача была отрезать пути отхода пушкинско-павловской группировке гитлеровцев.

Ночь прошла в артиллерийской дуэли. Наши вели методический огонь. Недалеко от минометчиков разрывались немецкие снаряды. Однако усталость почти за двое бессонных суток свалила нас с ног. Тесно прижавшись друг к другу, мы спали крепким сном прямо на снегу.

Утром вновь возобновилось наступление. Атака началась без обычной артподготовки. Командир полка решил внезапным ударом ворваться в первые траншеи гитлеровцев и овладеть северной окраиной деревни Доли.

Стрелковые роты завязали рукопашный бой в первой траншее и выбили из нее противника. Но продвинуться дальше оказалось не так-то просто. Враги перешли в контратаку. С яростью обреченных они бросались на наши пулеметы. Весь день не умолкала капонада. В воздухе пахло гарью, кисловатым запахом пороха, кровью. Снег из белого давно уж превратился в пепельно-серый. По всему полю валялись трупы, разбитое оружие, пустые гильзы, стонали раненые.

Мне удалось приспособить себе под окопчик свежую воронку. Чуть правее расположились комбат и его два связиста. Он заметил меня, махнул рукой в сторону фашистов — дескать, не зевай. Да я и сам знал, что зевать не приходится, иначе тебя первого гитлеровцы снимут.

Пристально вглядываюсь вперед. Прямо передо мной из-за бугра появляется вражеская цепь. Передвигаются короткими перебежками. Позади солдат вышагивает офицер. В оптический прицел мне хорошо видно его злобное лицо. меховой воротник шинели поднят. Он что-то кричит, размахивая пистолетом. Осторожно приподнимаю винтовку, спокойно нажимаю на спусковой крючок. Приклад трехлинейки привычно отдаст в плечо. Еще одной фашистской «птицей» стало меньше.

Потеряв офицера, гитлеровцы замешкались. Этим воспользовалась наша правофланговая вторая рота и поднялась в атаку. Над полем понеслось громкое «ура!». Впереди я заметил бегущего солдата с красным флажком. «Кто это? Толя Плеханов?» — пропеслось в голове. Поднес бинокль к глазам. Да, не ошибся, это был он. Удивительно, как Анатолий сумел сохранить флажок. И теперь это маленькое знамя оказалось как нельзя кстати. Комсомольский флажок звал роту вперед!

Но вот Толя будто пырнул в снег и больше не поднимался...

Коротки солдатские похороны. Малыми саперными лопатками выкопали в мерзлой земле могилу. Опустили в плащ-палатке нашего комсорга. Сняли шапки, молча попрощались со своим другом. Прогремел троскратный залп. И над могилой вырос земляной холмик. Сверху на нем каска с красной звездочкой и на небольшой фанерной дощечке надпись: «Здесь похоронен рядовой 187 с. п. А. П. Плеханов. Год рожд. 1922. Убит 20-1. 1944 г. Вечная слава герою!»

Мы постояли у холмика свежевырытой земли на снежном поле. Скупые слезы застывали на наших обветренных лицах. Прощай, наш боевой товарищ! Мы не забудем тебя, враг дорого заплатит за твою рапную смерть!

Нелегко досталась нам победа. Дорогой цепой платили за каждую пядь освобожденной земли. После второго ранения выбыл из строя мой товарищ старший сержант Ваня Мякшиц.

В моем «кондуите» — толстой тетради, в которой ведется все комсомольское хозяйство нашей организации, против фамилий членов ВЛКСМ все чаще приходится делать отметки — «выб.», «погиб».

На семинарах, на различных совещаниях мы часто обсуждали вопрос: место комсорга в бою. Жизнь, бей точно определили, где должен быть комсорг: там, где всего труднее, где пужен личный пример, где решаются успех.

Так и поступил мой товарищ, комсорг 2-го батальона лейтенант Владимир Апащев. В критическую минуту он первым поднялся в атаку, и за ним пошли остальные. Володя был ранен, однако орлят своих не покинул.

Вынесли его с поля боя, когда он получил второе ранение, а сказать точнее, был «прошит» пулеметной очередью.

Долгое время я ничего не знал о его судьбе. Недавно получил письмо. Ананьев живет в Московской области, до ухода на пенсию работал на Косицкой трикотажной фабрике.

...Ночью бой стихает, днем разгорается с новой силой. От усталости люди едва держатся на ногах. Солдаты засыпают в траншеях, на снегу. Мы часто проверяем бывшие немецкие землянки и уцелевшие дзоты, — поднимем тех, кто забрел в них и заснул. Ребята, чертыхаясь, вылезают на свет божий. А ипой, по разобравшись спросонок, хватается за автомат!

Наш полк вышел к небольшой замерзшей речушке. Она пазывалась, кто бы мог думать, — Ижора! Кочубей, разглядывая карту, сказал:

— Знакома, матушка!

Это та самая Ижора, на берегах которой мы держали больше года оборону под Колпином. Невольно вспомнилось наступление весной сорок третьего года. Знаменитая Красноборская операция 55-й армии! Разве сравним ее размах с нынешней, когда в движение пришли десятки корпусов, дивизий, полков.

В ту весну наступление было лишь пробой сил. Теперь — ни у кого нет сомнения — наступать будем долго. Нас подменят свежие дивизии, полки. И сила ударов по врагу станет еще более мощной.

Как бы в ответ на мои мысли получен приказ готовиться к наступлению. Прикрывать нас будут танки. Через час-полтора к нам подоспел «тридцатьчетверки». Мы быстро знакомимся с танкистами, веселыми и чумазыми ребятами. Усаживаемся на тапки и мчимся вперед.

На окраине небольшой деревушки батальон завязал бой. На горизонте видно зарево пожаров. Словно ценами в косовицу, молотит артиллерия. Слышатся резкие пулеметные и автоматные очереди. Кажется, что после такого огня ничто живое не уцелеет. Мы поднимаемся в атаку, но неожиданно из-за развалин застрочил пулемет. Я по-

чувствовал тупой удар в ногу. Острая боль парализовала тело, сознание. И вокруг меня все стало погружаться во мрак.

Очнулся, когда услышал над собой голос нашего фельдшера Лиды Ивановой. Она кому-то говорила:

— Ничего страшного нет... Но кость, наверное, задела.

Я открыл глаза. Возле меня стоял Кочубей. Не знаю, как он узнал о моем ранении, но мне было приятно видеть его в эту минуту.

Он нагнулся, поцеловал меня и сказал:

— Все будет в порядке, Федор. Подремонтируют тебя — возвращайся обратно... Догонять будешь под Берлином...

— Догоню, Мыкола! Хоть на краю свита догоню!

Но, к сожалению, не пришлось догнать родной полк, который еще долго шел фронтовыми дорогами и закончил войну на территории Германии.

## РАССКАЗ

### ОБ ОДНОЙ ВСТРЕЧЕ

Однажды меня пригласили в 397-ю школу выступить перед ребятами. На встречи с мальчишками и девчонками я хожу с большой охотой. В такие дни личные дела по боку.

В школу я пришел к назначенному времени. Вместо со старшей пионервожатой прошел в актовЫй зал. Чувствую на себе любопытные взгляды десятков ребячьих глаз. Немного волнуюсь. Не так просто рассказывать ребятам о событиях минувших лет. Многие для них кажутся легендой, сказкой.

Среди детских лиц я заметил лицо молодой женщины-преподавательницы. Она пристально смотрела на меня. Мне показалось, что я где-то ее встречал.

Когда я кончил рассказывать, меня обступили школьники. Их вопросам, казалось, не будет конца. Ребята рассматривали мой майорский мундир, награды. Какому-то вихрастому пареньку даже захотелось потрогать золотую звездочку на лацкане мундира.

Потом со звонким смехом, с шумом ребята побежали в школьную раздевалку. Учительница подошла ко мне: — Федор Трофимович, а вы меня помните?

Я откровенно признался, что лицо знакомое, но где встречались, запомнил.

— Так я же Дина! Помните госпиталь на улице Восстания?

— Дина! — я обрадованно стиснул ее в объятиях.

Как всегда бывает в подобных случаях, вначале мы задавали друг другу обычные житейские вопросы. И лишь немного оправившись от волнения, перешли к тому, что для нас обоих было памятно и дорого. Перед глазами одна за другой всплывали картины военного времени.

...После ранения в январе сорок четвертого года я попал в госпиталь. Осколок мины пробил правую ногу выше колена. Вместе с осколком в рану попала инфекция.

На второй день нога распухла, посинела. Подскочила температура. Лечащий врач вынес приговор: ампутировать! Я не соглашался. Мне вспомнился дед Михаил в Норильске. Он потерял ногу в русско-японскую войну. Старик торговал на базаре спичками и махоркой. От него постоянно исходил сивушный запах. Нечесанный, в рваном шинеле, он производил жалкое впечатление. «Неужели и я буду таким? — От одной этой мысли меня бросало в пот. — Нет, ни за что не дам резать. Пусть что хотят делают!»

Прежде чем приступить к операции, врачи сделали рентгеновский снимок. Оказалось, в ране засел маленький осколок мины и задел кость. Узнав об этом, я решил сам освободиться от него с помощью металлического стерженька от машинки для набивки папирос,



Воспользовавшись тем, что в палате никого из сестер не было, я пошлоскала стержень в кружке горячего чая и ткнул его в рану. Кажется, осколок удалось сдвинуть, но адская боль пронзила тело. Я потерял сознание. Не слышал, как оказался на операционном столе, как вытащили и штырек, и осколок.

Дело кончилось для меня как нельзя лучше. Врачи сохранили погу. Недели через три я начал ходить. А в канун Дня Советской Армии услышал по радио радостную весть: мне присвоили звание Героя Советского Союза. Указ Президиума Верховного Совета СССР, напечатанный в газете, я перечитывал несколько раз. Трудно было поверить, что меня удостоили столь высокой чести. Ничего особенно героического я в своих делах не видел. Мой ратный труд был таким же, как и у любого солдата. И делал я то, что делали все солдаты.

Каждый день радио и газеты приносили все новые сообщения о военных успехах. Ленинградский фронт завершил освобождение области от фашистских захватчиков. Все дальше и дальше уходили полки...

Каждого вновь прибывшего раненого мы встречали расспросами. Ребята поступали из-под Волосова, Луги, Струг-Красных, Копорья... Они рассказывали, как бегут гитлеровцы, как радостно встречает своих освободителей местное население, сколько разрушенных городов и деревень попадается на пути наступления наших войск.

Рассказывали о партизанах, о деревнях, где в тылу у гитлеровских оккупантов продолжала существовать Советская власть. Мы слушали эти новости с восхищением, как необыкновенно чудесные истории.

Когда у рассказчика они истощались, нами снова овладевали тоска и скука. Было обидно валяться на госпитальной койке, когда твои товарищи сражаются. Не хотелось идти ни в госпитальный клуб смотреть кино, ни слушать концерт артистов. Единственной нашей радостью были девчужки из подшефной школы. Они прино-

сили с собой какое-то необъяснимое домашнее тепло. И каждый невольно вспоминал свою семью, дом, далекое мирное время. Мы привыкли к их посещениям. Когда наши «шефы» почему-то не приходили — в палатах становилось тихо и грустно.

Чаще других я видел невысокого роста, с бледным лицом девочку. Ее звали Дина. У нее были две топешные косички. И сама она была худенькая, хрупкая.

Дина старалась помогать всем. Нередко она работала на кухне, быстро и ловко перемывала горы тарелок. Закончив мыть посуду, она стирала бинты, скатывала их в тугие белые катушки. Потом приходила к нам в палату. Девочка писала солдатам письма домой, читала книги, газеты, помогала няням кормить тяжелораненых.

Я часто с ней разговаривал. Она делилась со мной своими детскими заботами, рассказывала о семье. В ее бесхитростных коротеньких историях открывались удивительные страницы мужества и страданий ленинградцев. Теперь в памяти сохранились лишь обрывки, какие-то кусочки тех разговоров, но они и по сей день волнуют меня.

— Тетя Катя у нас самая смелая, — рассказывала Дина. — Она рядом со снарядом жила. Не понимаете как? — переспрашивала она, удивляясь, как это я, солдат, и не понимаю, о чем идет речь. — Очень просто! Снаряд упал и не разорвался. Так и лежал около парадной... Если его не трогать, то говорят, он сколько хочешь может пролежать, пока не сгниет. Правда это?

Когда мы вернулись из эвакуации, я страшно боялась обстрелов. А подружка мне раз сказала: «Ты что, не понимаешь, когда «наш» и когда не «наш» снаряд летит?» Теперь я различаю их по свисту...

Осенью сорок первого года Дина вместе с матерью и братом эвакуировалась из Ленинграда. Но при первой же возможности, в сорок третьем году, они вернулись назад.

Ленинград продолжал сражаться. Он еще оставался городом-фронтом, городом-воином, но по всему чувствовалось, что близок час полного освобождения от вражеской блокады.

— В эвакуации я всему научилась... И стирать, и на огороде работать, и печку топить... Самое трудное печку топить. Дым ест глаза.

Вчера были с подружкой в «Титане». Интересное кино смотрели про партизан. А когда вышла, начался обстрел. Но летели наши снаряды, и мы не боялись.

Олежку вспомнила, двоюродного брата. Его снарядом убило весной сорок второго года в детском саду. Жалко очень. Мальчику было всего четыре годика.

В числе сотен тысяч людей, погибших в блокадном Ленинграде, он был по единственной жертвой среди родных и близких Дины. В скорбном списке их семьи есть мужчины и женщины, дети и солдаты. Одни пали в открытом бою с врагом, другие стали жертвами варварских обстрелов, умерли от голода. Я хорошо запомнил большие глаза девочки. В них была постоянная грусть.

Однажды Дина, потрогав мой новенький комсоставский ремеш, спросила:

— Вам на фронте давали кушать студень?

— Чего? — не понял я.

— Его еще холодцом называют...

— Нет, не пробовал...

— А тетя Лиза варила студень из столярного клея. Может, от этого и умерла... Говорят, лучше было варить студень из ремней. Только где же их было взять...

Студень из клея. Табак из кленовых листьев. Хлеб пополам с дурандой. Минеральное масло, солидол, сахарин, крапива — разве упомянуть все, что шло в пищу ленинградцев. Неужели все это было?! И 125-граммовый кусочек хлеба, ставший мерой стойкости и мужества ленинградцев, и люди, похожие на тепи, из последних сил тянувшие саночки с трупами близких, и дома, разбитые

и почерпевшие от пожаров, похожие на скелеты? Да, все было!

Из школы мы вышли вместе, и мне захотелось продолжить нашу неожиданную встречу, узнать, как Дина живет теперь.

— Дина... — запинулся я. — А по отчеству как?

— Васильевна, — подсказала она.

— Пойдите! Выходит, мы не виделись почти четверть века!

— Выходит, что так!

— Как после войны жили-то?

— Да так, как все. Ничего особенного в моей жизни не было, — смеясь ответила она.

Мы отправились вместе домой. По дороге Дина Васильевна рассказывала о себе, о своих родных.

— Как вы уже знаете, я педагог, окончила институт. Сейчас преподаю английский язык. Кажется, нашла свое призвание — учить ребят. Замужем. У меня растут две дочки. Родители состарились. Папа часто болен. Наверное, сказываются годы войны. Он же никуда из Ленинграда не выезжал, всю блокаду здесь был.

Мы остановились перед старинным домом на улице Марата.

— Ну вот, Федор Трофимович, мы и дошли.

Она попрощалась со мной и направилась в подъезд. Потом неожиданно остановилась.

— А вы как живете? Что ж о себе почти ничего не рассказали?

— В другой раз расскажу, успею! — ответил я.

Я шел не спеша по ночному Ленинграду. Где-то в стороне шумел Невский, а здесь было тихо и уютно. Лишь иногда пробегали автомашины, да встречались запоздалые прохожие.

После встречи с Диной Васильевной воспоминания, словно волна, нахлынули на меня.

...Выписавшись из госпиталя, я хотел только одного — вернуться в свой полк. Но меня неожиданно вызвали в Политуправление фронта. Уже знакомый мне подполковник Иван Степанович Бучурин усадил меня рядом с собой и спросил:

— Что будешь делать, Федя?

— Полк догонять! — не раздумывая ответил я.

— А война кончится, чем заниматься станешь? — продолжал допытываться Бучурин.

— Не знаю! Видно будет! — Действительно, я как-то и не задумывался над этим всерьез.

— После войны истреблять фашистов не придется, а вот охранять мир, чтобы не появились новые, пужно будет!

— Нужно? Так мы и будем охранять!

— Решили мы предложить тебе пойти учиться. Как смотришь на это? — На лице Ивана Степановича появилась знакомая добрая улыбка.

Отказаться — значит обидеть Бучурина, который это предложение тщательно обдумал. Согласиться — боялся, хватит ли у меня знаний, необходимых для учебы.

Иван Степанович заметил мои колебания и не торопился с ответом. Он с кем-то разговаривал по телефону, читал бумаги и словно не замечал моего присутствия. В кабинет вошел майор Шентуха. Он хотел что-то сказать. Бучурин приложил палец к губам:

— Тихо, Максим! Дьяченко думает, что он после войны делать будет.

— Федя, да что ты раздумываешь? Мы, например, когда кончится война, все учиться пойдем: кто в училище, кто в академию. Рано оружие из рук выпускать!

— А я и не собираюсь!

— Правильно, Федор. Мир надо не только завоевывать, но и охранять... Вот записка. Поезжай к начальнику курсов полковнику Золотухину. С отделом кадров я утрясу сам...

Через несколько дней я был зачислен курсантом фронтовых курсов подготовки и переподготовки политсостава.

Началась напряженная учеба. Занимались мы по двенадцать часов в день да еще и после отбоя умудрялись час-другой прихватить. Первое время наука давалась мне нелегко. О многом я и понятия не имел. Помню, главу из учебника о диалектическом и историческом материализме зубрил день и ночь. Брал памятью.

На помощь мне приходили преподаватели, товарищи. Я по сей день благодарен майору Пономареву, капитану Кабакову, старшему лейтенанту Подгорному. Они были не только требовательными старшими начальниками, но и чуткими, отзывчивыми товарищами.

На курсах я подружился с Виктором Щеголевым. Он, как и я, был комсоргом стрелкового батальона. Парень грамотный, со средним образованием, что по тем временам имел далеко не каждый.

Сидели мы за одним столом. Виктор помогал мне изучать историю СССР, географию, чертить топографические карты. Последние у него получались особенно ловко, чертежник он был превосходный. Уже после войны я случайно узнал, что на нашем Кировском заводе работает инженером-конструктором Виктор Александрович Щеголев. Тот самый Виктор...

...Шел сорок четвертый год. Год полного изгнания фашистских захватчиков с территории нашей Родины. Начавшееся в январе наступление под Ленинградом послужило началом общего наступления на всем советско-германском фронте.

Несмотря на огромную учебную нагрузку, нам казалось, что время тянется страшно медленно. В душе каждый из нас мечтал быстрее окончить курсы и догнать свои полки.

Каждое утро после физзарядки мы стремглав бежали к радиодинамикам, чтобы услышать торжественно-взвол-

нованпый голос диктора московского радио: «...Сегодня войска 1-го Белорусского фронта...» И мы гадали, кому будет салютовать столица.

Быстро промелькнули годы учебы. И вот мы стоим в новеньких мундирах. Они совсем недавно введены в армию. Оглашается приказ о присвоении воинских званий. Слышу свою фамилию и как на чужих ногах подхожу к пачальнику курсов. Он вручает мне погопы офицера Советской Армии.

Меня окружают друзья и поздравляют с получением офицерского звания — младший лейтенант.

Двадцать лет я отдал службе в армии. Армия для меня стала настоящей школой жизни. Приобретенные там знания и опыт пригодились и после увольнения в запас, когда я стал работать на Кировском заводе.

## **БЕРЕГИТЕ МИР!**

Как-то я вышел на Ленинский проспект погулять с внучкой Оксаной. Ой, как Оксана любит задавать деду вопросы! На одни ответить просто, а другие заставляют подумать, поразмышлять.

— Дедушка, правда, что на нашей улице война была? — спросила Оксаничка, когда мы остановились возле старого дота. — И из этого домика солдаты стреляли?

Я отвечаю Оксане, а перед глазами военное поле, изрытое траншеями, огневыми позициями, перепаханное разрывами снарядов и бомб.

Старый дот и современный проспект — реальная мера почти четырех десятков лет мирной жизни. И вроде бы незаметно выросли поколения, для которых война «на нашей улице» кажется чем-то неправдоподобным. Вероятно так же, как если бы нам в сорок четвертом сказали, что здесь будет один из красивейших ленинградских проспектов с высотными домами, с зеркальными витринами магазинов, с неоновой буквой «М» над входом в метро.

В стремительном беге времени порой нет минуты, чтобы оглянуться назад, подумать, откуда взялось то, что сегодня есть у нас, — новые проспекты, удобные жилища, могучая техника. Мы слишком ко многому привыкли, и даже полеты в космос теперь уже никого не удивляют.

Из памяти моего поколения — ветеранов войны, героев первых послевоенных пятилеток ничто не исчезло. Помню пашу землю, когда на ней была «нейтральная полоса». Вспоминаю первые послевоенные годы. В мае сорок шестого я ехал в отпуск на родину. Больно было смотреть из окна вагона на выжженную землю, на мертвые города и села. Когда же здесь появятся хаты, будут цвести сады и звенеть детские голоса?..

Что пророчили в те годы на Западе? «И пятьдесят, и сто лет не хватит России, чтобы подняться из руин». А мы наперекор всем «прогнозам» поднимались. Тяжело поднимались, очень тяжело! Я видел женщин, которые тянули на себе плуг, поднимая первую борозду; мальчишек и девчонок, одетых в истрепанные ватники, обутих в солдатские ботинки, с мастерком строителей в руках...

В конце сороковых годов мне довелось побывать на Кировском заводе. Тогда я не знал, что спустя несколько лет он станет для меня родным домом. Видел цехи, почерпевшие от пожаров, продуваемые всеми ветрами, зияющие проломами от снарядов и бомб. А в цехах возродилась жизнь. Возвращались кировцы с войны, с Урала. Возвращались на свои места станки.

Сегодня от тех цехов осталось два. За последние годы завод как бы родился вновь. Пройдите по проспекту Стачек — новые цехи из бетона, стали и стекла хорошо видны с проспекта. Ну а если придется на завод попасть, то подивиться есть чему: автоматика, механизация властвуют чуть ли не от заводской проходной. На вооружении кировцев сотни умнейших приборов, станков и машин.



И завод теперь стал мощным производственным объединением, включающим в себя целый комплекс производств.

Ну а наша продукция — знаменитый «степной кобрабль» трактор К-700 и все его «семейство» — известны не только во всех уголках страны, но и далеко за ее пределами.

Давайте подумаем, помечтаем, заглянем в будущее, каким оно будет через десять, двадцать, сорок лет... Так, как заглядывали в будущее в солдатских землянках Славик Голубев, павший на «нейтральной полосе», Толя Плеханов, поднявшийся первым в атаку январским утром сорок четвертого.

Советскую Армию называют детищем народа, плоть от плоти, кровь от крови его. Один из старейших в наших Вооруженных Силах зенитно-ракетный полк берет свое начало от Путиловской стальной батареи. И славный гвардейский мотострелковый полк, рожденный в феврале восемнадцатого года, тоже вырос из отряда красногвардейцев-путиловцев.

Мы, кировцы, шефы этих полков, и не только потому, что их боевая история тесно сплелась с трудовой и революционной историей завода, но и потому, что служат в этих полках наши сыновья и внуки. Они — представители кировцев в рядах Вооруженных Сил, которым ныне дано ответственнейшее поручение охранять мир, государственные интересы нашей Родины. И мы, бывая в наших полках, чувствуем себя не только гостями, но и хозяевами.

...У металлических ворот с гвардейским знаком на решетке наш автобус останавливает дежурный сержант.

— С Кировского?.. Проезжайте, давно ждем. — Проверив документы, он пропускает нас на территорию гвардейского Ленинградского Краснознаменного ордена Кутузова учебного мотострелкового полка имени Ленинского комсомола.

Знакомство с полком начинается в комнате боевой славы. Это живые свидетельства славной истории и боевого подвига полка.

Я смотрю на пожелтевшие фотографии, на потускневшую от времени саблю, на старую трехлинейку и думаю о тех, которые прошли огненные версты гражданской... Сражался под Исковом и Нарвой, штурмовали Перекоп, участвовал в рейдах конармейцев... Я думаю о своем батке, рядовом солдате революции, погибшем «за коммунию», так и не увидевшем новый мир, о котором он пел: «Мы наш, мы новый мир построим...»

— На этой схеме вы видите боевой путь нашего полка, — прерывает мои раздумья голос молодого лейтенанта.

Указка в его руках очерчивает на карте кривую мимо черных прямоугольников и квадратиков, обозначающих Пулково, через зеленое пятно леса, вдоль жирной линии — Киевское шоссе.

Я слушаю лейтенанта и чуть улыбаюсь. Для него эти линии, красные стрелы, зеленые пятна леса на карте — прошлое, история. А для меня — боевая молодость, мой вчерашний день.

Потом вместе с командиром полка едем на стрельбище.

Вдали, у кромки леса, — мишени. Мысленно прикидываю — расстояние метров триста, побольше, чем под Ям-Ижорой от нас до фашистских траншей. Возле вышки столпились молодые солдаты. Переживают. Интересно, как эти парни отстреляют?

— К бою!

Гвардейцы двинулись на рубеж.

Спустя секунды слышится мальчишеский голос:

— Первый готов!

Первый — это курсант Виктор Немцов. В день присяги я вручал ему снайперскую винтовку СВД. Отличнейшее оружие. Более чем на километр можно уве-

ренно поражать цели. В душе я даже позавидовал Виктору: «Мне бы такую в сорок втором...»

Парень волнуется. Естественно. У него сегодня как бы госэкзамен — принимают кировцы!

В морозном воздухе сухо щелкают выстрелы.

— Курсант Немцов, оценка «отлично».

— Молодец, Виктор! — поздравляю улыбающегося парня. — Так держаты!

Командир полка рассказывает, что среди мотострелков развернуто социалистическое соревнование за поражение целей первым выстрелом, первой очередью.

— Топ задают солдаты-кировцы.

Командир называет фамилии — Александр Поваров, Владимир Чемба, Валерий Романов. Имена знакомые. Осенью мы провожали их на армейскую службу. Наказывали высоко держать кировскую «марку». И ребята делом оправдывают наше доверие. Ведь не каждому оказана честь служить в кировском подразделении.

Стрельбы идут к концу. Командир не скрывает своего удовлетворения боевой выучкой подчиненных, да и мы разделяем его настроение.

— Федор Трофимович! А может, вы потрянете старшой? Командир роты, товарищу Дьяченко автомат!..

Старший лейтенант передает отливающий сишевой воронепой стали автомат, наставляет, как стрелять из него. Пока он говорит, я разглядываю оружие. Автомат новенький, выпуска прошлого года. В руках держать — одно удовольствие. Незаметно поглаживаю его и вспоминаю свою верную трехлинейку. Хотя она и послужила мне верой и правдой, однако с нынешним оружием не сравнишь.

Занимаю рубеж. Рядом — лейтенант, это для страховки. Чувствую, как гулко стучит сердце. «Эге, Федор, пошалливают нервишки!» Глаз косит на лейтенанта: заметил ли он мое состояние? Нет, кажется. Для лейтенанта главное, чтобы с гостем ничего не случилось, а мою

стрельбу он всерьез не принимает. Откуда ему знать, что для меня эти три выстрела вроде как инспекторская проверка.

Задерживаю дыхание и плавно тяну спусковой крючок. Стук! Звоном отдает в ушах выстрел. Еще раз — стук... стук... Все! Три выстрела. Поднимаюсь, отряхиваю снег. От напряжения слегка ломит руки. Вместе с лейтенантом идем к вышке. «Мазанул, наверное, старик!» — мысленно ругаю себя.

— Федор Трофимович, оценка — «хорошо». Поздравляю! — улыбается командир.

— Как видите, товарищ полковник, еще крепко держат руки ветеранов оружие...

Мы садимся в юркий «газик» и едем на тактическое учебное поле. Еще издали слышим хлопки выстрелов, многоголосое «ура!». Кто-то атакует!..

Входим в помещение командного пункта управления тактическим городком. На пульте поблескивают рычажки, кнопки, мигают сигнальные лампочки. Достаточно нажать на одну из кнопок, и на поле боя появится пулеметчик противника, поползет его танк, застрочат автоматчики. Здесь создается любая тактическая обстановка, близкая к современному бою, успешно действовать в которой может только хорошо обученный, грамотный и физически закаленный воин.

Командир полка приглашает посмотреть, как будут наступать гвардейцы.

...На исходный рубеж скрытно выдвигаются отделения мотострелков. Раздаются команды:

— Приготовиться к атаке!

Кладут затворы. Расстегнуты гранатные сумки. На лицах солдат застыло напряжение. Шипя, взлетела красная ракета. По всему полю понеслось:

— К бою!.. Вперед!..

Гвардейцы стремительно выскакивают из траншей. Короткими очередями бьют автоматы и пулеметы. И все

это чем-то напоминает мне наши атаки. Только не рвутся вокруг настоящие спаряды и бомбы, не свистят пули. Но, видимо, в самом слове «атака» есть что-то такое, от чего солдат поднимает, как пружиной. Они легко и стремительно продвигаются по снежной целине. Преодолевают заграждения. Падают. И снова продолжают атаку.

Отделение развивает наступление. Неразборчиво слышны команды, плохо видны лица. И где-то на высоте, возле опушки, раздается дружное «ура-а-а!..»

Через некоторое время гвардейцы возвращаются. Лица у парней раскраснелись. От шинелей струится пар. Командир доволен действиями своих солдат. Но прежде чем разрешить перескуч, он почти каждому делает замечание.

— После перерыва повторить атаку!

И я знаю, еще не раз будут подниматься гвардейцы в «атаку». Воинское мастерство приходит не сразу. Наука солдатская не хитрая, но чтобы ее познать, нужен упорный труд. И мне определенно нравится командир гвардейской роты. Молодой старший лейтенант подтянут, энергичен в движениях. Глаза строгие, какие бывают у людей твердого, но справедливого характера. Он чем-то напоминает нашего старшего лейтенанта Никифорова. Тот тоже был строг и справедлив, тоже знал — солдатами не рождаются — и настойчиво учил нас ратному мастерству.

Побывали мы в тот день и в классах. В одном — мотострелки по «косточкам» изучают мотор бронетранспортера: и сколько двигатель имеет цилиндров, и на каком горючем работает, и что делать, если случится какая неполадка. Все надо знать мотострелку — теперь он хозяин техники.

В другом классе молодые солдаты познают тайны баллистики, взрывчатые вещества. Командир взвода с белым ромбиком на тужурке — знак офицера, имеющего высшее образование, — спрашивает солдат:

— Кто называет инициирующие взрывчатые вещества?  
Я с трудом повторяю про себя это мудрое слово. Парни поднимают вверх руки, как на школьном уроке. Отвечает Евгений Михайлов. Многих Михайловых я знаю по заводу. Молодой Михайлов — один из лучших солдат роты. А таким быть в Кировской роте непросто. Здесь почти каждый второй, как сказал нам командир, отличник учебы.

Вечером мы расстались с гвардейцами и возвращались в Ленинград. У моего соседа по автобусу оказался транзисторный приемник. Он включил его. По радио передавали музыку советских композиторов. И я услышал знакомую песню: «...мне часто снятся те ребята, друзья моих военных дней...» Незаметно для себя стал подпевать. Слова песни разбередили душу, и я как бы вновь увидел свой окоп, жестокий бой и друга рядом...

...Сегодня я видел солдат. Сыновей и внуков тех, кто прошел дорогами войны; ровесников тех, кто не вернулся с полей сражений. Пышечные войны во многом не похожи на нас. Они грамотнее, чем были мы. В их руках могучая техника и новейшее оружие. Но, как и мы, пышечные солдаты верны своему воинскому долгу. В неустанном ратном труде растет их воинское мастерство. Они всегда готовы встать на защиту мира, свободы и независимости нашей великой Родины.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

120-й запасной . . . . .	5
Через всю Россию . . . . .	17
Земля ленинградская... . . . .	27
Наша рота . . . . .	32
На боевом рубеже . . . . .	41
Товарищ корреспондент . . . . .	54
Школа в Овцыне . . . . .	63
Парень с Невской заставы . . . . .	72
Снова на передовой . . . . .	78
Снайперский дуэт . . . . .	90
Слет истребителей . . . . .	100
Наш комиссар . . . . .	113
Рота ведет огонь . . . . .	121
Зимний гром . . . . .	135
Последняя атака комсорга . . . . .	156
И к нам пришла весна . . . . .	164
Поединок . . . . .	175
Симанчук . . . . .	188
Главное поручение . . . . .	198
Полки идут вперед . . . . .	208
Рассказ об одной встрече . . . . .	223
Берегите мир! . . . . .	231

Дьяченко Ф. Т.  
Д93 Нейтральная полоса. — 2-е изд., перераб. и доп. — Л.: Лениздат, 1982. — 240 с.

Осенью 1941 года на Ленинградском фронте зародилось массовое снайперское движение. Его инициаторами стали воины-комсомольцы. Боевой опыт, солдатская зрелость приходили не сразу. Автор книги молодым солдатом попал на Ленинградский фронт. Он рассказывает о том, как формировался его характер — воина и гражданина, пишет о своих товарищах, командирах и политработниках, о тех, кто помог ему стать не только настоящим бойцом, но и одним из лучших снайперов, Героем Советского Союза.

Материалом для книги послужили личные воспоминания, фронтовые записи, документы, рассказы однополчан.

Д  $\frac{0505030202-131}{M171(03)-82}$  71-82

63.3(2)722

## Федор Трофимович Дьяченко НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА

Редактор Е. Б. Никанорова. Художник И. М. Сенский.  
Художественный редактор И. В. Зарубина. Технический редактор В. И. Демьяненко. Корректор С. А. Батюто.

ИБ № 2277.

Сдано в набор 18.09.81. Подписано к печати 8.02.82. М-17436. Формат 70×108<sup>1/32</sup>. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,50. Усл. кр.-отт. 10,85. Уч.-изд. л. 11,08. Тираж 50 000 экз. Заказ № 233. Цена 80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.